ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1987

ЛЮБИТЕ КАТАТЬСЯ?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (3125)

13—20 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Куда покатится скейтборд? (см. в номере материал на стр. 26).

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии О. И. КОЗАК.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 22.05.87. Подписано к печати 09.06.87. А 00391. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1504. Заказ № 658.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МНОГОСМЕННЫ

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Зоя КРЯКВИНА,
Александр ВИКТОРОВ (фото)

БОЛЕЕ ПОЛНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТАНКОВ, ОБОРУДОВАНИЯ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ МОЩНОСТЕЙ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ СТАЛО ОДНОЙ ИЗ САМЫХ КРУПНЫХ ПРОБЛЕМ. ПЕРЕХОД НА ДВУХ- И ТРЕХСМЕННУЮ РАБОТУ ПРОХОДИТ НЕ ВЕЗДЕ ГЛАДКО. КОЛЛЕКТИВЫ ПРЕДПРИЯТИЙ СТАЛКИВАЮТСЯ СО ЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ТРУДНОСТЯМИ. СЕГОДНЯ НАШ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ИДУТ ДЕЛА НА УРАЛЕ, В ГОРОДЕ МЕТАЛЛУРГОВ И МАШИНОСТРОИТЕЛЕЙ ЧЕЛЯБИНСКЕ.

СЕКРЕТАРЬ ГОРКОМА АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ БЕЛИШКО: «Нам сегодня важно дойти до каждого рабочего, настроить людей на двух-трехсменку психологически. Это задача номер один...»

Почти все руководители, с которыми мне довелось встретиться, говорили о том, что надо использовать уникальное оборудование с предельной нагрузкой, налаживать многосменный режим работы. Но... «Если бы дело зависело только от нас, то мы готовы хоть завтра начать в полном объеме работать в две смены,— сказал директор завода измерительных приборов Иван Николаевич Поклонский.— У нас на предприятии 1230 единиц оборудования. Более половины из них «возрастом» от 20 до 50 лет и едва выдерживают одну смену. Темпы же замены его на более высокопроизводительное оставляют желать лучшего. Не уверен, что и в этом году получим то, что нам выделено. По плану приобретаем нового оборудования на 1 миллион 600 тысяч рублей. На календаре — май, а договоров заключено пока всего на 650 тысяч».

Поклонскому вторит главный инженер опытно-экспериментального завода Виктор Николаевич Вязовой:

— Перевести на двухсменку большее количество людей сегодня не имеем возможности. Треть сборки металлоигрушек пока ведем вручную. Автоматических линий в перспективе не предвидится, хотя за двенадцатую пятилетку производство игрушек на заводе должно вырасти в пять раз.

Понятна боль руководителей, не имеющих возможности работать по-новому из-за медленного технического перевооружения производства. Неудивительно, что коэффициент сменности за десять лет в Челябинске возрос всего на 0,04 единицы — с 1,4 до 1,44. На большинстве предприятий ежегодные темпы замены оборудования не превысили двух процентов.

Количество и качество оборудова-

МИЛОВАНОВ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ: «Нас, фрезеровщиков, для одной смены не хватает...»

Й РЕЖИМ

ИГНАТОВ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, РАСТОЧНИК ЦЕХА ПРЕСС-ФОРМ ЧТЗ ИМЕНИ ЛЕНИНА: «Двухсменка для нашего цеха не новость. Мы давно обвыклись, и производительность не страдает».

МАРЧЕНКО АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, СЛЕСАРЬ-СБОРЩИК: «Какие могут быть предложения от тех, кто не работает в две смены и не собирается переходить!..»

ния — своего рода барометр экономической погоды в Челябинске. Директор машиностроительного завода автотракторных прицепов Анатолий Андреевич Воробьев на устаревшие станки не жаловался. Идет значительное обновление завода, он расширяется, уникальное оборудование используется в две смены. И желающие обслуживать станки с ЧПУ тоже есть, работу на них, по словам Воробьева, из рук рвут. Но всех здесь беспокоит качество станков с ЧПУ: на заводе станки тринадцати различных электронных систем, и все ненадежны. Челябинский центр по их обслуживанию не справляется с наладкой.

На предприятиях города мне не раз приходилось слышать нарекания на низкое качество станков с ЧПУ. Если взять этот показатель по Челябинску, окажется, что простаивает пятая часть такого рода оборудования.

Работа посменно не есть что-то новое, неизвестное для челябинцев. Сегодня 88 предприятий города трудятся в таком режиме. Но процесс проходит довольно болезненно.

На заводе измерительных приборов нам показали две тысячи анкет. В большинстве в ответе на вопрос: согласны вы работать в две смены?— было подчеркнуто — **нет**. Причины самые разные, вплоть до того, что, мол... вам надо, вот и работайте, а я не хочу.

— Нам придется очень туго,— говорит И. Н. Поклонский.— Люди привыкли к односменке. Несмотря на то, что буквально в нескольких метрах за станками такие же отцы и матери, а производство отлажено на две смены, многие не собираются встать с ними рядом, предпочитая уволиться и пойти туда, где пока работают только в день. Спрос на рабочие руки в городе большой, и трудоустроиться не так уж сложно.

В день, когда мы были на заводе измерительных приборов, директор показал нам двенадцать заявлений на увольнение от шлифовщиков, токарей, других высококвалифицированных специалистов, которые не хотят работать посменно.

В седьмом цехе приборов неожиданно попали в окружение взволнованных людей. Шло собрание. В повестке дня третьим значился вопрос о двухсменке. Пока обсуждали итоги и соцобязательства, люди горячились, выступали, искали виновного. А когда перешли к двухсменке, выяснилось, что ни одного человека, работающего на станках с ЧПУ, на собрании не оказалось. Одних просто не пригласили, другие ушли. Среди них, как ни странно, и мастер участка станков с ЧПУ Игорь Петрович Хэгай, который очень активно обсуждал итоги... Комментарии, как говорится, излишни.

Еще не во всех коллективах работа по внедрению двухсменки ведется творчески, с полным сознанием ответственности за ее результаты. А именно здесь — в каждодневной перестройке мышления, высокой инициативности кадров всех уровней — главная точка опоры, делового настроя челябинцев.

Около половины продукции в Челябинске выпускается в вечернюю и ночную смены. Это значит, что во многих семьях кто-то уже трудится вечером и в ночь. Поэтому переход здесь с точки зрения настроения людей гораздо сложнее, чем в ряде других городов страны. Надо, значит, убеждать людей, что двух-трехсменка в первую очередь выгодна самим рабочим. Она позволит выделить дополнительные денежные средства на новое промышленное строительство, перебросить часть из них на возведение жилья, объектов социального назначения.

Волнуют партийные и советские органы, руководителей предприятий и сложности другого рода. Отраслевые министерства не спешат пересмотреть сроки перехода на двухсменку, не подтверждают делом программ интенсификации, планов технического перевооружения предприятий.

Встретились мы и с таким фактом. Завод технологической оснастки работает и в одну-то смену не в полную мощность. Горком партии вошел в Минлегпищемаш СССР с предложением загрузить простаивающее оборудование заказами предприятий других отраслей. Времени прошло достаточно, но ответа пока нет. Как же будет загружен завод? — гадают заводчане.

...Каких улучшений вы ждете от социальной сферы! Как вам видится работа предприятий торговли, быта, транспорта! Что бы вы хотели изменить в связи с переходом на двух- и трехсменку? С такой анкетой Челябинский горисполком обратился к руководителям шестидесяти крупнейших предприятий.

— Сначала мы думали, что просьб будет много,— рассказывает заместитель председателя горисполкома Геннадий Иванович Аржевитин,— к нашему удивлению, предложений не последовало. Попытались расшевелить руководителей еще раз. С большим трудом, напоминаниями через три месяца получили 16 формальных ответов: претензий нет. Заметьте, шестнадцать из шестидесяти! Не верилось, что в миллионном городе все хорошо. И тогда мы пригласили руководителей на беседу. И опять конкретных предложений было мало.

На собрании в 7-м цехе приборов при обсуждении двухсменки желающих выступить было мало...

Думали поручить этот вопрос социологам, но они могли проанализировать нужды лишь двух-трех предприятий. Для более широкого изучения проблемы в середине апреля газета «Вечерний Челябинск» пригласила к разговору рабочих, инженеров, партийных, профсоюзных, комсомольских работников. Середина мая, а писем в редакции единицы.

— Так что же, выходит, все в порядке?

— Не совсем. Но большинство вопросов решено. Ситуация у нас значительно облегчена тем, что на многих предприятиях города непрерывка: прокатные станы, доменные печи в круглосуточной работе. Под них давно сориентированы и настроены многие службы. Взять самую острую — транспорт. Если брать вторую и третью смены, то особых неудобств рабочие не испытывают. Мы пошли навстречу предприятиям, которые обратились с просьбой изменить график последнего рейса. Предприятия хотели бы пользоваться спецрейсами, но не желают доплачивать автослужбе — отсюда и «размолвки». Учли мы и желания садоводов: для подвоза рабочих в коллективные сады введены прямые рейсы — привлекли 650 единиц ведомственного транспорта. Правда, здесь еще недостаточно отлажена система контроля, но мы сейчас этим занимаемся.

— Геннадий Иванович, работницы некоторых предприятий жаловались, что бывают случаи, когда пора идти на смену, а некуда деть ребенка.

— Объективно картина выглядит на сегодня так. Районные детские садики стали открывать свои двери для малышей на час раньше, в продленных группах ребенок может оставаться до восьми вечера. С круглосуточными группами пока не все ясно. В Металлургическом районе, например, побеседовали с каждой мамой. Выяснилось, что в пятидесяти детских садиках набралось всего лишь 109 ребятишек, которых не с кем оставить дома. В четырех детских садах разных микрорайонов открыли круглосуточные группы, но оказалось, что неудобно возить малышей из одного детского сада в другой. Так что эта проблема пока не снята с повестки дня, но решается.

Торговля тоже перестраивается. В каждом районе города, а их у нас семь, можно купить продукты в дежурных продовольственных магазинах до 22 часов. Настроена под ритм смены и служба быта. Здесь тоже неограниченные возможности у предприятий. И многие приближают добрые услуги к проходной, к примеру, особенно в этом преуспел коллектив электролитного цинкового завода.

— Геннадий Иванович, на жилье еще большие очереди на любом предприятии. Хорошая квартира тоже немаловажный аргумент в пользу двух- и трехсменки. Каковы перспективы?

— Программа «Квартира», разработанная у нас в городе, позволяет разрешить острейшую социальную ситуацию. Чтобы к 2000 году обеспечить каждую семью отдельной квартирой, нужно строить вдвое больше. Пытаемся активизировать строительство хозспособом.

— И последний вопрос: что мешает, на ваш взгляд, более скорому внедрению многосменного режима на предприятиях города?

— Причин много. И в первую очередь пассивность руководителей. Коллективы предприятий, я бы сказал, не готовятся к многосменному психологическому режиму. Повторюсь. Это даже видно из того, как люди откликнулись на наше желание узнать, что им нужно для двухсменки, каких улучшений и помощи ждут они от нас. Мы готовы услышать предложения и пойти навстречу, но нам надо знать, что сегодня нужно трудовым коллективам,— танцевать, как говорится, от производства.

В горисполкоме ждут предложений, пожеланий и замечаний от руководителей и недоумевают, почему их нет. Главная причина — советские органы, разрабатывая вопрос о переходе на многосменный режим, сами где-то недоглядели. Если бы городской Совет определил конкретный срок (а право такое у него есть!) более или менее одновременного перехода на многосменку предприятий всего города, то предложения по улучшению сферы обслуживания в новых условиях посыпались бы со всех сторон. И дело бы только от этого выиграло.

15 марта 1985 года Бразилия ожидала с нетерпением. После двадцатилетнего периода авторитарного правления военных страна должна была перейти к гражданскому правлению. Танкреду Невис, избранный президентом страны, готовился вступить в эту должность. Вице-президентом был избран Жозе Сарней. И здесь судьба сыграла злую шутку. 14 марта Невис был неожиданно госпитализирован с подозрением на острый аппендицит с симптомами сепсиса. Какое-то время он находился между жизнью и смертью. Президентом Бразилии, согласно конституции страны,

был провозглашен Жозе Сарней. Через несколько дней Невис умер. Жозе Сарней не только крупный политический деятель Бразилии. Он также известен как журналист и писатель. Такие его произведения, как «Начальная песня», «Воды устремляются на север», и другие хорошо знают в Бразилии и за рубежом. В 1980 году он был избран членом Бразильской литературной академии. Предлагаем интервью президента Бразилии Жозе САРНЕЯ, взятое нашим специальным корреспондентом, поэтом Евгением ЕВТУШЕНКО, чей очерк «Сколько стоит фантазия» читайте на стр. 16—18.

ПИСАТЕЛЬ ВО МНЕ ВДОХНОВЛЯЕТ ПОЛИТИКА

— После военной диктатуры в Бразилии начался процесс демократизации. Каковы его успехи? В чем трудности?

— Действительно, после двадцати одного года авторитарного правления Бразилия вступила в эру полновластия демократии: бразильский народ отвоевал во всей полноте свои политические права и свободу.

Этот процесс — процесс восстановления демократии в Бразилии—увенчался избранием Конституционной ассамблеи, имеющей полномочия по выработке конституции, которая отвечала бы новой политической реальности страны и гарантировала не только стабильность демократических институтов — плюрализма, сменности власти, эффективного представительства народа в правительстве,— но и социально-экономическое развитие страны.

Я часто говорю, что для Бразилии понятие «демократия» не может ограничиваться лишь политико-институционными аспектами; она должна быть распространена и на социально-экономическое устройство. Демократизация экономического развития и механизма распределения материальных благ — условие политической стабильности и развития Бразилии как нации. Это нелегкий процесс, ибо новая бразильская демократия унаследовала большие трудности, уходящие корнями в века истории и ставшие причиной того, что сегодня можно назвать самым большим долгом страны — долгом перед ее наиболее бедными жителями.

Но и завоеваний у демократии тоже много. Думается, что сегодня политическая свобода охватила все сферы национальной жизни. Функционирует конгресс, умножились формы участия общества в политической жизни. Одно из прямых следствий этого широкого участия—ясный и непреклонный выбор правительства в пользу таких мер, которые ведут к восстановлению экономического роста, и такой политики, которая имеет целью обеспечение эффективного распределения богатств.

Наши внешнеполитические действия также имеют цель гарантировать экономический рост Бразилии, соразмерный с ее социальными нуждами.

Что касается трудностей, то их много. Здесь можно назвать и инфляцию, и внешнюю задолженность, и само сложное разнообразие страны, являющейся ни много ни мало восьмой экономической державой западного мира, насчитывающей 136 миллионов жителей и находящейся в процессе ускоренного развития. Однако до настоящего времени представлялось возможным управлять естественным многообразием сталкивающихся интересов и добиваться конкретных успехов.

— Какова роль искусства в бразильской общественной жизни?

— Бразилия — полностью сформировавшаяся нация с самобытной культурой, в которой смешались культуры различных этнических групп. Искусство, развивающееся в стране с начала ее колонизации, несомненно, способствует этой самобытности. Ведь нельзя представить народ без собственных форм художественного выражения.

К счастью, у нас в Бразилии имеются самые разные формы искусства, от связанных с народной культурой, которой особенно богат северо-восток — мой родной край, до наиболее совершенных форм изящного искусства, вклад в которое Бразилии также впечатляющ, особенно в музыке и в изобразительных жанрах.

Из всех ролей, какие играет искусство в общественной жизни определенной страны — начиная с гармоничного развития каждого ее жителя и кончая становлением самобытности нации и ее взгляда на мир,— в том, что касается Бразилии, как мне думается, стоит подчеркнуть одно важное явление: искусство расцветает, в подлинном смысле этого слова, во времена наибольшей народной активности. Будучи выражением творческих сил каждого народа, искусство только тогда богато, когда оно свободно и не обязано вписываться в прокрустово ложе установленных схем.

Такова наша надежда — надежда, что отвоеванная нами сегодня свобода, за которую боролись и художники нашей страны, принесет плоды и в искусстве.

— Вы известны также как писатель. Но разве писателям не свойственно традиционно выступать в роли критиков государства? Нет ли противоречия между вашим положением президента страны и вашим писательским призванием?

— По правде говоря, я не вижу противоречия между статусом политического деятеля и писательским ремеслом. Я считаю, что моя политическая жизнь, наряду с общественной деятельностью за улучшение социальной среды, определяется стечением обстоятельств, в то время как моим истинным призванием и даже, если хотите, страстью всегда оставалась литература.

Писатель, артист, художник всегда критически осмысливает окружающую его действительность. Он вскрывает проблемы, критикует, строит утопии, изобретает решения, разоблачает. Без такого подхода к действительности, без постоянного ее анализа и критики нельзя быть настоящим политиком. Политик и писатель действуют, быть может, в разных сферах, разными методами, но сущностью их деятельности должна быть — по крайней мере, я так считаю — человечность.

Писатель волен разрушать и перекраивать миры; ответственный политик должен стоять на службе своего общества...

Моя литература, за исключением тех случаев, когда она носит сугубо интимный характер, имеет смысл только в соотношении с той социальной и культурной действительностью, на основе которой она построена: это мой родной край, человеческие и социальные проблемы моего родного северо-востока, штата Мараньян, Бразилии в целом. Осознавать проблемы, чувствовать их так, как чувствует поэт и мечтатель, а не человек сугубо практический,— это уже шаг к тому, чтобы начать их решать.

Именно такое сознание — смесь личного жизненного опыта и эмоциональных наблюдений — сделало меня политиком, чувствительным к социальным вопросам, стремящимся их решать.

Таким образом, писатель во мне вдохновляет политика, а тот своим опытом обогащает писателя, открывая иные реальности, в том числе такую необычную, что ли, реальность, каковой является власть, каковой является ответственность стоящего во главе правительства.

Думаю, что мог бы подвести итог вышесказанному, назвав двойной статус писателя и политика сочетанием сознания и действия, сочетанием, весьма часто встречающимся в искусстве и литературе не только Бразилии, но и всей Латинской Америки, для которой столь характерна фигура Писателя—Государственного Деятеля. Впрочем, не только для нее.

— Бразилия — самая большая страна Латинской Америки. Советский Союз — самая большая страна мира. Что надо сделать для сближения наших народов перед лицом ядерной угрозы?

— Действительно, ядерная угроза должна объединять народы всего мира в усилиях по превращению ее в пройденную главу истории человечества.

Голос Бразилии всегда был слышен во всемирном хоре голосов, призывающих к формированию антиядерного сознания. Это объясняется в первую очередь тем, что, будучи развивающейся страной, она очень остро чувствует последствия отвлечения на гонку вооружений гигантских ресурсов, которые могли бы быть использованы для развития и прогресса наиболее бедных стран.

Именно поэтому Бразилия поддерживает все усилия, направленные на снижение и ликвидацию опасности ядерного столкновения, на создание климата доверия и условий для прогресса всего человечества. Разумеется, главную ответственность в этом процессе несут ядерные державы. Но они могут безошибочно рассчитывать на поддержку этих усилий всеми остальными странами, в том числе и Бразилией.

Строя свои отношения в духе доверия, конструктивности, взаимного уважения и выгоды, Бразилия и Советский Союз могут весьма эффективно способствовать совершенствованию международных отношений.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

ИНТЕРЕС?—ВСЕНАРОДНЫЙ!

В журнале «Огонек» № 23, июнь 1987 года, опубликована статья группы работников ПО «АвтоВАЗ» г. Тольятти «Чей интерес на пьедестале?», в которой излагается взгляд этих работников на проект Закона о государственном предприятии.

Основной довод авторов письма, напечатанного в «Огоньке», сводится к тому, что «проект Закона во многом продолжит стимулирование приписок, ресурсоразбазаривание и интенсификацию затрат». В доказательство приводится пример возможности получения предприятием незаработанных средств в виде дополнительного фонда зарплаты и прибыли путем искусственного расширения кооперации. Пример этот является некорректным. Он строится на системе таких показателей (расчет объемов производства по товарной продукции), указание на которые в проекте Закона отсутствует. В нем искажается механизм определения прибыли в цене изделия и образования фонда заработной платы.

Прибыль, как известно, включается в цены изделий на основе нормативов рентабельности не к себестоимости в целом, а к себестоимости за вычетом затрат на сырье, материалы, топливо, энергию, полуфабрикаты и комплектующие изделия. Увеличение фонда заработной платы производится по нормативу за каждый процент прироста объема не товарной, а нормативной чистой продукции. Поэтому искусственное расширение кооперации экономической выгоды трудовому коллективу не принесет.

Искажая сознательно или несознательно существующий подход к формированию прибыли и фонда зарплаты, авторы письма, таким образом, вводят в заблуждение большой круг читателей, не являющихся специалистами в области экономики, и дезориентируют общественное мнение.

Взвешенный анализ основополагающих сторон принципиально нового хозяйственного механизма, на котором базируется проект Закона и который действительно всесторонне обсужден в тысячах трудовых коллективов, подменяется в письме вазовцев, на наш взгляд, бессодержательной звонкой фразеологией.

Уйдя от сути проекта Закона, авторы письма апеллируют к общественному мнению, призывая вытравливать из всех нас примитивную психологию административных методов управления. Кроме того, авторы ничего конкретно по улучшению Закона не предлагают.

Можно допустить, что подобная позиция основывается на отсутствии представления о содержании перестройки системы хозяйственного управления, которая должна вводиться в стране вместе с принятием Закона о государственном предприятии.

По нашему глубокому убеждению, проект Закона является крупным шагом вперед в развитии хозяйственного механизма, расширении прав и повышении ответственности предприятий. Он станет центральным звеном правовой основы радикальной реформы, намеченной XXVII съездом, проектом построения хозяйственного механизма деятельности предприятий, отвечающего принятым на съезде принципам. Его вступление в силу откроет качественно новую ступень радикальной перестройки в экономике.

В. МОСКАЛЕНКО, заместитель генерального директора по экономике Сумского НПО имени М. В. Фрунзе, доктор экономических наук; А. БУЖИНСКИЙ, заместитель генерального директора по экономике ПО «Московский завод имени И. А. Лихачева»; В. АСТАФЬЕВ, начальник Главного планово-экономического управления Минэлектротехпрома, доктор экономических наук

НАПУТСТВИЯ

ДВАДЦАТОГО АПРЕЛЯ ИЗБИРАТЕЛИ НАЗВАЛИ ИХ ИМЕНА, СКАЗАЛИ, ЧТО ХОТЯТ ВИДЕТЬ ИХ ДЕПУТАТАМИ КРАСНЕНСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ. ТЕПЕРЬ СОБИРАЛИСЬ, ЧТОБ СКАЗАТЬ, ЧЕГО ЖДУТ ОТ НИХ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ. О ВЫДВИЖЕНИИ МЫ РАССКАЗАЛИ В № 19, О ВСТРЕЧЕ С КАНДИДАТАМИ ОБЕЩАЛИ РАССКАЗАТЬ, КАК ТОЛЬКО ОНА ПРОЙДЕТ. ВЫПОЛНЯЕМ ОБЕЩАНИЕ.

...Несколькими часами раньше заседал исполком Красненского сельсовета. Обсуждали насущное. Приняли решение создать депутатский пост на строительстве сельского Дома культуры. Строительство движется, однако депутатский глаз и депутатский голос не помешают, наоборот, помогут убрать помехи, которые возникают будто из ничего иногда по нескольку раз на день.

Еще обсудили на исполкоме санитарное состояние деревень Лесок, Горная Рута и Остухово; наметили, как подключиться к подготовке школ (на территории сельсовета их пять) к новому учебному году; подумали сообща, как помочь жильем молодым семьям, «отпочковавшимся» от родительского корня; разобрали заявления, поступившие в сельсовет; круто потолковали с теми, кто своим поведением срамит сельскую честь...

И тут, и чуть позже на встрече с кандидатами в депутаты отчетливо просматривался тот новый уровень требований ко всему и ко всем, что зримо утверждается в нашей жизни после XXVII съезда партии, после апрельского (1985 г.) и январского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС.

В самом деле, посмотреть, скажем, на расходы колхоза «Маяк» — за гордостью и радостью можно, кажется, и не стараться разглядеть того, с чем вчера еще мирились да и можно еще мириться завтра, послезавтра. Внушительные суммы тратит «Маяк» на людей: 137 тысяч рублей отдали в прошлом году на премирование; 127 тысяч — на культурно-массовую работу и спорт; 42 тысячи — на благоустройство деревень; 28 тысяч — на помощь в обработке приусадебных участков; 26 тысяч — на банное обслуживание (решено правлением — пусть будут бесплатные бани!); 35 тысяч — в фонд помощи престарелым, временно потерявшим трудоспособность, инвалидам; 210 тысяч рублей истрачено на строительство жилья, 185 тысяч — на сооружение Дома культуры...

Кто скажет, что мало заботы? Никто! И в то же время заботу в нынешнем ее понимании справедливо оценивают как общую обязанность искать такие подходы к жизни, чтобы не хвататься потом за голову и не спрашивать друг друга с болью и запоздалым возмущением: «Что же мы наделали? Как же вжились-вписались в этот самый застойный период?!»

Собрание избирателей, как и в прошлый раз, проводили в Остуховской школе. Увидев на стенке расписание экзаменов, я спросил у директора Владимира Григорьевича Рокача:

— А сколько же в нынешнем году экзаменующихся?

— Девять человек в десятом классе и семь в восьмом...

Чуть задумался и добавил:

— А в прошлом году в первый класс приняли всего двоих.

Это из нескольких деревень! Для полноты картины добавлю: население Кореличского района уменьшается за год примерно на тысячу человек. Есть над чем думать, особенно если принять во внимание, что Кореличский район один из самых экономически крепких не только в Гродненской области, но и в Белоруссии.

Есть над чем думать... С тем и пришли на собрание избиратели из Остухова и Жукова. Тем и определился разговор на нем — открытый, временами откровенно сердитый.

Говорили, что пора уже найти средства и построить мост вместо старого, обветшалого, насыпать дорогу в Нижнем Остухове, обновить склад топлива для фельдшерско-акушерского пункта... Неуемный Николай Лукьянович Маныло укорял и сельский Совет, и правление колхоза за то, что не всегда помнят о насущных нуждах людей.

— Призывают нас молоко продавать государству. Продаем. А ведь коров-кормилиц содержать надо. Известное дело. Только вот чувствовать бы это постоянно. Сена заготовить когда помогут, а когда и нет, пастбища, случается, выделяют — и козе не наестся...

Леонила Ивановна Тишук просила кандидатов в депутаты не забывать и о таких насущных нуждах, как топливо, еще просила, чтоб договорились регулярно присылать к деревенским покупателям автолавку. Бывший директор школы Николай Гаврилович Ложечник обратился к бывшему своему ученику Сереже Евушко, теперь заведующему вторым производственным участком колхоза и кандидату в депутаты сельского Совета, с несколько необычным наказом:

— Ты теперь начальник, сделай, чтобы на колхозных лошадей побольше внимания обратили. Ненормально это, когда за техникой лучше, чем за лошадьми, ухаживаем! Не по-деревенски это!

Во всем разговоре, надо сказать, звучала тревога за крестьянские судьбы. И с воспитанием молодых хозяев земли это увязывалось крепко-накрепко. Не забыла в горячую пору посевной Степанида Степановна Пецевич посадить цветы в палисаднике возле хаты — уже, считай, получила голоса избирателей, потому что отношение к родной деревне — это отношение к будущему, это пример тем, кто должен взять на себя нелегкую крестьянскую ношу и сохранить на селе добрые и красивые традиции, без которых ни хлеб не вырастишь, ни яблони не зацветут и забудется вкус свежего с луговым ароматом молока и прохладная нежность красивой льняной ткани...

Беречь деревню! Так можно выразить в двух словах суть наказов, что давали односельчане односельчанам на предвыборной встрече. И кандидаты в депутаты высказывали такие же мысли. Шофер Аркадий Иосифович Шабан, заведующая фельдшерско-акушерским пунктом Галина Иосифовна Бумай, доярка Нина Феофановна Качан, директор школы Владимир Григорьевич Рокач обращались к требовательному и откровенному собранию с напоминанием: пример должен показывать каждый, воспитывать успешно можно лишь тогда, когда воспитателем чувствует себя каждый и каждый отвечает и за прожитый, и за грядущий день.

Стоит подметить ценную черту людей, за которых будут голосовать на предстоящих выборах. В дни, прошедшие от выдвижения кандидатами в депутаты до встречи с избирателями, они, кандидаты, трудились с каким-то особым настроем, заражающим всех азартом,— доверие земляков подняло их в собственных глазах, а подняв, заставило требовать с себя десятикратно. Поднялись надои на ферме, где работает Нина Феофановна Качан, Степанида Степановна Пецевич никому не уступала в своей бригаде. А про Аркадия Иосифовича Шабана Сергей Евушко сказал:

— Мало того, что водителем еще раз себя показал надежнейшим, советами мне помогал все время. Я-то земледелец начинающий, всего пять месяцев участок возглавляю, а у него крестьянский опыт — кто хочешь позавидует.

Все это тоже придало весомость наказам и обещаниям их выполнить. Правда, возник вопрос: а хватит ли депутатам на все правомочий, власти? Возник он естественно. На собрании очень резко осуждалась практика пустых обещаний, не подкрепленных делом слов, этакого безответственного расточительства посулов и заверений.

Важный вопрос. Легко дать слово, что дорога в деревне в два счета покроется асфальтом, а автобус для подвоза ребят в школу вот-вот засигналит у дверей. Но кандидаты в депутаты сельсовета еще не знают, что даже районным властям полгода, а то и год надо выбивать лимиты на строительство, потом примерно столько же подгонять тех, кто составляет сметы... А автобус попробуй получи! (В районе мне рассказали дивную историю: просили — не выпросили машину для райпотребсоюза. Купили «Ниву» из рыночного фонда. Она стоит в гараже, потому что, купленную таким путем, ее не регистрируют, а председатель райпотребсоюза, у которого полтораста торговых точек, путешествует по району «на перекладных».)

Да, если мы хотим, чтобы авторитет Советской власти был высок и непререкаем, мы должны заботиться о правах, полномочиях депутатов, о солидности их положения. Думается, разумно взять за правило раз или два раза в год собирать депутатов сельских Советов (кто ближе их к народным запросам?!) в Верховном Совете республики — выслушивать, советоваться, учить. Думается, должно стать правилом присутствие на заседаниях исполкомов сельсоветов районных руководителей, а депутатские отчеты проводить празднично, авторитетно и дотошно в самом хорошем смысле этого слова.

...На выборах граждане страны будут голосовать за успех перестройки. Их голоса подсчитает время.

Александр ЩЕРБАКОВ, соб. корр. «Огонька»

Кореличский район Гродненской области.

ФИЛОСОФ

«Каждый партийный руководитель должен стать трибуном, пламенным оратором, воспитателем масс»,— считает Петр Михайлович Дорофеев, секретарь Кемеровского обкома партии.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Эдмунд **ИОДКОВСКИЙ**,
Геннадий **КОПОСОВ** (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

О ПЕРЕОЦЕНКЕ ЦЕННОСТЕЙ

Тисуль... Самая восточная точка Кемеровской области на полпути между Кузбассом и КАТЭКом. Один из самых отстающих в области районов: более половины колхозов и совхозов убыточны.

Районным «царем и богом» был Анатолий Павлович Иленко. Первый секретарь райкома партии. И недавняя действительность давала основания считать, что держится он крепко. Махинации, приписки, хищения, нарушения закона — все покрывал Иленко, ибо окружил себя послушной командой подчиненных. А об их «стенку» и разбивалась всякая попытка критики: дело-то происходило в глубинке, вдали от высоких инстанций. Тисульский редактор «районки» Н. Скоров, мужчина размашистый и колоритный, вытирал, как говорится, «скупые мужские слезы», когда шел под нож свежий, пахнущий типографской краской тираж очередного номера, где критиковали одного из руководителей района.

Анатолий Павлович знал, что у районного прокурора Л. Шкутова и его помощников скопилось уже семь уголовных дел, в которых были замешаны ответственные работники, но был уверен, что все удастся замять.

— Тисульский нарыв надо вскрыть!— сказал Петр Михайлович Дорофеев на бюро обкома.— И отдать должное прокурору, который в отличие от редактора не убоялся откровенного давления, непрестанной слежки со стороны Иленко...

Первого секретаря в Тисуле отстранили от должности. У него были, конечно, «свои люди» в обкоме партии, которые поддерживали его в борьбе с «жалобщиками», но ведь сегодня повсюду — где быстрее, где медленнее — идет трудный процесс очищения.

— Однако юные, чистые души целиком на нашей стороне,— продолжает Дорофеев,— им легче овладеть новым мышлением. Люди «пожившие» иногда утверждают, что предельная гласность и расширение зон критики граничат с желанием чернить нашу действительность. Разумеется, понятие «демократия» — одно из сложнейших, развивающихся. Оно не означает, что можно пускать дела на самотек, при таком понимании демократии верх кое-где могут взять и демагоги. Мы это прекрасно понимаем — и в бюро, и в секретариате обкома партии. Главное, что помогает отделить демагогию от демократии,— это критерий правды, дотошное знание истинного положения в стране, области, районе. А все же бояться обвинений в «очернении» не следует, куда опаснее тенденция «не высовываться» — в страхе, что все вернется на круги своя...

— На этот счет,— вспоминаю,— хорошо, с иронией сказал поэт Валентин Пряхин:

От гласности кружится голова,
работают слова, как жернова.
А ну как все опять перевернется —
и мне припомнят все мои слова?!

...Внимательнейше следит секретарь обкома за всенародным обсуждением путей перестройки, которая развернулась сейчас в газетах и журналах. Разные определения прошлого встречаются в дискуссии — и «государственный социализм», и «административная система», и «экономика дефицита», и «приказ вместо рубля». Еще раз обращается Дорофеев к ленинским работам, особенно к «Великому почину», где дана стройная картина смены общественных формаций («Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»), но подчеркивается, что «это — дело очень трудное и очень долгое...». Пока что производительность труда у нас — одна из самых низких среди индустриальных стран. Следовательно, пер-

* * *

— Три десятилетия отдал я партийной работе,— говорит Дорофеев, отметивший на днях 60-летие.

Собеседник старше меня всего на пять лет, но воспринимаю его как человека иного, «фронтового» поколения. Армия окрасила суровым цветом его молодость (шесть лет в авиации: 1944—1950), потом выбрали его комсоргом шахты «Байдаевская» и выдвинули на работу в Новокузнецкий горком комсомола; после четырех лет Высшей партийной школы стал секретарем парткома завода металлоконструкций, затем возглавил отдел горкома.

Наше поколение — условно говоря, «целинное» — пережило потрясение XX съезда и последующие события, вплоть до переименования Сталинска в Новокузнецк, куда менее болезненно, чем старшие братья; то, что для нас было радостным освобождением от идеологии и практики времен культа личности, для них граничило с ломкой мировоззрения, а кто-то из старшего поколения и до сего дня испытывает ностальгию по «сильной личности».

Но страна, как говорится, выстрадала перестройку, «нравственную революцию», как назвали ее на XXVII съезде партии.

— Спор идет о том, как понимать эту перестройку сознания,— говорит Дорофеев.— Ибо одни считают, что перестройку надо начинать с себя, что перестройка — это прежде всего глубочайшее внутреннее потрясение, душевное обновление, пробуждающее необычайные творческие силы.

Есть и противоположная точка зрения: перестройку надо начинать с «других», а нам-то перестраиваться нечего, мы и так чистенькие.

Петр Михайлович перешел к событиям в Тисуле, а я вспомнил, что в последнее время «Правда» не раз выступала в поддержку местных газет, которые иногда подминались теми, кто противодействует оздоровлению общества, самовольно присваивая себе право цензуры над печатью.

вейшая задача партийных работников — создать экономические стимулы перестройки. Очень трудное, долгое дело.

Дорофеев говорит:

— За последнее время необычайно вырос авторитет ЦК партии и заметно снизился авторитет местных партийных органов. И у нас разоблачения, подобные тисульскому, сделали свое дело. Основное звено, за которое можно вытянуть всю цепь, считает бюро нашего обкома,— кадровая политика, чтобы всюду к руководству пришли или утвердились еще крепче люди нового мышления — экономического и политического.

Грандиозная ломка стереотипов идет в стране. И я спрашиваю Дорофеева:

— Удается ли обкому избегать подмены хозяйственных органов? Одними призывами на этот счет не обойдешься...

— Несомненно, вопрос актуальный. Что и говорить, к нам в обком от предприятий и строительных трестов каждый год поступало до пяти тысяч служебных писем и телеграмм: помогите достать то кирпич, то цемент, дайте, дайте арматуру, половую рейку и прочее... Однажды на секретариате обкома решили единогласно: возвращать адресатам письма и телеграммы по таким вопросам, а на пленуме и в печати публично сказали об этом. Само собой, запрет не касается просьб из других обкомов, ЦК компартий союзных республик, здесь мы принимаем меры по письмам и даем ответы, хотя мечтаем о сокращении и этого потока просьб: от лозунга «не подменять хозорганы» пора всюду переходить к соответствующей практике. А хозяйственники в растерянных чувствах — исчезла возможность прятаться за спину обкома! Разнообразнейшая переписка сократилась вдвое, аппарат обкома ушел от функций снабженческой конторы. Куда чаще стали бывать в первичных организациях, где тоже идет серьезная переоценка ценностей: в Кузбассе уже более четырех тысяч руководителей, в том числе более полутора тысяч номенклатурных работников, прошли очистительную школу гласного обсуждения кандидатур в коллективах при назначении на должности...

— Так это у вас впервые в стране выбирали первого секретаря райкома партии?

— А то где же! Конечно, у нас, в Ижморском районе, Кузбасс и тут впереди. Замечательный был пленум райкома, там царил дух открытости. А два кандидата поделили голоса почти поровну — 29 и 20, оба они увлекали людей своей мыслью, «предвыборной платформой», и такие предвыборные платформы повсеместно должны войти в практику партийной работы.

КАРТОТЕКА ДОРОФЕЕВА

Любопытно, что с Дорофеевым я познакомился сперва заочно. Прочел о нем года три назад в брошюре Д. Мамлеева «Вопрос мирового порядка». «...Мы вели вечер в ЦДРИ, и нам хорошо было видно, как волнуется Петр Михайлович. Он и сам потом чистосердечно признался, что в такой звездной аудитории, где в рядах сидели люди, искусство которых горячо любимо народом, выступать ему еще не приходилось. Но я-то знал, что он блестящий оратор, человек деловой, не формальный, увлекающийся, творческий, знаток поэзии и сам пишущий стихи. Мне приходилось спускаться с Петром Михайловичем в забой шахты «Распадская», пройти по горячим цехам Запсиба, провести время в молодежном клубе, и всюду он был своим человеком...».

— Так вы и стихи пишете, Петр Михайлович?

Тот отнекиваться не стал и прочел строфу, популярную среди кемеровских партработников,— о тех, кто долдонит с трибун написанное референтами:

Правду этот мир не слышит,
к справедливости он глух.
Кто-то, вкалывая, пишет,
кто-то лишь читает вслух...

Слышал я и о «картотеке Дорофеева». Известные и малоизвестные мыслители и поэты представлены в этой картотеке тысячами выписок, собранных в шкафу его просторного, квадратного кабинета на третьем этаже обкомовского здания, окнами на памятник Ильича. Петр Михайлович собрал картотеку за три десятилетия партийной работы, разложил авторов по алфавиту в пятнадцать папок, озаглавленных соответственно: «Вопросы идеологической борьбы», «Вопросы культуры» и так далее,— зато теперь быстро может подготовиться к выступлению или лекции; с позволения хозяина кабинета раскрываю папку «Перестройка» и среди «сиюминутных» цитат с удивлением вижу выписки из Спинозы, Блока и других явно не современных авторов.

— Почему Бенедикт Спиноза оказался в папке «Перестройка»?

— Смотрите, как озаглавил он одну из глав своего трактата: «Показывается, что в свободном государстве каждому можно думать то, что он хочет, и говорить то, что он думает»,— и это время наступило в нашей стране!..

Умение прислушаться к голосу оппонента отличает Дорофеева. Так, однажды радиожурналист Сухацкий подготовил для областного радио острую передачу о состоянии памятников истории и культуры. Стрелы критики летели в Дорофеева. В Кемерове пришел в упадок домик академика Губкина, столько сделавшего для Кузбасса. А в Новокузнецке обветшал дом, где гостил у отца сын уездного начальника Валериан Куйбышев, не говоря уже о разрушенной в 30-е годы Одигитриевской церкви, где венчался Достоевский...

Дорофеев сперва обиделся на критику — первая, естественная реакция всякого критикуемого. Такта хватило, однако, подняться над обидой и собрать президиум областного Общества охраны памятников, где состоялся деловой, принципиальный разговор об исторической памяти.

ОСТОРОЖНО: ТАЛАНТЫ!

Горячо, взволнованно выступил Дорофеев совсем недавно, в конце мая, на совещании в Куйбышеве, посвященном вопросам культуры:

— Я счастлив, что с этой трибуны могу совершенно однозначно заявить: в Кемеровской писательской организации, как, между прочим, и в других творческих союзах области, нет этой жуткой, страшной болезни, именуемой склоками. И в лице двадцати одного члена Союза писателей — и коммунистов, и беспартийных — мы видим патриотов Кузнецкого края, выросших у нас и не собирающихся куда бы то ни было уезжать. Людям, живущим и работающим «во глубине сибирских руд», обидно читать о катаклизмах, потрясениях в писательских организациях, когда распри и склоки раздирают творческие союзы. Лично мне сложно понять все тонкости этих боев местного, а порой и всесоюзного значения. Есть ли смысл такой редкостный дар, как талант художника, растрачивать на что угодно, только не на то, что составляет самую суть этого таланта?!

Традиционными у нас в Кузбассе стали «Дни молодой сибирской поэзии», на которые съезжаются поэты сибирских городов от Тюмени до Иркутска. Баянов, Куропатов, Мазаев, Небогатов, Юров постоянно печатаются в журналах, а издательство «Современник» недавно выпустило книги прозы Владимира Мазаева, Любови Скорик, Геннадия Эстамонова, Владимира Конькова. Так что земля сибирская не скудеет талантами — и пора бы маститым критикам знать, что рядом с прославленными Распутиным и Астафьевым подрастают таланты новые, заслуживающие того, чтобы их творения тоже анализировались...

— Беда писателей, на мой взгляд, в том, что эти высокоодаренные, божьей искрой наделенные, эрудированные люди часто беспомощны в своих практических, организационных и житейских делах,— добавляет Петр Михайлович в нашей беседе.— Очень нужны им помощь и внимание...

— Молодым особенно!

— Будут и у нас в Кузбассе свои Распутины и Астафьевы...

— Они ваши любимые прозаики?

— Да. Распутинское «Живи и помни» люблю, знаю наизусть и стихи нашего земляка, ныне покойного Василия Федорова. Одного не могу принять: в предисловии к изданной в Кемерове книге он утверждал, что культура Сибири, дескать, еще только складывается. Могу согласиться с его утверждением в той части, что писатель и художник получают ранг пророка в морозном нашем Отечестве почему-то лишь вместе с московской пропиской. Обыватель как рассуждает? Ну, коль взяла Москва — значит, чего-то стоит! В Кемерове отряд писателей устойчивый, на соблазны не поддается, а вот в моем родном Новокузнецке не приживаются писатели,— это уж я авансом назвал всех оставшихся «патриотами Кузнецкого края». Емельянов-то Геннадий, ваш университетский однокашник, пребывает в Новокузнецке в гордом одиночестве!

...Новокузнецк покинули за последние годы многие писатели: поэт, Герой Советского Союза Михаил Борисов ныне в Москве, как и прозаик Гарий Немченко; поэт Павел Мелехин — в Воронеже, Владимир Власов — в Махачкале, Геннадий Молостнов — в Красноярске, Николай Самохин и Владимир Сапожников — в Новосибирске, а четверо переехали в Кемерово. Дело в том, что в Новокузнецке им негде печататься, кроме как в единственной городской газете.

— Есть, помню, строка в вашей песне о Сибири: «Возмужала здесь наша молодость». Жизненная строка, но почему же эта возмужавшая молодость не удерживается в Сибири? Если все свалить на издательские возможности — это не объяснение. Ясно, что удержать можно, но вот чем? Увеличить сибирякам гонорары, что ли?..

...ОТСТУПЛЕНИЕ В 1959 ГОД

28 лет назад, летом 1959-го, Союз писателей отправил три группы литераторов в путешествие по Сибири; та группа, в которую входил автор этих строк, включала ныне покойного огоньковца Героя Советского Союза Владимира Павлова, поэтов Вадима Шефнера, Беллу Ахмадулину, Юрия Разумовского, прозаика Соломона Смоляницкого и других. Больше месяца колесили мы по Кузбассу и Хакасии в специальном вагоне, выпуская в пути многотиражку.

Человек, вычитывающий полосы перед сдачей в печать, зовется «свежей головой»: он замечает ошибки, к которым притерпелись глаза остальных. И такими «свежими головами» были мы, читавшие — кое-кто впервые — великую книгу Сибири; «опечатки», о которых было не принято говорить, резали нам глаза. Летом 59-го, когда и слова-то «экология» не было в нашем словаре, писательская многотиражка била в набат по поводу загрязненного воздуха и отравленных рек Кузбасса, да мало кто тот набат тогда услышал.

— Одной-единственной мыслью: «Даешь металл!»,— говорит мне сейчас Петр Михайлович,— руководствовались люди большого и малого ранга, командиры промышленности и рядовые строители первых пятилеток, когда в необжитом краю, в таежном безбрежье создавался первенец черной металлургии. Влияние промышленности на весьма тонкие природные механизмы вообще не изучалось. Смысла нет задним числом предъявлять к проектировщикам и строителям современные требования, упрекать за то, что не задумывались они над глобальными последствиями эксплуатации природных богатств. Вряд ли без кузнецкого и уральского металла мы взяли бы верх над бронированными фашистскими армадами. И лозунг «Даешь металл!» имел прямое отношение к дилемме — быть нам или не быть. Жить или не жить.

...Однажды бывший директор КМК Евгений Иванович Салов сказал: «Вы мой завод не трогайте, он выше критики, он, как солдат в опаленной шинели, стоял и стоять будет!» Наверно, в этой позиции — «Мы выше критики!» — и заключались, как в капле, микробы будущих бед.

Мы за беседой вспомнили, что еще в 1973 году было принято решение о мерах по предотвращению загрязнения бассейна реки Томи неочищенными сточными водами и воздушного бассейна городов Кемерова и Новокузнецка промышленными выбросами. Однако мало что изменилось за полтора десятка лет. Петр Михайлович вздыхает:

— Стоит ветру дохнуть на жилые кварталы — и дышать невмоготу!

Дорофеев понимает, что настало время не только брать, но и отдавать, чтобы прекрасная сибирская земля сохранила для потомков чистые реки, густую тайгу и зверя, обитающего в ней.

И бассейн Томи стал предметом забот на самом высоком уровне. Безусловно, для защиты людей сделано многое, например, свыше четырех тысяч человек переселено из наиболее дымных районов, из домишек, стоявших впритык к Кузнецкому комбинату. Очистные сооружения и электропылеулавливатели строятся, равно как и плотина в районе села Крапивино: она остановила воду Томи, подняла ее и образовала бассейн, задуманный с единственной целью — оздоровить окружающую среду. Но до решения проблемы ох как далеко...

ОТСТУПЛЕНИЕ В 1918 ГОД

Характерно, что секретарь обкома все чаще берется за перо, чтобы выразить заветные мысли — мысли о перестройке. И пишет, что, формируя коммунистическое мировоззрение наших кадров, необходимо учить их искусству полемики, умению беседовать с людьми, выступать перед любой аудиторией. Как бывает в наши дни? Секретарь горкома или райкома партии приезжает в коллектив, встретится там с директором завода, главным инженером, секретарем парткома и на этом свою миссию считает законченной. Его не затянешь в цех, в бригаду, на ферму. Часто получается, что партийный лидер вроде бы боится людей, их острых вопросов, становится в тупик при необходимости выступить без заранее написанной — причем не им самим — речи. Его не трогают легенды о приезде в Кузбасс наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, о том, как нарком умел беседовать с людьми,— не то что иные нынешние министры...

Возвращаюсь к картотеке Дорофеева. О сегодняшнем дне написанным кажется вот это место из «Интеллигенции и революции» (1918) Александра Блока. Лучшее место:

«Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда **такие** замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотины, обсыпая лишние куски берегов,— это называется революцией».

— Естественно, тут вся соль не в механическом сопоставлении эпох, а в философии перемен. Что ж, именно философия перемен должна противостоять философии застоя,— говорит Петр Михайлович.

1917 • 1987

У КАЖДОГО ВРЕМЕНИ СВОИ ВОПРОСЫ. КАЖДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИЩЕТ НА НИХ ОТВЕТЫ — И В ПРОШЛОМ ТОЖЕ. ИНТЕРЕС К ЛИЧНОСТЯМ — ПЕРВОСТРОИТЕЛЯМ НАШЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА, ИХ ДЕЛАМ, СУДЬБАМ СЕГОДНЯ ОСОБЕННО ВЕЛИК. ОДИН ИЗ ТАКИХ ЛЮДЕЙ — В. В. ОБОЛЕНСКИЙ, АКТИВНЫЙ УЧАСТНИК РЕВОЛЮЦИИ.

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

Николай БЫКОВ

Еще за двенадцать лет до Октября В. И. Ленин писал о «непоследовательных» революционерах: «С этой непоследовательностью мы обязаны идейно бороться самым решительным образом, но бороться так, чтобы насущное, злободневное, живое, всеми признанное, всех честных людей объединившее революционное дело от этого не страдало».

Их было много, кого имел в виду В. И. Ленин, провозгласивший в момент всеобщей растерянности перед лицом краха самодержавия: «Есть такая партия!» История как вкопанная остановилась на всем скаку; лидеры партий, раскачавших царизм, вдруг струсили: брать ли власть в свои руки? Власть — это ответственность за исторические судьбы народа. Не было такой партии, которая бы решилась... Была такая партия! Партия Ленина. За Лениным была сила дерзновенных, успевших пройти тюрьмы, ссылки, эмиграцию, фронты — все, кроме медных труб. Кто они? Всех ли мы помним, всех ли знаем? Все ли с нами сегодня? Листаешь историю, а там пробелы, неупоминания, ошибки, ошибавшиеся — жертвы остракизма... Отзовисты, оборонцы, «левые коммунисты», рабочая оппозиция, платформы одна, другая... Живая жизнь революции. А гладко не было даже на бумаге. Владимир Ильич — уж чего только не выкидывали ближайшие его соратники! — никого из честно колеблющихся, на мгновение струсивших, искренне заблуждавшихся не отринул. Не отлучил от главного — от повседневного участия в революции. Не раз остро критиковал. Критиковал, высмеивал, перебрасывал с участка на участок. Наставлял уму-разуму. Вооружал идеями, практическими указаниями — вел к победе. Через тернии вел. Свою партию.

Николай Подвойский, Антонов-Овсеенко, Федор Раскольников, Михаил Ольминский, Виктор Ногин, Валериан Яхонтов, Владимир Милютин, Николай Крыленко, Розалия Землячка, Яков Рудзутак, Влас Чубарь, Авель Енукидзе, Валериан Оболенский... Почти все они одного года смерти. О многих мало кто и что знает. А знать первостроителей социалистического государства, их жизненный путь надо — путь кремнистый, через огонь, бездорожье и котлованы. Живые краеугольные камни фундамента. Легли надежно.

ИЗ ПИСЬМА в редакцию:

«В последнее время Ваше издание приобрело авторитет среди читателей интересными публикациями по самым разным вопросам. Предлагаю тему, которая просится на страницы журнала. В апреле 1987 года исполнилось 100 лет со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии, одного из учеников Ленина — Валериана Валериановича Оболенского (Н. Осинского). За недолгую жизнь (ему было чуть больше пятидесяти, когда он погиб) экономист В. В. Оболенский сделал немало. Гимназистом участвовал в первой русской революции, побывал в политэмиграции, редактировал первую легальную газету большевиков «Наш путь», в партию вступил в самый тяжелый для нее период — в 1907 году, сразу же после победы Октября был первым председателем ВСНХ, потом замнаркомзема, полпредом в Швеции, участвовал в Генуэзской конференции, был управляющим ЦСУ, начальником Автодора и куратором строительства Горьковского автозавода, одновременно популярным публицистом, был избран академиком...

В переживаемое время гласности раскрываются многие «тайны». Один из уроков правды — расшифровка имен, которые умалчивались до XX съезда партии. И вот, уважаемый товарищ редактор, мне видится статья под названием...»

Название есть. Его дал Александр Твардовский — «По праву памяти». Можно ли придумать лучше, надо ли?

Автор письма — внук В. В. Оболенского, Илья Витальевич Чусов, москвич, коммунист, научный сотрудник. Написать в редакцию его побудили, по-моему, два чувства — чувство потомка и чувство справедливости: «Я с горечью вижу, как слабеет память наших стариков, как они умирают...»

Страшна не старость сама по себе, страшно превратиться с годами в иванов, не помнящих родства. А мы все родом из Революции. Но, оказывается, и память у разных людей разная. Бывает добрая, а бывает — наоборот. О доброй памяти, на мой взгляд, очень точно сказал директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Л. Смирнов:

«Следует преодолеть положение, при котором считалось, что надо писать не историю людей, а историю идей... Именно в обезличивании истории причины того, что в историко-партийной литературе почти нет ярких книг, пользующихся широкой популярностью».

Хорошо бы реставрировать не только храмы, памятники истории, народного творчества, но и объективно рассказать о преданных забвению некоторых именах подвижников Великого Октября, дабы вклад их в нашу новейшую историю мы, наши дети переосознали, оценили по достоинству. Ни одного имени в топях забвения, ни одного...

...В доме внука уютное многокнижье. На столе брошюры, фотографии, рукописи воспоминаний, письма. Так и представлял себе нечто подобное — гнездо старых москвичей, семьи стойкой, пережившей не одну драму, не одну трагедию, помнящей все и всех. Велико противостояние духовного ударам повседневной, противоречивой жизни. О том же с не меньшим достоинством могут порассказать не только в этой квартире — во многих домах, в любом уголке Отечества.

Рядом со светом настольной лампы — дочь Оболенского Светлана Валериановна. Я оглушен безмолвными бумагами, уточняю, вчитываюсь, слушаю.

Итак, Валериан Валерианович Оболенский. Осинский — партийный псевдоним. И литературный, когда-то известный — Н. Осинский.

Каким он был? Фотографии рассказали: благородное лицо, пенсне с крутой дужкой, кожанка, а под кожанкой грубоватый, может быть, шерстяной свитер. «Высокоценный работник» — так писал В. И. Ленин о Валериане Валериановиче. А критиковал Оболенского и не раз и не два, когда тот ошибался. Председатель Совнаркома знал его задолго до революции.

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ В. В. Оболенского, помещенной в словаре «Гранат»:

«Отсидка моя закончилась высылкой «с пунктами». Среди последних числилась Тверь, куда я отбыл с Екатериной Михайловной Смирновой, моей женой. Здесь мы бедствовали первый год весьма усиленно, второй год — в ослабленном масштабе. Постепенно завязались связи с местной публикой, не говоря уже о высланных... Из Твери же я начал посылать первые статьи в партийную прессу: сперва в «Звезду», затем в «Правду» и «Просвещение» (за подписью Н. Осинский). Разумеется, и в Твери я много читал (перечитал III том «Капитала») и работал над книгой о русской каменноугольной промышленности... В Твери я получил первое письмо от В. И. Ленина, которое доставило мне большую радость».

Это было еще до первой мировой войны, до Октября оставалось без малого пять лет.

ИЗ ПИСЬМА внука, Ильи Витальевича:

«Вспомните киногероя Максима из «Выборгской стороны», как он овладел кладовыми банка в Петрограде. Так вот в жизни именно В. В. Оболенский, сломив саботаж чиновников, в ноябре 1917 года в буквальном смысле слова положил на стол Владимира Ильича мешок с деньгами. Это были первые деньги молодого Советского государства».

История эта сегодня прочитывается, как остросюжетный детектив, она вся заключена в трех страницах брошюры, которая лежит тут же, среди других пожелтевших документов.

Для победоносной революции нужно не только оружие, но и деньги. Какая же власть без денег! Те, кто был временными, задолжали рабочим Петрограда, железнодорожникам, служащим почт и телеграфа... Взять деньги было делом архиважным. Ошибка парижских коммунаров в том, что они банком не овладели, убоявшись нарушить святыню кредита. Большевики этой ошибки не допустили: ранним утром 26 октября в Государственный банк направили В. Р. Менжинского, ставшего в одночасье на пятый день революции заместителем наркомфина. Служащие банка митинговали, саботировали, а главное, денег не дали. Деликатничали с ними до середины ноября, ездили посланцы Совнаркома в банк каждодневно, а денег по-прежнему ни бумажки... В Смольном появился В. В. Оболенский. А было так. Саботировали, оказывается, не только «чужие», но и свои: некоторые товарищи вдруг вышли из ЦК, бросив ответственные посты. И тогда Бубнов привез смену из Москвы, в том числе Валериана Оболенского и его друга с юности В. М. Смирнова (кстати, брата Екатерины Михайловны).

Итак, большевики давно — с первой ночи — в банке, а денег не было; 13 ноября (по старому стилю) после митинга банковских служащих подчиниться Совнаркому согласились только швейцары, курьеры, охрана, дворники и счетчики. Подвойский и Менжинский снова и снова требовали ключи от кладовых, но ключей кассиры, «почтенные старики», не выдали. И тогда-то Ленин назначил комиссаром Государственного банка со всеми правами управляющего В. В. Оболенского (Осинского) и присовокупил: «Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет Народных Комиссаров — и сдать дела по Банку, должны быть арестованы». Это помощь декретом, но была и другая помощь новоиспеченному комиссару.

ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ В. И. Ленина Военно-морскому революционному комитету:

«Уважаемые товарищи.

Благоволите предоставить в распоряжение комиссара Государственного банка десять энергичных товарищей, которые нужны для исполнения весьма ответственных поручений.

Эти товарищи должны прибыть завтра, 16 ноября, к 10 часам утра в здание Государственного банка и явиться к комиссару Банка Оболенскому».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В. В. Оболенского (Н. Осинского):

«В первый день мы не знали даже, сколько денежных хранилищ имеется в банке, скольними ключами они запираются и где эти ключи находятся. И в первый же день т. Ленин со своим обычным умением брать быка за рога заявил нам, что пока мы не принесем ему КЛЮЧЕЙ ОТ КЛАДОВЫХ, мы будем только говорить о захвате банка».

В кармане комиссара были двадцать пять ордеров на арест самых ярых саботажников — осталось имена проставить.

И ВОТ АКТ:

«Мы, нижеподписавшиеся,.. ключи от кладовой переданы... гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком... В соответствии с этим заведующий кладовой в присутствии нас, нижеподписавшихся, передал ключи от кладовой... гражданину комиссару на правах управляющего Государственным банком Валериану Валериановичу Оболенскому... Всего передано восемь ключей».

Мог ли быть Ленин довольным? Ключи — не деньги. На следующий день Оболенский и замнаркомфина Менжинский установили, какова сумма в наличии; главного кассира тут же уволили за отказ работать, и у спецов осталась последняя надежда: большевики в бухгалтерских книгах не разберутся... Но В. И. Ленин потребовал от Оболенского доставить 5 миллионов рублей аванса 17 ноября в Смольный. Первые эти пять миллионов взяли с Н. П. Горбуновым.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. П. Горбунова, секретаря Совнаркома:

«...угрожая Красной гвардией, которая якобы окружила уже банк, нам удалось проникнуть в помещение кассы банка, несмотря на всякие кунштюки, которые выделывали высшие чины... Мы производили приемку денег на счетном столе под взведенными курками солдат военной охраны банка. Был довольно рискованный момент, но все сошло благополучно. Затруднение вышло с мешками. Мы ничего с собой не взяли. Кто-то из курьеров, наконец, одолжил пару каких-то старых боль-

ших мешков. Мы набили их деньгами доверху, взвалили на спину и потащили в автомобиль...»

Сдали деньги Председателю Совнаркома. Потом в соседней комнате сложили их в платяной шкаф, окружили его стульями и поставили часового — рабочего с винтовкой. Казна!..

Светлана Валериановна придвинула поближе ко мне письма отца.

ИЗ ПИСЬМА В. В. Оболенского 23 ноября 1917 года (революции нет и месяца):

«Я был так занят, что не мог в точном смысле слова ни минуты оторваться от банковских дел. Были дни, когда мы там сидели от половины девятого утра до 10 вечера, не обедавши, а потом ехали в Смольный. И все время распоряжения, сообщения, прием всяких людей и пр. Мы занимаемся не очень-то почетным с виду делом — ломанием стачки чиновников банка и с каждым днем выигрываем почву. Теперь уж у меня куча помощников, и их (чиновников) дело проиграно, в принципе мы овладели банком. Как это ни странно, обнаружились у меня, хотя и не полные, так сказать, но административные и организационные таланты...»

— Ленина отец очень любил, очень,— сказала Светлана Валериановна.

Еще не был Оболенский назначен комиссаром банка, а точнее, за три дня до этого назначения Совнарком поручил ему, а также В. М. Смирнову и М. А. Савельеву разработать проект декрета о создании высшего экономического органа, получившего 1 декабря 1917 года название — Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ). То была новая страница биографии молодого Советского государства. В. В. Оболенский — первый председатель ВСНХ, небывалого еще в истории человечества учреждения, разместившегося в Мариинском дворце. Валериану Валериановичу было тридцать с половиной. Вся страна перед глазами, а он ее завхоз. Работали, по воспоминанию Г. И. Ломова, без сотрудников, в громадном холодном помещении при полном саботаже со стороны специалистов — экономистов, финансистов, хозяйственников, знатоков транспортных, заводских и рудных проблем. Ни одно заседание ВСНХ, главного штаба народного хозяйства, не проходило без участия В. И. Ленина. Тот же Г. И. Ломов вспоминал: «Ежедневно, часто по нескольку раз, или т. Осинский (первый председатель ВСНХ), или я, как его заместитель, бывали в Смольном у Владимира Ильича, советовались и обсуждали совместно все стороны хозяйственной жизни». Страна все еще митинговала, о перестройке больше говорили, а порядка не было.

Не прошло и трех недель, как на заседании Совнаркома заявили Оболенскому о том, что Совет Народного Хозяйства должен немедленно превратить себя из органа дискуссионного в орган, практически управляющий промышленностью. Революционерам предстояло заняться делом восстановления, строительства, планирования. Мешали многоговорения, отсутствие опыта в управлении, саботаж специалистов, голод масс, претензии левых эсеров, собственные ошибки. Чегочего, а этого — последнего — хватало. Разное понимание ситуации, разные точки зрения на способы хозяйствования, разночтения одних и тех же декретов. На повестке дня стояла национализация всех предприятий, всех отраслей. Сопротивление было оказано огромное. Одни предлагали использовать старые учреждения, старые фабзавкомитеты. Другие стояли за ломку: за образование, а не преобразование. Об этом подробно в книге В. Дробижева «Главный штаб...». История ВСНХ поучительна.

Ошибался и В. В. Оболенский — дело живое. Был молод, держался своих представлений о правоте дела, например, считал, что будущий хозяйственный аппарат государства должен строиться по территориальному принципу управления, все силы отдавал созданию совнархозов на местах. Без конфликтов общеполитических не проходило ни дня. Отсюда и сложности — от сложности жизни. Отстаивал ошибочную позицию «левых коммунистов». Горячность и нетерпение... Владимир Ильич ценил Оболенского за многие качества революционного характера. Как энергичного и талантливого организатора. Это не удерживало достаточно упрямого, прямолинейного в суждениях Оболенского от противоречий максималиста. За что его крепко побивал Ленин.

Мир с немцами?— Никогда! Привлечь к делу буржуазных спецов?— Никогда. Единоначалие на заводах, фабриках, рудниках? — Нет, только коллегиальность. И попутно — долой «главкизм» (ставку на главки и ведомства). От борьбы со сторонниками отраслевой схемы управления хозяйством страны он прямехонько перешел в стан «децистов», то бишь ярых приверженцев демократического централизма как фетиша коллегиальности, о которой В. И. Ленин сказал: «Нельзя же все время сидеть в приготовительном классе школы!»

В. И. Ленин уверенно вел корабль по штормовому, не утихавшему ни на день морю социальных преобразований, когда то справа, то слева в борта упирались «платформы» иначедумающих. Владимир Ильич не раз зло высмеивал и Оболенского, его страсть к теоретизированию. Но именно Оболенского Владимир Ильич назвал в числе «высокоценных работников».

Светлана Валериановна показала «Правду» с фотографией 1921 года. Октябрь, Бутырский хутор в Москве. Справа от В. И. Ленина — через человека — он, Оболенский, тогда замнаркомзема. Испытание электроплуга. Валериан Валерианович знал сельское хозяйство, изучал его экономику еще во время ссылки в Харьков, даже писал об урожаях и вывозке хлеба. А позже — о том, как добывается хлеб в России и за границей, о восстановлении крестьянского хозяйства в России — это в 1922 году, в разгар нэпа. Многие свои взгляды он скорректировал после того, как побывал председателем Тульского губисполкома, поколесил по деревням, будучи уполномоченным на продработе...

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ, данной В. И. Лениным:

«Осинский семенную кампанию вел великолепно. С ним работать надо было, несмотря на его «оппозиционную кампанию»... Когда Осинский ведет «оппозиционную кампанию»,— я говорю ему: «кампания вредная», а когда он ведет семенную кампанию, пальчики оближешь».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. В. Оболенского, коммуниста с 1920 года:

«Будучи заместителем наркома земледелия, Валериан по поручению Ленина объездил ряд губерний с целью ознакомления с состоянием сельского хозяйства и настроением крестьянства. Вернувшись в Москву и отчитавшись перед Ильичем, он заявил домашним, что больше никогда спорить с Владимиром Ильичем не будет. Валериана поразило то, что без выезда из Москвы, только из общения с ходоками Ленин составил такое же верное представление о положении на местах, какое составил он сам, но уже после объезда тех же мест».

— Да, это так,— подтвердила Светлана Валериановна, кандидат исторических наук.

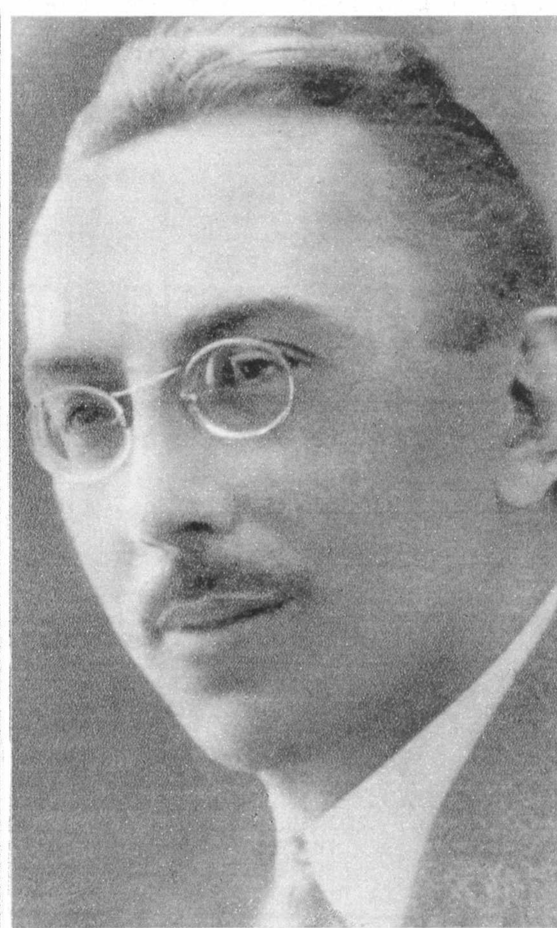
— Откуда партийный псевдоним?— спросил я у Светланы Валериановны.

— Был такой народник, Валериан Осинский. Повесили при Александре II. Псевдоним в его память. Отец родился в многодетной семье ветеринарного врача, большого специалиста конно-заводского дела, автора нескольких книг. Дед мой был интеллигентом либеральных воззрений; старался дать и дал отличное образование детям, всех вывел в люди. Сам в политическом движении не участвовал, зато двери его дома всегда были открыты для народников, всех свободомыслящих людей, а брат его был одним из основателей и авторов журнала «Русское богатство». Дедушка голосовал за список большевиков во время выборов в Государственную думу. Тогда!

Валериан Валерианович вырос в атмосфере большой дружной семьи, с детства обучился иностранным языкам, отлично разбирался в русской классике, очень рано приобщился к чтению политических и философских сочинений, еще будучи гимназистом. Во время Декабрьского восстания 1905 года был «летучим репортером» «Известий московского Совета депутатов рабочих». С тех пор, очевидно, огонь публициста в нем не затухал. У него много брошюр, книжек, может быть, полсотни, не меньше, а статей еще больше. О многом говорят названия трудов: «Морские хлебные фрахты», «Новая деревня», «Северная Америка», «Россия, хлебный экспорт», «По сельскохозяйственным штатам Северной Америки. Экономический дневник», «Американский автомобиль и российская телега», «Дела и дни Большой Советской Энциклопедии», «Что такое учет», «О твердых ценах и аграрных вожделениях»...

В. В. Оболенский был сильным экономистом. Уже в середине двадцатых годов он возглавил Институт мировой экономики. Тяга к теоретической работе была непреодолимой. Ей он отдавал немало времени и в Швеции, и во время поездки в США. Сколько идей по организации труда привез он от Форда, как много успел воплотить на строительстве Горьковского автозавода! И как еще о многом не успел написать — о поэзии, о высшей математике... Но жизнь властно позвала к практическому делу — назначение за назначением.

В 1926 году В. В. Оболенский стал управляющим ЦСУ СССР. Как свидетельствуют люди знающие, руководителя такого масштаба статистическая служба больше не имела. И на этом поприще он был первым. Именно он, Оболенский-Осинский, верный ленинизму, объявил войну лживой арифметике учета и отчетности, искажению

информации. Стремлению выдать желаемое за действительное. Врать плохо, особенно плохо врать в статистике, призванной быть зеркалом экономики. Но в год «великого перелома», а именно в 1929 году, ЦСУ закрыли; заставили замолчать и его издание «Вестник статистики»... Через два года при Госплане создали Центральное управление народнохозяйственного учета. И снова его возглавил В. В. Оболенский: снова началась борьба с ложью, с «чего изволите» в статистической отчетности.

ИЗ СТАТЬИ В. В. Оболенского: «Борьба за верную цифру становится основным лозунгом переживаемого периода в области учета... Мы выступаем в поход «за верную цифру». Только навел В. В. Оболенский элементарный порядок, его без объяснений сняли: шел 1935 год, правда об экономике, очевидно, «ела глаза».

...Семья Оболенских жила в Кремле, как и семьи многих руководителей страны. Позже, в 1937 году, переехали в так называемый «дом на набережной» (образ Ю. Трифонова). Заняли внезапно опустевшую квартиру военачальника Корка, но вскоре освободилась более просторная жилплощадь. Переехали еще раз, казалось, зажили нормально, однако быстро приблизился финал: осенью отца и сына Оболенских забрали из дома, из жизни. Через несколько дней их участь разделила Екатерина Михайловна...

Революционер, экономист, академик, писатель. Он первым дал оценку роману М. Булгакова «Белая гвардия» — еще тогда, в 1925 году, на страницах «Правды». Он любил поэзию А. Ахматовой, успешно пытался примирить ее с новым поколением читателей. Он был членом худсовета Театра имени Вахтангова. Он был прекрасный отец, муж, брат.

Какой долгий, какой хороший был вечер...

Светлана Валериановна напомнила слова В. Короленко: «Прошлое имеет над душой особенную силу, и притом все в прошлом обладает этой силой, даже несомненные страдания».

Самое время вспомнить Варлама Шаламова: «На заброшенных гробницах высекаю письмена, запишу на память птицам даты, сроки, имена».

— Вопросы, вопросы... Их много о т т у д а, из прошлого; ответы могли бы разорвать душу. Надо ли отвечать?— вопросом на вопросы отвечает Светлана Валериановна. И сейчас она рассуждала не как историк — как дочь. Пятидесятилетний внук Оболенского-старшего и сын младшего Оболенского, что думал он? Он написал в редакцию.

На столе три справки: приговор Военной коллегии от 1 сентября 1938 года в отношении Осинского-Оболенского В. В. отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено; о восстановлении в партии; о восстановлении в правах академика. Справки старые, им тридцать лет.

ПОРА И СПРОСИТЬ

ЧИТАТЕЛИ ПИШУТ АКАДЕМИКУ ПЕТРЯНОВУ-СОКОЛОВУ

В ИНТЕРВЬЮ «ПАМЯТЬ — ЭТО СОВЕСТЬ» («ОГОНЕК» № 35, 1986) ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ, КРУПНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ ПОДНИМАЛ РЯД НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМ В ДЕЛЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ, ПОДВЕРГАЛ КРИТИКЕ МНОГИЕ НЕГАТИВНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ, СТАВИЛ ВОПРОС О НРАВСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ ЛЮДЕЙ, КТО СВОЕЙ «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ» ИЛИ «БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ» НАНОСИТ УЩЕРБ ПАМЯТНИКАМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАШЕЙ РОДИНЫ. СЕГОДНЯ МЫ ПУБЛИКУЕМ ОБЗОР МНОГОЧИСЛЕННЫХ ОТКЛИКОВ, ПИСЕМ, МНЕНИЙ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА, КОТОРЫЕ ПОДГОТОВИЛА ЖУРНАЛИСТ ТАМАРА КНЯЗЕВА.

Прошло немало месяцев после публикации интервью «Память — это совесть», а письма все продолжают и продолжают поступать. Адреса самые разные: Сибирь и Дальний Восток, Белоруссия и Латвия, Урал и Центральная Россия, Москва и Ленинград. Пишут люди разных возрастов, разных профессий, разных национальностей. Но, когда читаешь эти письма, возникает ощущение, будто авторы их — из одной большой и дружной семьи, настолько единодушны они в порыве охранить наше историко-культурное наследие от невежества и равнодушия.

«Уважаемый товарищ Петрянов-Соколов! Уважаемая редакция!

С радостью прочли сообщение в прессе о создании в системе Мосгорисполкома Главного управления реставрации, охраны и использования памятников истории и культуры,— пишут москвичи С. и Н. Калашниковы.— Наконец-то лед тронулся! И даже вняли вашему разумному предложению — создать в пределах Садового кольца единый центральный административно-территориальный городской район. Спасибо, дорогой академик, за хлопоты. В этом, на наш взгляд, историческом решении большая доля труда всех тех, кто самоотверженно встал на защиту всенародного достояния».

Слова одобрения, удовлетворения таким благоприятным для сохранения памятников истории, культуры, архитектуры в столице поворотом дела — во многих отзывах.

«Вдруг прочесть в газетах, что в Москве будет осуществлено все то, о чем годами мечталось... Как, например, введение на территории бывшего Камер-Коллежского вала — в границах Москвы, сложившейся к началу XVIII века,— режима регулирования застройки, а внутри Садового кольца — комплексной охранной зоны,— говорит молодой инженер О. Акиньшин.— Или включение в программы школ, ПТУ, вузов столицы уроков Отечества... Это же просто здорово!»

Но не во всех письмах такая открытая радость, многие читатели говорят о том, что «самые прекрасные решения еще надо и прекрасно выполнить, чтобы не утратилась их подлинная суть».

Время волевого администрирования прошло. Война с бюрократами и чиновниками идет сейчас на всех направлениях в жизни нашего общества. К тому обязывает нас сегодняшнее действенное время перестройки. И в откликах читателей решительная настроенность на бой с теми администраторами, которые мешают нашей жизни, нашим памятникам, нашим планам.

«Дорогой Игорь Васильевич! С волнением прочел вашу статью о тревожном положении с историческими ценностями нашей страны. Я полностью разделяю вашу точку зрения о неотложном создании единого Комитета или Управления по охране и реставрации памятников при Совете Министров РСФСР, чтоб у российских достопамятностей был единый хозяин. Так-то понадежнее будет. А еще скажу, что меня, как и вас, лишили моей маленькой родины. Недавно я тоже съездил в свою родную деревню Спас-Угол Талдомского района Московской области, где не был много лет. И что же?! Остались только рожки да ножки от когда-то прекрасного села, связанного с именем Салтыкова-Щедрина, перу которого принадлежат строки: «Замечательно, что я родился и вырос в деревне...» Ладно, хоть после долгих хлопот и мытарств в местной церквушке открыли небольшой музей великого сатирика. Деревня же в запустении и забвении, школы (а она была) и той нет, и детей со всех окрестных деревень возят за 15 километров в Ермолино. Вот я и думаю: кто же довел до такого упадка древнее село? Убежден — это сделали безразличные к моему родному очагу руководители, для которых его судьба, его достопамятности — пустой звук. Сколько же вреда стоит за этим, сколько оторванных от родной земли судеб, которых теперь где-то носит жизнь как перекати-поле... Думаю, сейчас наступило время спроса...» — так пишет коммунист с шестидесятилетним партийным стажем, офицер Военно-Морского Флота в отставке, участник Великой Отечественной войны М. А. Пономарев.

Единодушен с ним и А. Т. Ушев, тоже участник войны, проживающий в деревне Костюковке Кормянского района Гомельской области: «Статья «Память — это совесть» вызывает тревогу за судьбы непреходящих наших ценностей и жгучий гнев по адресу равнодушных и безграмотных чиновников. Разве знают они, положим, что такое Пересвет и Ослябя для настоящего и будущего Отечества нашего... Нет, нам поможет только решительное изгнание «чиновников» из органов власти. И чем быстрее, тем лучше».

Молодой военнослужащий Кирилл Вах считает, что «нужно больше конкретных имен и конкретных фактов, порой стоит даже публиковать снимки администраторов, повинных в неоправданном сносе или разрушении памятников. Пусть такая публикация будет для них позорным столбом на презрение и посмеяние. С бюрократизмом можно бороться только гласностью».

Упорно продолжает отмалчиваться руководство московского электромашиностроительного завода «Динамо», которому вышестоящими инстанциями, а именно Советом Министров РСФСР, Министерством культуры РСФСР, вменено в обязанность открыть свободный доступ в Старо-Симонов монастырь, расположенный на территории завода, где в церкви Рождества Богородицы покоится прах героев Куликовской битвы — Пересвета и Осляби. Кто же поименно здесь «иваны, не помнящие родства», которые своим невежеством и равнодушием позорят честь этого старейшего завода?! Ничто не действует на них: ни постановления и распоряжения, ни публикации в центральной прессе, а они прошли по страницам таких центральных газет, как «Правда», «Советская культура», «Советская Россия», «Литературная газета». Не единожды говорил об этом и «Огонек». Но все напрасно. Складывается впечатление, будто на заводе «Динамо» нет ни партийной, ни комсомольской организаций и вообще он не на территории Советского государства.

Беседую с доктором юридических наук В. Васильевым, человеком замечательным тем, что он первым из юристов вступился за сохранение культурно-исторического наследия, тщательно обследовав положение дел в древнейшем городе России — Рязани.

— Пора, убежден, приводить в действие правовой механизм борьбы с такого рода безобразным отношением к народным ценностям,— говорит он.— Суть не в том, чтобы определить меру наказания, а в том, чтобы преодолеть состояние безнаказанности, которое приводит к явному смещению ценностных ориентаций в сознании иных хозяйственных руководителей. Если за причинение памятнику ущерба не следует санкций, получается, что не такой уж это серьезный проступок, значит, не так уж дорог этот памятник, можно с ним не церемониться.

Каждому известно, успех борьбы с нарушениями закона — в неотвратимости наказания. К сожалению, когда дело касается Закона об охране и использовании памятников истории и культуры, эту истину забывают даже работники правоохранительных органов. В УК РСФСР есть статья 230, согласно которой умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников истории и культуры наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до трехсот рублей. А как применяется эта статья? Да никак. Как говорят юристы, статья осталась «мертвой».

«А нарушители безнаказанными,— хочется добавить к сказанному В. Васильевым.— Пока безнаказанными...»

В прошлом году своими нарушениями в деле сохранения и использования памятников особенно «отличилась» Рязань. Об этом писали и центральные, и местные газеты, не говоря уже о журналах. И что же, нарушение закона местными властями продолжается. Преступное нарушение! Безо всяких согласований в непосредственной близости от кремля, в зоне охраняемого ландшафта — живописной поймы Оки, в зоне исторического ядра Рязани ведется строительство Северной обходной дороги и городского канализационного коллектора. Против проекта решительно выступили оба Министерства культуры (СССР и РСФСР), Общество охраны памятников, общественность. Но, как говорится, Васька слушает да ест... На столе прокурора Рязанской области лежит заявление с требованием привлечь виновных к ответственности, направленное местным отделением общества охраны. Уверена, к нему присоединятся многие читатели нашего журнала: ведь древняя Рязань принадлежит всему Отечеству, и сохранение ее облика — дело каждого советского человека.

Хочется огласить специально для работников правоохранительных органов еще несколько вопиющих фактов, требующих вмешательства. Вот что рассказал доцент Горьковского университета, кандидат исторических наук Н. Ф. Филатов:

— В нашем городе с согласия бывшего главного архитектора В. Воронкова снесена ценная историческая застройка по улицам Нижегородской и Ульяновской, а осенью прошлого года по улице Фигнер выломаны были еще четыре каменных здания начала XIX века под строительство типографского корпуса «Горьковской правды». Среди погибших домов один, трехэтажный, внушительный, построенный по проекту академика архитектуры Александра Ставассера, имел мемориальную мраморную доску, на которой значилось, что в доме родился замечательный гражданин Горького, отдавший жизнь за Родину, Герой Советского Союза Г. Масляков. Эту доску на другой день после разбойного разрушения работники общества охраны памятников, среди развалин ползая на коленях, долго искали, чтобы не валялась она под ногами прохожих. И все это варварство происходило на глазах учащихся расположенной напротив школы. О каком коммунистическом и патриотическом воспитании можно говорить на виду вот таких фактов!

А так как никаких выводов по поводу этого да и других варварских действий по отношению к историческому центру древнего Нижнего Новгорода не сделано, то разрушение его продолжается. Сегодня общественность Горького хлопочет о сохранении дома по улице Лядова № 31, одного из немногих начала XIX века домов, оставшихся в городе. Вот что пишет об этой новой неприглядной истории заслуженный архитектор РСФСР С. А. Агафонов: «На этом месте идет сооружение столовой и конференц-зала Института прикладной физики АН СССР. Был проект включения этого дома в общий комплекс института, но из-за того, что строители не захотели затруднять свои работы (снести прочный каменный дом легче, нежели менять свой проект), то руководство института — академик Гапонов-Грехов, а потом и бывший тогда президентом АН СССР академик Александров вошли с ходатайством в Совет Министров РСФСР о снятии дома с охраны; и, конечно, их просьба была удовлетворена. Сейчас делается последняя попытка сохранить фасад, «приклеив» его к новому зданию».

Недавно попытка эта вылилась в бурную историю, взбудоражившую весь город. Как всегда, не дожидаясь окончательного рассмотрения возможностей сохранения дома, строители стали ломать

Н. К. РЕРИХ. 1874—1947.
БОЯН. 1910.

ОТКРЫТИЯ

Сергей БЫЧКОВ

Как-то в разговоре критик Лев Аннинский заметил, что только такая богатая страна, как Россия, могла позволить себе иметь «вторую классику». Сейчас мы открываем для себя многих замечательных писателей, которых критики девятнадцатого столетия вполне серьезно называли «второстепенными», а то и «третьестепенными»... И такие открытия всегда радуют, вселяют в сердце надежду — никогда не иссякала талантами наша земля...

Подобное чувство я испытывал, проходя залами Ленинградского Манежа, в котором были выставлены произведения русских художников — от древности до наших дней — из фондов Государственного Русского музея. «Второй ряд» — это термин музейщиков для обозначения тех произведений, даже известных мастеров, которые не попадают в основную экспозицию. Кажется, в нем есть что-то уничижительное, сродни термину «второстепенный писатель». Но вот настали дни — раскрылись фонды музеев, и

И. И. ШИШКИН. 1832—1898.
ИВЫ. 1870-е гг.

мы теперь сами можем оценить явления «второго ряда».

Итак, древнерусская живопись вводит нас в далекий мир, еще не омраченный пожарами и нашествиями. Лазурь и золото, ярчайшая белизна красок заставляют нас вспомнить о том небывалом взлете искусств, которого достигла Русь в канун монголо-татарского нашествия.

У входа нас встречают величественные панно Н. Рериха: Боян у стен города, богатырь Илья, вышибающий стрелой Соловья-разбойника из дупла... Конечно, нелегко развернуть в двух залах искусство Руси от древности до наших дней. Но организаторы выставки с честью вышли из затруднения, предусмотрев ряд «лабиринтов», которые позволили, познакомившись с древнерусской живописью, перейти к живописи нашего столетия.

Неожиданности здесь поджидают на каждом шагу, начиная с полотен Рериха и Врубеля, сразу создающих особую атмосферу экспозиции и кончая вторым этажом, где размещены полотна живописцев XVIII—XIX веков.

Например, не вина Ивана Шишкина, что его пейзажи проникли на обертки конфет, на страницы «Родной речи», где краски сильно искажены полиграфией.

И вот его полотно «Ивы» — трепещущие листья, воздух, пронизанный светом...

Четыре полотна Павла Николаевича Филонова представил Русский музей на выставку. Творчество этого замечательного художника слишком долго было скрыто от наших глаз. В экспозиции показано его полотно «Формула петроградского пролетариата». Богатейшая колористическая гамма, мельчайшие атомы, на которые распадается картина, если отступить от нее... Это как бы творческая лаборатория, где все подчинено точному математическому расчету. А поодаль еще одно полотно, предреволюционное,— «Крестьянская семья». Оно привлекает к себе больше посетителей. Тщательно выписанный мир растений и цветов, буйство красок надолго завораживают, и хочется вернуться еще и еще раз к этому полотну, запомнить как можно больше. Жаль, что устроители выставки «утаили» два портрета работы Филонова, также хранящихся в фондах музея,— портрет сестры художника — артистки Е. Н. Глебовой (1915) и портрет Е. А. Серебряковой (1922). Оба выполнены в классической манере и говорят о широте творческого диапазона художника.

Еще одно открытие — картина художника Бориса Дмитриевича Григорьева «Деревня». Это имя может напомнить о последних выставках «Мира искусства», где впервые появились полотна художника. В его ранних работах уже намечается отход от творческих принципов «мирискусников», прослеживается сильное влияние современных ему западных мастеров. Живописный цикл «Расея» создавался в годы революции и гражданской войны, с 1917 по 1922 год. Если в предреволюционные годы художник все больше и больше становился «парижанином», как называли его коллеги, то революция всколыхнула в нем патриотические чувства. Частично цикл был показан

Продолжение на вкладке 3

его. И общественность забила тревогу. На помощь памятнику поспешили молодежь, комсомольцы; его буквально сторожили, во все концы полетели письма, заявления с подписями тысяч горожан, подавших голос в защиту дома. И надо отдать должное председателю Горьковского облисполкома А. А. Соколову — он остановил разрушение исторического здания. А тем временем молодые архитекторы создали добровольную бригаду и в трехдневный срок подготовили новый проект с сохранением дома.

А вообще-то, если вдуматься в суть возникновения таких драматических ситуаций, то корень зла — новое строительство в исторических центрах. Вывод один — древнее ядро старого города должно стать заповедным не на словах, а на деле. И никаких «институтов» в центре.

Откликаясь на интервью Петрянова-Соколова, наши читатели сообщают и другие не менее тревожные факты.

Город Орехово-Зуево недавно лишился дома, где в 1901 году находилась конспиративная квартира известнейшего революционера-большевика Ивана Бабушкина. В Коломне на улице Лажечникова снесен деревянный дом-коммуна, в котором был организован первый марксистский кружок во главе с известным революционером Н. Сапожковым, о котором в своих воспоминаниях тепло отзывалась Н. К. Крупская.

И все это происходит накануне 70-летия Великого Октября.

Не одно, а целую подборку писем прислала в редакцию «Огонька» А. Дмитриева, активистка общества охраны из Хабаровска. Мы узнали, что в этом городе уже много лет подряд методично и последовательно уничтожается деревянная архитектура. Причем дома сносятся по списку памятников, подлежащих охране, утвержденному самим... горисполкомом. Последние разрушения — дом № 86 по улице Шаронова, дом № 94 по улице Фрунзе.

Но, как говорится, «ломать не строить». И никак не могут сообразить духовно увечные администраторы, что сегодня их действия на виду у всего народа и спрос будет самым строгим, потому что памятники истории и культуры нашей страны всегда были и будут священными реликвиями, тщательно оберегаемым достоянием.

В числе сигналов с мест особенно обратил на себя внимание один, поступивший из Барнаула. Алтайский писатель Александр Родионов с болью сердца пишет о еще сохранившемся в селе Камень-на-Оби удивительном сооружении — деревянном элеваторе, именуемом в народе «мастодонтом». Построенный в 1930 году по проекту и при непосредственном участии талантливейшего русского механика Юрия Кондратюка (единственный осуществленный проект), элеватор до сих пор остается самым крупным в мире сооружением подобного рода.

«Он пережил пожар, наводнение, даже землетрясение — устоял! И вот над ним новые враги — равнодушные...

Совсем недавно в бывшем Министерстве заготовок, посчитав, что элеватор свое отслужил, решили просто-напросто его разобрать, чтоб не мозолил глаза. С «мастодонта» уже содрали «кожу» — тесовую обшивку. Вода получила доступ в замковые соединения — деревянные конструкции в таких условиях долго не протянут. Элеватору грозит разрушение! Но прежде чем снять «кожу», руководитель Каменского комбината хлебопродуктов распорядился сорвать мемориальную доску, свидетельствующую, что элеватор — памятник истории и охраняется государством».

Самое время вмешаться в судьбу памятника трудовой славы руководящим работникам Алтайского края, обществу охраны памятников и правоохранительным органам. Редакция журнала и читатели «Огонька» ждут сообщения о действенных мерах по спасению редкого памятника.

В своем интервью «Память — это совесть» И. В. Петрянов-Соколов с большой тревогой говорил о положении дел с охраной культурно-исторического наследия в Подмосковье. Мы получили официальный ответ из Московского областного комитета партии за подписью первого секретаря МК КПСС В. Месяца, в котором признается, что критика серьезных недостатков в деле охраны и реставрации ряда исторических памятников Подмосковья действительно объективна.

Что ж, если критика признана, то вполне естественно желание получить ответы на поставленные в интервью вопросы. Напомним, о чем хлопотал Петрянов-Соколов, говоря о Подмосковье.

Первое. О создании единого Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника Д. И. Менделеева и А. А. Блока.

Какой же ответ дается в официальном письме на это конкретное предложение? Читаем: «...Территория б. усадьбы Д. И. Менделеева в с. Боблово включена в охранную зону блоковского музея. Здесь завершено восстановление дома Смирнова-Ильина, ведется работа по его музеефикации».

И все. А как же все-таки обстоит дело с единым музеем-заповедником Д. И. Менделеева и А. А. Блока?! Об этом в ответе — ни слова.

«Неужели продуманное мнение серьезных, компетентных специалистов, конструктивно поднимающих проблему единого музея-заповедника в Подмосковье, ничего не значит?» — этот вопрос, поставленный в интервью, остается повторить снова. Так же, как и другой — откуда все-таки взялась сумма в 22 миллиона 210 тысяч рублей, названная Главным управлением культуры Мособлисполкома как необходимая для восстановления дома Д. И. Менделеева в Боблово? Кто и для чего ее придумал? Она в десятки раз завышена и настолько фантастична (составляет почти половину средств, отпущенных государством на реставрацию всех памятников Подмосковья в XII пятилетке,— 42 миллиона), что не могла не заинтересовать читателей «Огонька».

Второе. В интервью академик обращает внимание на прекрасный памятник XVII века — ансамбль Николо-Пешношского монастыря, расположенный на территории Дмитровского района, и предлагает отселить из монастыря Дом инвалидов, чтобы найти достойное применение этому древнему историко-архитектурному комплексу.

В официальном ответе Николо-Пешношский монастырь не упомянут, также ничего не сказано и о позабытой местными властями Воскресенской деревянной церкви 1705 года, о судьбе которой, кроме Петрянова-Соколова, еще несколько лет назад тревожился и писатель Владимир Солоухин.

«Очень обидно за Подмосковье, памятников здесь не меньше, чем в Москве, а вот заботы о них со стороны местной власти не видно. Побывайте, например, в Щелковском районе, который я давно и хорошо знаю, и вы убедитесь в справедливости моих слов» — так написал в редакцию москвич В. Синдеев.

Мы последовали его совету и отправились в Щелковский район.

...Главная достопримечательность района — усадьба Гребнево, которая своими корнями уходит в XIII век. Она интересна тем, что это первый не только в Подмосковье, но и в Российской Федерации пример, когда арендатор реставрирует усадьбу под историко-культурный центр района согласно пожеланию общественности.

Торжественная и строгая красота усадебного комплекса, привольно расположившегося на высоком берегу живописной реки Любосеевни, ощущается и сегодня, едва вступаешь в Триумфальные ворота, построенные по образцу римских. И сразу понимаешь, что на воссоздание этого комплекса не стоит жалеть ни сил, ни средств: после реставрации он станет истинным украшением Подмосковья.

И арендатор средств не жалеет. Но и здесь не все благополучно. Первая претензия как раз к организации Московской области — мастерской № 3 Мособлстройреставрации. С 1982 года на усадьбу израсходовано около миллиона рублей, а реставрации не видно. Выполняются в основном дорогостоящие работы, выгодные подрядчику. В то время как не начаты работы в центральном доме, осыпается въездная арка, рушится ограда. Даже покраска единственного законченного флигеля не выдержана в соответствующем для данной усадьбы колорите, что уж даже неприлично для профессионального лица реставраторов.

Не обеспечивает проектными работами Гребнево и объединение «Союзреставрация», ежегодно выдавая лишь десятую их часть. Если так продолжится дело и дальше, то реставрация архитектурного комплекса растянется даже не на годы — на десятилетия.

Узнали мы и другой факт, наглядно показывающий халатность еще одной организации Мособлисполкома — Производственного бюро по охране памятников: вот уже десяток лет как не могут утвердить уже имеющуюся охранную зону Гребнева. Следствием этого на территории усадебного комплекса налицо грубейшие нарушения. Так, по живому телу рукотворных островов парка безжалостно пробиты асфальтированные дорожки с электрическим освещением, для чего прошлым летом под топор были пущены десятки редких деревьев. Преступны, по-другому не скажешь, действия местного сельсовета, разрешающего захоронения на давно закрытом старом кладбище, в охранной зоне памятника. Трупный яд не сегодня-завтра заразит водоем Большого пруда, в котором издавна местные жители привыкли и купаться, и ловить рыбу.

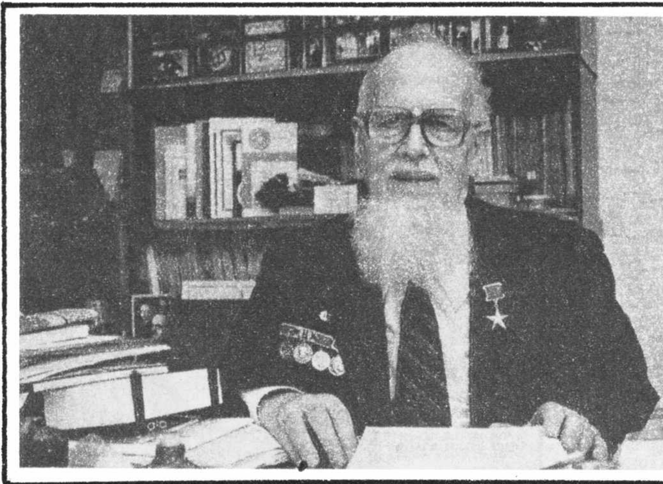
Таковы далеко не полные заботы только одного памятника Щелковского района, который относят к числу благополучных: есть заботливый арендатор, идет реставрация. Но даже ему, а может, ему в первую очередь, чтобы подтолкнуть реставрацию и приблизить дело к желанному для всех завершению, ох, как была бы нужна конкретная помощь местных и областных властей.

Руководящего внимания требуют и Глинки — старейшая усадьба Подмосковья, принадлежавшая сподвижнику Петра I Якову Брюсу, которая до сего времени не имеет даже мемориальной доски, хотя на государственной охране состоит с первых лет Советской власти. Местные энтузиасты собрали богатейший материал об истории усадьбы и о судьбе Якова Брюса, но не то чтобы музей на общественных началах, даже мемориальную комнату не могут здесь открыть. И все потому, что главврач санатория, арендующего усадьбу, тот самый чиновник, для которого культурное наследие — пустой звук.

В Щелковском районе 250 тысяч жителей и ни одного музея, где бы можно было узнать об истории и культуре района. Это большое упущение органов культуры области. Но и на месте инициатива общественности города Лосино-Петровского не встречает поддержки — более десяти лет «кормят» энтузиастов обещаниями о выделении помещения под уже собранный краеведческий музей. Этот пример — точный показатель отношения руководителей района ко всему своему историко-культурному достоянию.

...Наше пребывание в Щелковском районе наглядно подтвердило мнение жителей Подмосковья, откликнувшихся на беседу с И. В. Петряновым-Соколовым, о том, что сегодня особенно нуждаются в конкретной помощи те памятники, по которым еще не приняты государственные постановления. «А для этого представителям власти на местах нужно единственное,— пишет М. Н. Афанасьев из Александрова,— поддержать предложения общественности, создать условия для их истинно бескорыстной, патриотической работы, плата за которую одна — внимание, внимание и еще раз внимание».

Памятники Подмосковья ждут такого отношения от всех руководящих и неруководящих инстанций области...

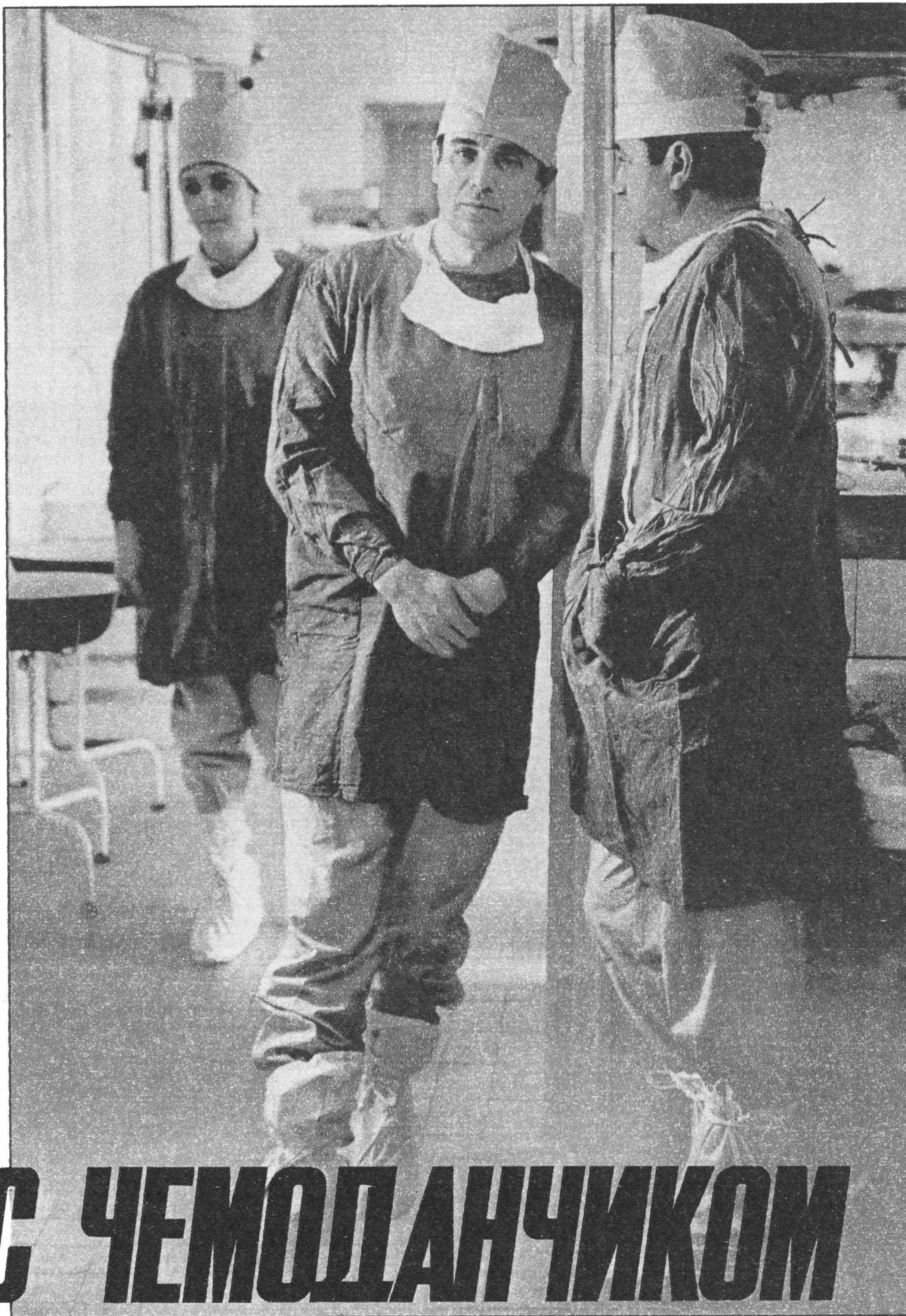

Редакция журнала «Огонек» поздравляет Игоря Васильевича ПЕТРЯНОВА-СОКОЛОВА, замечательного ученого и стойкого защитника памятников Отечества, с наступающим 80-летием.

Екатерина ВАРНАВА
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

«...Только благодаря
счастливой случайности узнала
о Вашем существовании —
услышала в метро разговор двух женщин,
что есть в московском
институте стоматологии врач,
который может вернуть человеку лицо.
Помогите мне!
Речь идет о моей дочери, ей двадцать лет.
Пять лет назад
с ней произошел несчастный случай.
Разворачивался грузовик и задним бортом
снес ей часть нижней челюсти.
Вы не представляете, что мы перенесли!
Восемь операций, всё время по больницам,
сил не осталось никаких.
Помогите, пожалуйста, помогите нам...»

ДОКТОР С ЧЕМОДАНЧИКОМ

Как хорошо, что доктор Неробеев знает английский. Лет пятнадцать назад попалась ему в библиотеке статья из иностранного медицинского журнала. Статья о почти неизвестных в то время принципиально новых методах пластической хирургии. Неробеев заинтересовался, стал экспериментировать, не вылезал из анатомичек и библиотек. И, накопив небольшой опыт пластических операций, он пришел в только что сформировавшееся отделение микрохирургии, где стал работать совместно с профессором Крыловым, основателем советской микрохирургии.

Пластическая хирургия. Что это? У меня, неспециалиста, перед глазами возникает образ известной стареющей актрисы с неприлично молодым лицом, гладкой, без морщин, кожей. «Третью подтяжку сделала»,— ехидно замечают женщины. Дальше наши обывательские знания по этой области хирургии не идут. И то — косметическая хирургия отождествляется со всей пластикой в целом, хотя является лишь малой ее частью.

Только совсем недавно появилось у нас определение пластической хирургии — операции на поверхности человеческого тела. Предположим, человек теряет лицо в результате несчастного случая. Причем теряет лицо в самом прямом смысле слова. Но выживает, проводит долгое время в больницах и считается в итоге вполне здоровым человеком: руки-ноги на месте, зрение и слух в норме — короче, трудоспособен. Но эта способность к труду замыкается рамками его квартиры, так как из-за лица, а точнее из-за его отсутствия, человек не может появиться на людях. Невероятно страдает, комплексует, считает, что жизнь уже кончена. Возник даже специальный термин — социальный калека.

«...Мы с Вами незнакомы, но добрые люди подсказали, что мне нужно обратиться только к Вам. На Вас моя надежда, моя последняя надежда. Не знаю, какими словами убедить Вас, чтобы Вы поняли всю боль и безысходность моей дальнейшей судьбы — оглушенная действительностью и обезображенная физически. От меня ушел любимый человек, я лишилась любимой работы. Даже соседи, наверное, не знают, что я существую...»

Реконструктивная пластическая хирургия. Одна из самых развитых отраслей медицины в Европе и Америке. В Соединенных Штатах, например, издается более десятка журналов, посвященных исключительно пластической хирургии. Несколько лет назад там же вышло второе издание семитомной энциклопедии по реконструктивной пластической хирургии. Один из крупнейших институтов пластической хирургии находится в Чехословакии. Книги венгерского хирурга-пластика профессора Золтана переводятся на русский язык. Работают специальные кафедры в ГДР, Польше, Болгарии и Югославии. Ни института, ни кафедры, ни даже специальности пластический хирург в Советском Союзе нет.

Речь не о том, что, мол, у них есть, а у нас нет и нужно наверстать, догнать, перегнать, не подвести, повысить и усилить. Дело совсем не в показателях и даже не в официально зарегистрированном факте существования такой специальности. Дело просто в необходимости. Ведь нуждающихся в помощи хирурга-пластика у нас не меньше, а намного больше, хотя бы из-за того, что больше население,— по приблизительным подсчетам, таких больных около сотни тысяч в год. И до недавнего времени, порой и сейчас, в одних случаях они погибают, в других превращаются в социальных калек, находясь постоянно в четырех стенах, стесняясь своего обезображенного лица. Помочь доктор Неробеев может немногим. В Центральном научно-исследовательском институте стоматологии у Александра Ивановича, который работает здесь на общественных началах, отделение на 30 больных, или 30 коек, как это принято называть. Среди них получившие ранения в Афганистане, попавшие в катастрофы, обгоревшие, онкологические больные.

— Но я же не могу лечить в институте сто-

матологии, скажем, незаживающую рану на ноге или грудную железу.— Александр Иванович называет людей профессионально, частями тела.— Здесь нужен целый институт, ведь пластическая хирургия объединяет почти все медицинские специальности.

Габибов Габиб Абдуллаевич,
профессор,
доктор медицинских наук,
руководитель нейрохирургической клиники
Института нейрохирургии
имени Н. Н. Бурденко АМН СССР:

— Пластическая хирургия — это совсем новый объект. Мы начали постоянно сотрудничать с Александром Ивановичем Неробеевым всего четыре года назад и сделали совместно уже более пятидесяти операций. Но самую первую операцию мы провели в 1980 году. Ко мне направили больную с обширной опухолью головного мозга, проросшей в кость. Чтобы спасти женщину, нужно было срочно удалить опухоль с поврежденной костью. Технически это было возможно, но как закрыть такую большую рану? Я 38 лет работаю в институте и знаю, что больные с открытым мозгом не выживают — погибают от менингита. И тут я узнаю, что есть хирург, который берется сделать пластинку. Причем помог случай — родственник этой женщины был знаком с Неробеевым. Ту первую операцию мы провели в Центре хирургии, который руководит академик Петровский. Операция прошла успешно, наша бывшая пациентка выздоровела, работает. Никогда от Александра Ивановича не услышишь отказа, он берется за операции всегда с охотой. У нас много с ним радости, хотя бывают и огорчения, но мы стараемся, чтобы радости было больше.

Да, хотелось бы, чтобы радости было больше, и если институт пластической хирургии — это дело будущего (хорошо бы недалекого), то уже сейчас в Минздраве наконец обсуждается вопрос об организации кафедры пластической хирургии при Центральном ордена Ленина институте усовершенствования врачей. А пока кафедры нет, доктору Неробееву приходится колесить по всей Москве из больницы в больницу, из института в институт, чтобы делать операции больным «разного профиля». Он оперировал во Всесоюзном научном центре хирургии АМН СССР, Всесоюзном научном онкологическом центре АМН СССР, Институте нейрохирургии имени Бурденко и многих клинических больницах Москвы.

— Меня так и называют: «доктор с чемоданчиком». Езжу с места на место, а об операциях договариваюсь вечерами, из дома. Ведь в кабинете практически не сижу,— говорит Александр Иванович.

«...Здравствуйте, Александр Иванович! Как Ваше здоровье? Как Вы себя чувствуете? Александр Иванович, у меня все хорошо. Когда я приехала из Москвы и пошла в клинику стоматологии, вот было зрелище! Сбежались все врачи и медсестры, чтобы посмотреть, как я выгляжу после такой сложной операции,— все были ошарашены. Но все были рады за меня, что я могу ходить по улицам и встречаться с людьми,— это после 17 лет мучения! У меня не хватает слов благодарности — я живу, и у меня есть настроение жить, я могу видеть вокруг себя мир...»

В реконструктивной пластической хирургии операции производятся одномоментно, часто с применением микрохирургии. Необходимая часть кожи с тканью пересаживается с так называемого «донорского» места на поврежденное. На донорском месте остается небольшой рубец, а на лице ткань искусно подгоняется, шлифуется, и в итоге следы перенесенной операции остаются чуть заметными.

По старой методике, когда лоскут кожи (как его называют, «стебель») не отрезался, а тянулся, скажем, от руки к носу и человек в таком положении должен был жить месяцами с многочисленными повторными операциями, результат хирургических вмешательств был виден лишь через несколько лет.

Давайте сравним факты. У человека в результате перенесенной травмы или болезни на лице образовался дефект. Чтобы, как говорят хирурги, «закрыть дефект», по старой методике нужно провести 10—15 операций. В одномоментной пластической хирургии — одна основная операция и одна-две коррекции. В первом случае больной проводит в клинике полтора-два года, не сразу, конечно, а в течение многих лет. Во втором — три-четыре месяца.

Нельзя также забывать и о психологическом состоянии больного в первом и втором случаях. Думаю, разница есть.

— ...Приезжайте,— сказал по телефону доктор Неробеев,— но если вам захочется побывать в отделении, учтите: у нас своя специфика.

Что значит «своя специфика», я поняла позже. Из истории болезни:

«Больная Н., 19 лет. В двухмесячном возрасте получила ожоги лица III—IV степени в результате того, что на нее упала горящая одежда. Первая помощь была оказана в больнице по месту жительства. Больная по поводу ожога консультировалась и лечилась 12 раз.

Диагноз: рубцовая деформация лица, шеи, головы.

Операция: устранение рубцовой деформации.

После операции: общее состояние удовлетворительное. Жалоб нет».

«Больной С., 21 год.

Два года назад получил огнестрельное ранение в лицо. Первая помощь оказана по месту жительства, однако в течение двух лет не мог полноценно питаться, речь невнятна.

Диагноз: сквозной дефект боковых отделов лица в результате огнестрельного ранения.

Операция: одномоментное устранение дефекта кожно-мышечным лоскутом со спины с использованием микрососудистой техники».

«Больной Б., 25 лет.

В 1980 году ожог лица при горении бензина. В клинике больному были проведены пластические операции в области нижней губы и шеи.

Диагноз: рубцовая деформация лица.

Операция: устранение рубцовой деформации нижней зоны лица».

Мы сидим в кабинете у Александра Ивановича и пьем чай. Доктор Неробеев только что с операции, через сорок минут ему ехать в другую больницу «оперировать лучевую язву», как он говорит. Стеклянный шкаф за его спиной заставлен коробками с фотографиями и слайдами, как в фотомастерской.

— Вы снимаете сами?

— Конечно, без этого не обойтись. Фотографирую больного, а потом продумываю операцию — для каждого ведь нужно что-то свое, какой-то одной операции на все случаи жизни нет. Прикидываю, откуда пересадить вены, где взять кость, хрящи, в каком месте позаимствовать кожу, чтобы она подошла бы по цвету и структуре,— то есть работаю как инженер. Когда я сижу дома за письменным столом и рассматриваю свои слайды, жена даже подойти близко боится. Потом фотографирую после операции, через полгода и конечный результат, когда рубцы заживут,— объясняет Александр Иванович.— Ведь я сам учусь на каждой операции. И вообще пластический хирург должен оперировать каждый день, чтобы была постоянная практика, набирался опыт.

В дверь постучали. Вошел высокий плечистый южанин. Улыбнулся и поздоровался.

— Ибрагимов?— Александр Иванович сразу узнал вошедшего.

— Вот, фруктов вам привез. Яблоки, очень вкусные, из своего сада,— тихо произнес он.

— Да что ж ты делаешь, дорогой? Зачем это? У меня тут корреспондент из журнала, что подумает? Ну ладно, подожди меня минутку, сейчас я освобожусь,— сказал Неробеев.

Как только закрылась дверь, Александр Иванович стал рассказывать:

— Очень интересный случай. Опухоль горла. Опухоль большая, вырезали все — и гортань, и часть пищевода. Совсем не мог говорить и есть. Пища поступала через зонд, весь был в трубках, сгорбленный, еле ходил. Я и придумал ему операцию. Вырезал из стопы часть ткани с венами, еще кое-что сделал, долго объяснять, и восстановил все — сейчас ест сам и говорит, тихо, правда, но вы же слышали!— Александр Иванович гордился своим бывшим пациентом, как лучшим учеником.

Вишневский Александр Александрович,
профессор,
заведующий отделением хирургии легких и органов средостения
Всесоюзного центра хирургии АМН СССР:

— Наш институт многопрофильный. Он объединяет многие хирургические направления, в том числе лечение острых термических травм и их последствий. И здесь очень часто приходится обращаться к пластической хирургии. Если раньше, когда о ней заходила речь, имелась в виду только чисто эстетическая сторона, то теперь это понятие стало намного шире — мы можем благодаря пластической хирургии предоставить полноценное лечение. Лет десять назад я бы не взялся оперировать больного с некрозом грудины — одним из осложнений после операции на сердце, когда через большую незаживающую рану на грудине видно, как бьется сердце. На сегодняшний день сделаны десятки восстановительных операций. Люди, обреченные десять лет назад, сейчас нормально работают. И вообще потребность в пластических операциях огромна. С одной стороны, пластическая хирургия — это определенная область знаний, а с другой — целый комплекс, не узкоспециальный и не обособленный. Она необходима и офтальмологам, и специалистам по лечению ожогов, и нейрохирургам. Ведь хирурги довольно легко удаляют, а чем и как закрыть оставшиеся пустоты? Этот вопрос и решает пластическая хирургия.

— Так почему же у вас нет учеников, почему вопрос о кафедре стал решаться только сегодня, если пластическая хирургия так нужна?— не выдержала я.

— Ну уж заявить, что я один делаю пластические операции, я не могу. Последние полтора года мы работаем вместе с очень опытным хирургом доцентом Осиповым Г. И. Есть у меня и ученики. Правда, мало. Сейчас более широко начинают внедрять современные методы пластики в клиниках Ленинграда, Новосибирска, Тбилиси, других крупных городов, в основном — в отделениях микрохирургии. Но мы читаем лекции только по пластической хирургии головы и шеи — ведь курс ведется в институте стоматологии, потому и не можем затрагивать другие разделы пластики. А это очень обидно, ведь в пластике заинтересованы и ортопеды, и травматологи, и общие онкологи, и другие специалисты, а наш курс, к сожалению, не касается этих вопросов. Тем более пора разорвать замкнутый круг, потому что ни кафедра, ни тем более институт пластической хирургии не могут существовать из-за практически полного отсутствия кадров. А какая же может быть подготовка квалифицированных кадров, если у нас нет такой специальности — пластический хирург? Вот и получается: нет специальности — нет кадров. Нет кадров — нет кафедры. Нет кафедры — нет института. Нет института — нет кадров. Я в свое время в два института подавал документы на защиту докторской диссертации — в обоих отказали, нет, говорят, такой специальности, вот будет, тогда приходите. Но доктором медицинских наук я все-таки стал. А то количество врачей, которые слушают курс у нас в институте,— это капля в море. Всего двадцать человек в год! Да и чему как следует можно научиться за четыре месяца? — возмущается Александр Иванович.

Фалилеев Юрий Владимирович,
профессор,
член-корреспондент АМН СССР,
заведующий отделением
опухолей головы и шеи
Онкологического научного центра:

— Пластическая хирургия расширила возможности в онкологии в плане более широкого удаления опухолей с обеспечением благоприятного существования больного после обширных операций. Но, что самое важное, стали возможны операции той группы людей, которые раньше считались неоперабельными. И хотя специалистов-пластиков у нас в центре нет, мы довольно широко используем их методы. В онкологию пластическая хирургия пришла сравнительно недавно, и путь ее был далеко не легким. Лет тридцать назад врачи-онкологи относились к пластике крайне негативно. Считали, что она может стимулировать опухолевый рост, что закрытие того места, где развивается опухоль, препятствует ее дальнейшему обнаружению, да и сложность пластических операций тоже стала тормозом.

А сегодня онкологи довольно широко используют пластику, ведь она помогает больным вести нормальный образ жизни после операций. Люди не чувствуют себя неполноценными, они продолжают работать, они живут.

— Обидно, что многие, которым мы могли бы помочь, не знают, куда обратиться,— вздыхает доктор Неробеев.— Ведь всем известно про Федорова и его Центр микрохирургии глаза, про Онкологический научный центр, про курганский институт Илизарова, а про нас, пластиков, мало кто знает. Да не только больные — врачи не знают, куда направить! Хорошо, что наши курсы немного помогают — есть хоть какая-то информация во врачебных кругах.

Доктор Неробеев делает свое дело. Изо дня в день. Из года в год. Я не хочу, чтобы эта статья воспринималась как реклама доктору Неробееву. В рекламе он не нуждается и, я повторяю, продолжает делать свое дело.

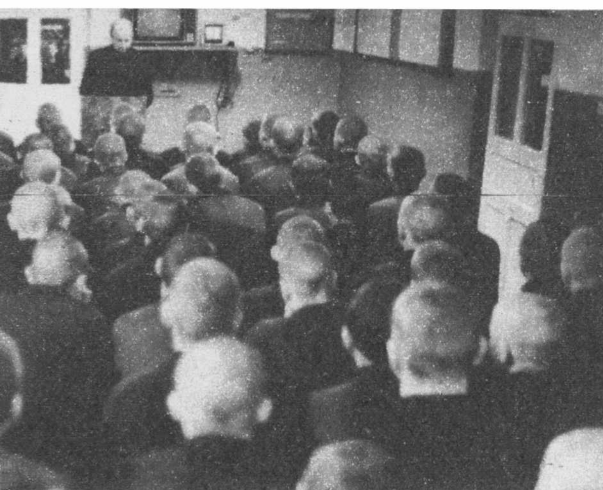
Но разве это дело только его?

ДРЕМЛЮЩИЕ ДУШИ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПРЕСТУПЛЕНИЕ!
ПОЧЕМУ ВДРУГ ЧЕЛОВЕК ХОЧЕТ УБИТЬ, ПРИСВОИТЬ ЧУЖОЕ, ИЗНАСИЛОВАТЬ!
ОТСУТСТВИЕ ЖАЛОСТИ!
НАКОПЛЕНИЕ ВРАЖДЫ, КОТОРАЯ И ВЫРАЖАЕТСЯ В ДРАКАХ! РАЗНУЗДАННОСТЬ ИНСТИНКТОВ!
ЖЕЛАНИЕ САМОУТВЕРДИТЬСЯ ИЛИ ОБОГАТИТЬСЯ БЕЗ УСИЛИЙ!
ОДИНАКОВЫЕ ПОТЕРТЫЕ ВАТНИКИ,
УШАНКИ, САПОГИ. СТРИЖЕНЫЕ ГОЛОВЫ, КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТ ВСЕХ ПОХОЖИМИ.
ОДИНАКОВО ПОКОРНЫЙ ВИД ПРИ РАЗГОВОРЕ С НАЧАЛЬСТВОМ.
И НЕ ПРОИЗВОДЯТ РЕБЯТА ВПЕЧАТЛЕНИЕ ЗЛОДЕЕВ. ОБЫКНОВЕННЫЕ ДЕТИ, ПОПАВШИЕ В БЕДУ.
ЗЛОДЕЯНИЕ, А ЗА КАЖДЫМ ИЗ НИХ ИМЕННО ЗЛОДЕЯНИЕ,— ЭТО БЕДА И ДЛЯ НИХ ТОЖЕ.

НАВЕРНОЕ, ВСЕ ЭТИ ЗАВЕДЕНИЯ ПОХОЖИ: ГЛУХОЙ ЗАБОР, ВЫШКИ. А ВНУТРИ — БОЛЬШИЕ ДОМА, СЛОВНО КАЗАРМЫ.
И ВОТ ИДУТ ОНИ В СВЕТЕ ПРОЖЕКТОРОВ.
СТРОЙ СЛИЛСЯ В ОДНУ ЧЕРНУЮ МАССУ, КОТОРАЯ НЕЛОВКО ДВИГАЕТ РУКАМИ И ПЕЧАТАЕТ ШАГ.
ЗАШЛИ В СТОЛОВУЮ — ЛОВКО СЛЕТАЮТ ШАПКИ.

В колонии создали такую школу, где учатся с интересом. Внешне обычная школа. Больше порядка. И на стенах не выцветшие плакаты «для оформления», а большие ватманы с задачами, загадками, смешными вопросами — идет месячник по математике. Необычные здесь учителя. Какой-то старой закалки: собранные, приветливые, очень доброжелательные.

— Учебу все ребята считают важным делом,— говорит Дина Николаевна Баранова, директор школы,— потому что она дает ребятам возможность проявить себя. Баллы добавляем в соревновании, присваиваем звание. А самое главное, мы наших ребят никогда не ругаем. И результат — даже дети, от природы лишенные способностей, стараются вовсю.

Дина Николаевна может гордиться своей школой: многие ребята по освобождении поступают в институты и потом пишут, что знания у них оказались прочнее, чем у многих обычных школьников.

Выходит, можно создать условия, в которых перестали бы вырастать люди с чувством неполноценности. Понятно, что, пока есть плохие взрослые, останутся забитые дети. Останутся в конце концов просто больные, у которых преступление — естественное выражение их патологии. Таких в колонии тоже немало. «Низкий поклон» пьянству. Их перевоспитывать еще сложнее. Внушить боязнь наказания? Воспитатели в колонии поставили себе другую зада-

чу, благородную, но ох какую тяжелую: пробудить добрые чувства к людям, заставить заметить все-таки, что ты не один на свете, научить жалеть и прощать. Только это, а не боязнь наказания — главная гарантия нормальной будущей жизни их воспитанников. Боязнь, увы, со временем уходит...

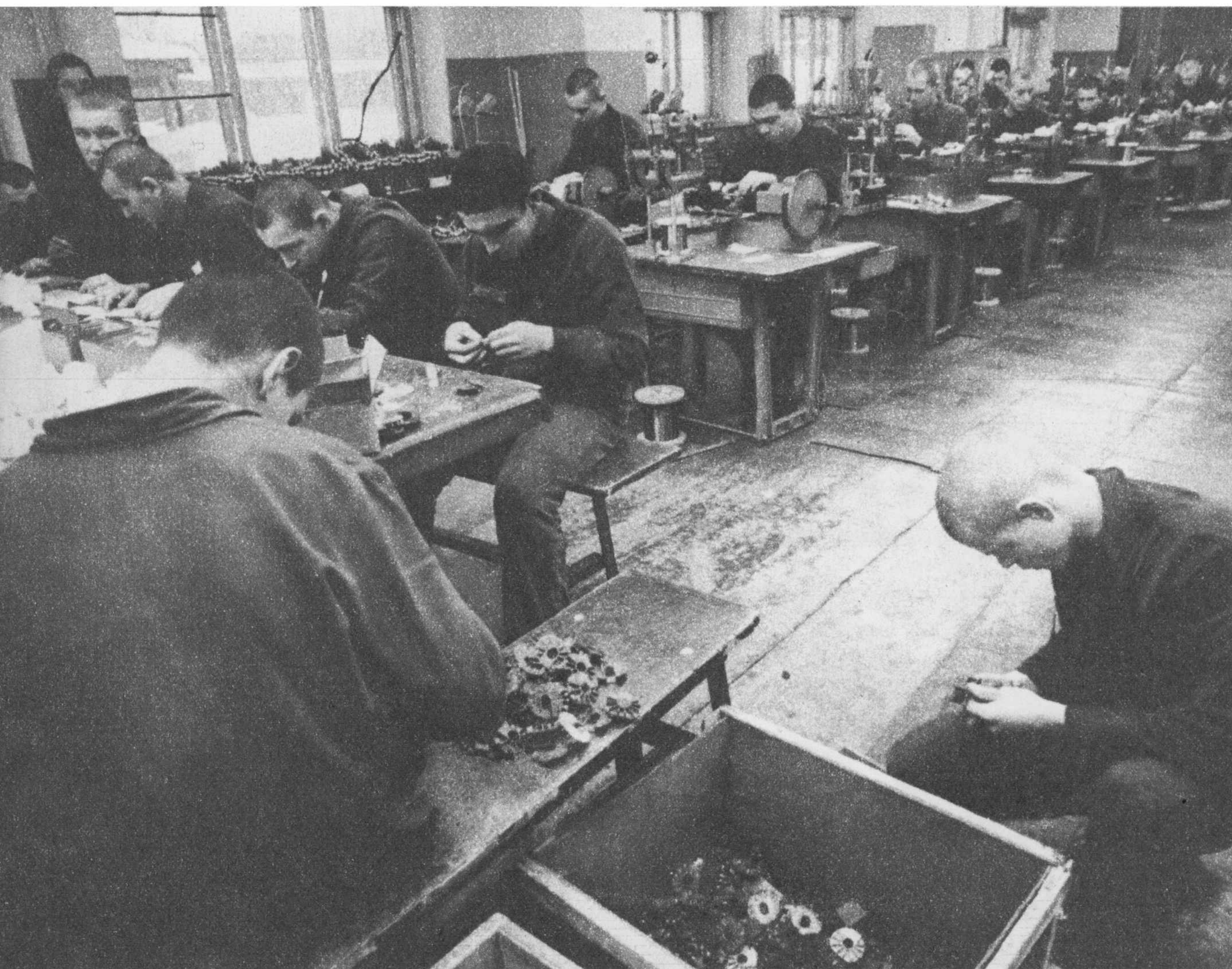
Первый этап — пробудить мысль. «Я не задумывался» — так все ребята объясняют мотивы своих преступлений. И это не хитрость, это факт. Захотел — сделал. Не учили их думать. Большинство здесь сидящих вообще не читали книг до колонии.

Костя Скатов прямо заявляет:

— Слышали и о других колониях.

«ПОДРОСТОК ПЕДАГОГИЧЕСКИ ЗАПУЩЕН, ИНТЕРЕСЫ И СКЛОННОСТИ ОГРАНИЧЕНЫ» — ЭТО ПОЧТИ ВО ВСЕХ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ.

КАЗАНОВ ВАЛЕРА: Желаю ребятам, чтобы они посмотрели вокруг себя. Столько кругом хорошего. И еще чтобы контролировали свои поступки. Прежде чем делать, подумали о последствиях. Тем более, если пьян. Если выпил, ничего хорошего не сделаешь.

Такую «весточку» передает с нами Валерий. Тем, кто не в меру увлекается «романтикой» рюмки, кулака... Спешат добавить свое и другие ребята.

КОРЕНЕВ САША: Перебороли чтобы себя, отошли от прежних друзей. Чтобы думали своей головой, никого не слушали. Многих манит «романтика» тюрьмы. Здесь ничего хорошего нет.

МУХИН РОМАН: Все беды — с надежд на безнаказанность, с мыслей: что подумают товарищи.

ЕВСЮКОВ ВОЛОДЯ: Мы попусту проводили время. Здесь начинаем жалеть, что многое, что могли, не использовали. Только на свободе можно доказать, на что ты способен, научиться жизни, получить образование.

Но я точно знаю: если бы не попал сюда — свихнулся бы окончательно. А теперь нет.

— Будешь опасаться наказания?

— Нет. Просто поняв.

— К людям стал лучше относиться?

— Что ж, и так сказать можно. Вот вы нашего Пашу видели? Да на воле я бы его и не заметил. Здесь он мой подчиненный, и я должен, обязан наладить с ним контакт: так просто ему не прикажешь. Не сделает, да еще и обидится. А с подходом — дело другое...

Дело, предложенное всерьез взрослыми людьми,— совет командиров и бригадиров, всерьез воспринято ребятами. Мало того, они ощутили прелесть крепкого, дружного коллектива и теперь тоскуют:

— Вот выйду, хорошо бы попасть в дружную бригаду.

Собирается вечерами раз в неделю совет, анализирует сделанное, требует исполнения, намечает планы. И все это живо до тех пор, пока воспитатель способен каждый день ставить новые задачи.

— Сверхзадачи,— уточняет начальник колонии полковник Юрий Борисович Рогозин.— Если вы ставите перед людьми самую сложную на сегодняшний день цель, вы показываете, что доверяете их силе и возможности.

Сам он в начале прошлого года поставил цель — построить новую школу. И ребята строят. Отлично строят. А полковник Рогозин — и начальник зоны, и экономический директор, и прораб: выбивает материалы, договаривается насчет техники. Все, как всегда, запаздывает. В принципе он мог бы обойтись и без новой школы... Но такие уж люди составляют воспитательский коллектив колонии, что не боятся они хлопот для себя.

Не всем и не сразу нравится дисциплина, необходимость целый день без перерыва что-то делать. При нас принимали паренька, который специально побил стекла в женском общежитии, чтобы попасть в колонию. Друзья расписали яркими красками, какая там «веселая жизнь», «малина». Про эту же колонию среди бывалых людей ходят нелестные слухи, а паренек был очень разочарован, что попал именно сюда. Скучно. Ну а, может быть, побудет здесь и изменит свое отношение к жизни, к тому, что в ней скучно, а что весело.

Ирина ТОЛКАЧЕВА,
Игорь ГАВРИЛОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

— Я ВСЕ ОТДАЛА СЫНУ,— ПЛАЧЕТ ЖЕНЩИНА С ПРИЯТНЫМ ДОБРЫМ ЛИЦОМ. ПРИЕХАЛА НА СВИДАНИЕ К СЫНУ.— В ДОМЕ У НАС ПРЕКРАСНАЯ МЕБЕЛЬ, ЦВЕТНОЙ ТЕЛЕВИЗОР. С УТРА ДО НОЧИ РАБОТАЮ, ЧТОБЫ ДЕТИ НИ В ЧЕМ НЕ НУЖДАЛИСЬ. И ПЕТЯ У МЕНЯ ТАКОЙ ХОРОШИЙ, ДОБРЫЙ МАЛЬЧИК. С ДЕТСТВА КОШЕК, СОБАК ЛЮБИТ. МЕНЯ ЖАЛЕЕТ. ЗАПРЕЩАЕШЬ ЧТО-НИБУДЬ — ПОДБЕЖИТ, ОБНИМЕТ, ПОЦЕЛУЕТ... ТОЛЬКО ВОТ ВСЕ РАВНО ПО-СВОЕМУ СДЕЛАЕТ... А ЕСЛИ НАСТАИВАТЬ НАЧНУ, ДВЕРЬЮ ТАК СТУКНЕТ — ШТУКАТУРКА ПОСЫПЛЕТСЯ...

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

Евг. ЕВТУШЕНКО, фото автора

«Вы знаете, сколько стоит эта «фантазия»?» —
с горькой усмешкой спросила меня
бразильская женщина лет шестидесяти,
горделиво и грустно
оглаживая свое кружевное белоснежное платье.
В этом платье-фантазии женщина была похожа
на скульптуру черного дерева,
спрятанную внутрь огромной
светящейся хризантемы.
Кружева, как взбитые сливки,
окружали немолодое тяжкое тело.
Тело прерывисто,
устало дышало после карнавального шествия,
и темные морщинистые руки
с младенчески розовыми ладонями
спасительно расстегивали перламутровые
пуговки безжалостно затянутого платья.
Женщина сидела на траве, сняв такие же белые,
как платье, туфли, и блаженно шевелила
затекшими пальцами босых ног,
которые настолько настоялись в очереди
за возможностью потанцевать,
настолько натанцевались, что уже не могли
держать свою изнемогшую хозяйку.

СКОЛЬКО СТОИ

Но эта женщина хотя бы еще могла сидеть и разговаривать, а вокруг нее пластом на траве лежали в таких же платьях-фантазиях другие женщины, только что танцевавшие вместе с ней, и спали как убитые. Пустырь за самбодромом, поросший дикой травой, напоминал поле боя, усеянное мертвыми телами белых цветов. Здесь, на пустыре, было полутемно, и только отблески фар проезжавших мимо машин время от времени посверкивали в стареньких, стянутых медной проволокой очках женщины, разговаривавшей со мной. А самбодром — гигантский стадион, специально построенный для обозрения карнавального шествия,— ослепительно сверкал вдали, ревел от восторга, бил в барабаны, и на его «пасареле» (проходе для карнавального шествия) кружились другие немолодые женщины — в таких же платьях-фантазиях, сияя от недешево доставшегося счастья выглядеть счастливыми хотя бы на полчаса, прежде чем упасть замертво от усталости на этом пустыре. Женщин в таких платьях называют в Бразилии «байанами»— то есть женщинами из провинции Байа, но на карнавале в Рио-де-Жанейро их платья — лишь стилизация под этот отдаленный регион, и большинство так называемых «байан» из столичных трущоб — «фавел».

— Эта «фантазия» стоила мне две тысячи крусадос,— сказала женщина.— Муж зарабатывает восемьсот — девятьсот в месяц, да и то когда есть работа. Он делает все, что придется: работает то грузчиком, то маляром, то мусорщиком. Когда есть работа, не пьет, а вот когда нет — бывает. Пьет в долг, а потом приходится отдавать. Так вот и перебиваемся. А ведь у нас пятеро детишек. Вы не подумайте, я его денег на «фантазию» не тратила. Сама подрабатывала чем придется, выкручивалась целый год. И вот представьте — на пуговицы не хватило. А карнавал уже на носу. Муж в это время запил. Я ткнулась к соседям, а у них ни у кого ни крузейро. Один сосед, правда, предложил, да не за бесплатно. Сукин сын. Он ко мне, еще к молодой, когда-то лез, а теперь и сам старый, да и я старая, но его все, видно, самолюбие грызет — угрешить меня хоть в старухах. Выручила меня одна бабка — со своего дряхлого, разлезшегося свадебного платья спорола. Хороши пуговицы, а? Правда, у нас денег настолько нет, что это платье продавать после карнавала придется. Дай бог, если полцены дадут...

— А к следующему карнавалу новое станете шить?— спросил я, пораженный ее простотой и откровенностью, на которую способны только дети или сильные люди.

— Ну а как же иначе, сеньор?— искренне удивилась она моему вопросу.— Какая же Бразилия без карнавала?— И не удержалась от собственного гордо-любопытного вопроса: — А вы не заметили на самбодроме меня, когда я танцевала?

— Да, да, заметил, вы прекрасно танцевали...— торопливо соврал я и вдруг подумал, что, может быть, не вру. С фотокорреспондентским пропуском, болтавшимся на веревочке у меня на груди, я сам как бы танцевал под звуки самбы по обочине пасарелы, щелкая двумя фотоаппаратами, а иногда вторгаясь в середину движущегося танцующего потока, откуда меня со справедливой бесцеремонностью неумолимо извлекали руки распорядителей, чтобы я не путался в ногах. Кажется, в мой объектив однажды вторглось или ее, или такое же похожее лицо с оправой очков, стянутых медной проволокой, а из-под стекол очков сверкнули похожие на обкатанные морем влажные черные камушки, молодые глаза, распространявшие такое девическое сияние, что оно, казалось, смывало предательские морщины. Сейчас, после карнавального буйства, морщины снова проступили, тело потеряло легкость, дарованную танцем, и после пиршества звуков и красок, как мучительное похмелье, пришла усталость. Днем предстояла обычная изнурительная жизнь: заботы о детях, перебранки с мужем, добывание денег. Добираться до дому было далеко, да и не на чем, а подкашивающиеся от танца ноги не дотащат до фавел, лепящихся на крутых холмах. Окна фавел тоже мерцали этой ночью, но фавелы были похожи на слабосветящиеся гнилушки, с завистью подглядывающие с вершин на бриллиантовое ожерелье карнавальных огней большого города. И черные дочери фавел, преображающиеся один раз в году в принцесс из золушек под прожекторами пасарелы, обессиленно лежали на пустыре, покинув царство света, музыки, аплодисментов, и казалось, что вот-вот их белоснежные платья-фантазии снова превратятся в лохмотья.

Я снова пошел на самбодром, и карнавал втянул меня в свою пенящуюся, искрящуюся воронку. Карнавал начинается задолго до карнавала. Каждая школа самбы готовит новую песню. Сначала голосованием выбирается тема песни. Затем на эту тему сочиняются стихи и музыка — чаще всего самодеятельными поэтами и композиторами. В Рио-де-Жанейро 16 районных школ самбы, и каждая из них выставляет примерно 5 тысяч танцоров и певцов. Когда песни созданы, их текст разучивается под музыку. Еще не приодевшаяся в «фантазии» бедность, еще не украшенная пышными султанами из перьев безработица, держа в руках листочки с текстом, заучивают строки буквально всем телом. Толпы музыкантов на балкончиках продымленных залов яростно колотят по барабанам, все убыстряя ритм и доводя танцующих до экстаза, как где-нибудь у костра в африканских джунглях. На репетициях вырабатываются окончательный ритм, его развитие, общая голосовая и пластическая слаженность. Слова песен — это поразительная батида (взбитый коктейль.— Е. Е.) сладкой высокопарности и уличной залихватской солености.

Вот, например, песня школы Сао Клементе (перевод вольный):

Он был худущий забияка,
как без хозяина собака,
и колыбель без детских снов
была совсем не золотая,
и жил отец, штаны латая,
а сын был вовсе без штанов.

Сао Клементе,
где вор на воре,
где горе на горе.
Жизнь — как смертельное сальто.
Мы — капитаны асфальта.

Вот начало песни школы Капричосос де Пиларес:

Оболваненным я быть устал.
Демагогам верить перестал.
И хотел бы наполнить...
(Что?)

Мой живот, а он дыряв, как решето.

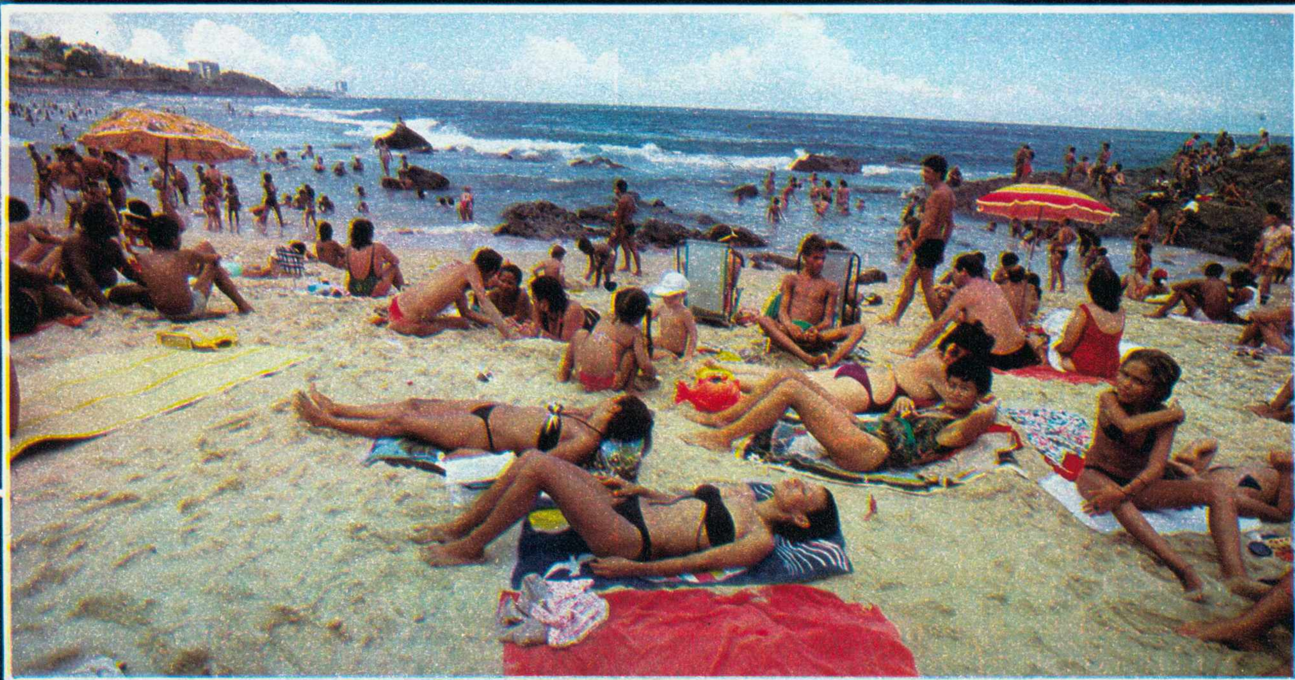
А вот совсем неожиданный рефрен из песни школы района Мангера:

И Дон Кихот
в старинной рыцарской манере,
И Чарли Чаплин
танцуют здесь, в Мангере!

Репетиции заканчивались. Над пляжем Копакабаны то и дело пролетали вертолеты, волоча по воздуху зазывающие на карнавал лозунги. Цены в гостиницах вырастали почти вдвое. Журналисты обивали пороги штаба карнавала, чтобы получить аккредитацию. Шла спекуляция билетами на черном рынке. А в фавелах женщины дошивали свои «фантазии» только для того, чтобы вырваться хоть ненадолго из своей полуголодной ежедневности под лучи прожекторов на пасареле. Осыпанная блестками бедность выстраивалась для парада. Каких только костюмов здесь не было: и Иисусы с накладными бородами и белыми сверкающими крыльями, и мулатки, работницы табачной фабрики, изображающие статуи Свободы — сразу штук сто свобод с электрическими факелами на батарейках, и микки маусы, и сказочные чудовища, но самыми красивыми были все-таки «фантазии» байан. Немолодые женщины, а иногда просто старухи, они кружились в блаженном забытьи, как будто брали реванш самбой за свою невозвратно потерянную молодость. А танцуют бразильцы так красиво, как никто на свете,— каждой вибрирующей жилкой. Карнавальное шествие началось в восемь вечера, а закончилось часов в девять утра.

Бразильцы как нация представляют собой уникальную смесь из индейских, португальских и негритянских кровей, но карнавальная традиция пришла из африканских деревень, откуда колонизаторы вывозили рабов. Униженные, закованные в видимые и невидимые цепи дети африканских племен суеверно сохранили свою единственную свободу — свободу песен и единственное человеческое право — право на танец. Ритм вырабатывался из взмахов топоров, весел, мотыг, из генетически закодированных в памяти тамтамов навсегда потерянной первоначальной родины. Карнавал, заливавший, как наводнение, улицы, потихоньку стали вводить в русло самбодрома, индустриализировать. В провинции это, правда, не получилось, а вот старожилы Рио-де-Жанейро жалуются, что раньше карнавал был народней, спонтанней. Карнавал дорого стоит только тем, кто сам шьет себе карнавальные платья. Но есть новая, весьма заманчивая профессия — карнавальные дельцы. Говорят, что от каждого карнавала не меньше 300 миллионов крусадос дохода.

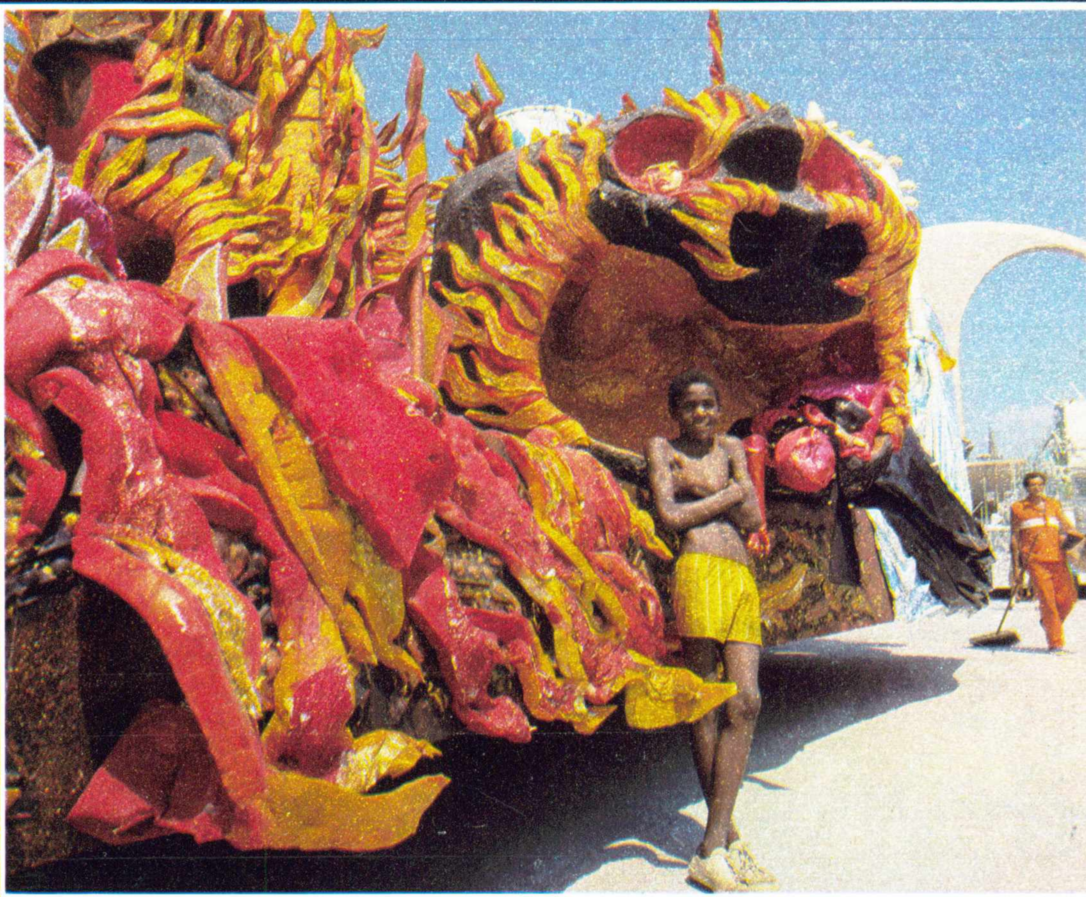
Т «ФАНТАЗИЯ»?

Один левый молодой бразильский писатель назвал ежегодный карнавал «национальным наркотиком». Правда, несмотря на такое максималистское определение, он сам во время карнавала подпал под головокружительное очарование самбы, и все его тело — плечи, бедра, ноги — непроизвольно двигалось в такт музыке, несмотря на сопротивление критического разума. Он же мне и сказал:

— У нас, бразильцев, столько сил уходит на карнавал, что их не остается для революции. Революция в Бразилии произойдет лишь тогда, если правительство запретит карнавал.

Да, действительно, ни одно правительство никогда не рискнуло этого сделать. Наоборот, карнавал даже старались поставить на службу политике, хотя бы тем, что он отвлекал от мыслей о политике. Карнавал выставляли как рекламный щит, загораживающий фавелы. В периоды диктатур платья-фантазии, кружившиеся в вихре самбы, становились живым занавесом, скрывающим тюрьмы. За облаками этих платьев, как за надежной дымовой завесой, бывшие нацисты, сделавшие себе пластические операции или живущие по подложным документам, преспокойно попивали на своих отдаленных, запрятанных в джунглях фасендах привычное мюнхенское пиво, из пены которого родился фашизм. Перед карнавалом в латиноамериканских газетах промелькнуло сенсационное сообщение. Один аргентинский финансист за гигантскую сумму предложил материал, якобы удостоверяющий, что Гитлер и Ева Браун преспокойно жили все эти годы в Аргентине и скончались в прошлом году. Видимо, это такая же «утка», как и пресловутые «дневники Гитлера». Но сколькие фашистские преступники, считавшиеся мертвыми, потом оказывались живыми! Да, дорого обошлось этой женщине из фавел ее платье-«фантазйя». Но сколько стоила человечеству кровавая фантáзия стольких тиранов, палачей, поработителей, далеко не все из которых заплатили за это своей жизнью... Совсем недалеко от Бразилии парагвайский диктатор Стреснер все еще продолжает свой затянувшийся политический карнавал. Во время визита папы римского в Чили Пиночет карнавально вырядился в белоснежный мундир под цвет папского одеяния, стараясь выглядеть невинной божьей овечкой. Милая, измученная женщина из фавел, за все твои страдания ты имеешь право на свою «фантазйю», потому что она стоит дорого только тебе самой. Но какое право на свою фантазию, стоящую так дорого ни в чем не повинным народам, имеют те, кто воображает себя вершителями истории, отбирая у людей свободу выбора, свободу совести, подменяя силу убеждения силой принуждения, попирая великое бескровное оружие духа оружием как таковым, устанавливая под предлогом борьбы против хаоса полицейские порядки и беззаконно беря на себя позорную смелость — решать, кому жить, а кому не жить?!

Осенью 1986 года в Кампучии я увидел мальчика, глядящего на веревку, качающуюся перед ним на каком-то странном сооружении. Мальчик глядел не на всю веревку, а на ту ее часть, где в разные стороны торчали пеньковые лохмы, как будто веревка в этом месте о что-то перетерлась. Мальчик смотрел не просто с испугом, а даже с суеверным страхом, инстинктивно стараясь защитить себя от тени веревки, которая, как черный паук, впилась в его беззащитную грудь. Этот кампучийский мальчик стоял во дворе бывшей школы, когда-то превращенной в полпотовскую тюрьму Тал Сленг. То, на чем качалась веревка, в школе было гимнастическим сооружением. На нем палачи подвешивали людей — чаще всего за ноги, чтобы смерть была более мучительной. Лохмы на веревке — именно на том месте, где связывали ноги несчастных. Я видел в этой тюрьме, ныне ставшей музеем, и другие орудия пыток — железные бочки, куда с головой опускали в воду, клещи для выдирания сосков и ногтей, кнуты, деревянные станки для выламывания костей, молотки для разбивания мужских семенных яичек, но больше всего меня потрясла простая веревка с этими лохмами, неподвижно свисающая среди раскаленного кампучийского воздуха, который мне тоже показался одним из орудий пыток. Было еще одно, что оказалось для меня пострашней веревки смерти в тюрьме. Это был зал, где висели фотографии жертв и их палачей. Боже мой, у них были совсем одинаковые лица! Я говорю это не с точки зрения поверхностного европейского туриста, которому все азиатские лица кажутся одинаковыми. Нет, лица были разные, но в то же время одинаковые — лица совсем простых людей, привыкших с детства к труду и лишениям, крестьянские и рабочие лица. Тут-то я и вспомнил строки Пастернака: «Наверно, вы не дрогнете, сметая человека. Что ж, мученики догмата, вы тоже — жертвы века» («Лейтенант Шмидт»). Что иногда делает даже с изначально самыми хорошими людьми политическая безумная фантазия, манипулирующая их сознанием! Да и есть ли изначально плохие люди? Есть ли генетически запрограммированные палачи, убийцы? Не верю в то, что эмбрион уже может быть заражен садизмом. Даже лагерные овчарки не рождаются лагерными и могут быть ласковыми, как котята, если хозяева не тренируют их хватать людей мертвой хваткой, кусать до смерти беглецов. Кампучийские палачи тоже были жертвами, жертвами собственной обманутости, собственной преступной наивности, жертвами вбитой в их головы чужой большой фантазии, которая толкнула их к чудовищной вере в то, что собственные братья, которых они пытали и уничтожали,— враги и жалеть их не стоит. Откуда взялась такая больная фантазия у Пол Пота? Она, видимо, родилась из комплекса неполноценности, когда Пол Пот и его соратники в студенческой юности бродили по Парижу, как нежеланные, парии из какой-то неведомой парижанам страны, и этот комплекс превратился в животную ненависть к городу как к таковому, словно ко всепожирающему Молоху. Полпотовцы жадно схватились за идею коммунизма не как за инструмент потенциального будущего братства, а как за оружие биологического реванша, казавшегося им социальным возмездием. Из сорбоннских кафе, где витали причудливо перепутанные тени Равашоля и Руди Дучке, они вернулись в свою задавленную разложившимися аристократическими ворами и правительственными нуворишами страну, и ядовитые семена реванша пали на благодатную почву, обильно орошенную кровью. Лон Нол однажды привез в Пномпень вагон с отрубленными головами крестьянских мятежников. Из этих отрубленных голов, как из кровавых семян, взошли виселицы Пол Пота. Ненависть к городу, как причине всех зол (только теперь уже не к французской столице, а к собственной) разъедала Пол Пота. Он стал прививать ее кампучийским крестьянам, имевшим все основания пойти под знамена ненависти ко всем горожанам. Горожане из гор и джунглей начинали казаться все поголовно врагами народа, а народом начинали казаться себе они сами. Завистливая парижская фантазия Пол Пота размножалась. Население Пномпеня вышло встречать красных кхмеров как освободителей, но освободители оказались палачами, загоняя все городское население в тюрьмы или в трудовые исправительные лагеря. Я видел один из таких лагерей, где сквозь прорванную карту Кампучии смотрят груды черепов, а из земли высовываются всохшие в нее клочки одежды. Особенно страшен сук на дереве, о который разбивали головы младенцев. Этот сук похож на зрачок дьявола... Но самое убийственное — это то, что все делалось в полнейшей убежденности, что убиваемые дети — это последыши врагов, которых тоже не стоит жалеть ради высших идеалов. Народ уничтожал сам себя во имя интересов народа. Я привык читать в газетах выражение «банда Пол Пота», и мне раньше казалось, что красные кхмеры были сборищем грабителей и насильников. Но все оказалось не так. Когда все население было изгнано из города, то красные кхмеры даже не входили в брошенные квартиры, не тронули ни одной вещи, не украли ни одной серебряной ложки, по свидетельству многих очевидцев. Они палачествовали «с чистой совестью честных людей»! После этого самогеноцида, когда было уничтожено около трех миллионов людей в семимиллионной стране, я первый раз оказался на территории государства, где после побоища практически не осталось ни одного живого писателя, ни одного живого интеллигента и только сейчас происходит медленный, мучительный процесс возрождения литературы, интеллигенции. После превращения собственной родины в пыточную камеру Пол Пот и его соумышленники ухитрились скрыться от заслуженной ими кары, и кто-то их снова поддерживает, финансирует, и кто-то, снова обманутый, опять загипнотизированно идет за их фантазией, не насытившейся человеческой кровью.

Вот какие неожиданные для меня самого страшноватые ассоциации вызвало ни в чем не повинное платье-фантазйя бразильской женщины из фавел, когда она задала мне простой человеческий вопрос:

— А вы знаете, сколько стоит эта фантазия, сеньор?

В Бразилию я привез невидимые для таможенников собственные воспоминания, собственные терзающие меня мысли, и свою личную трагедию, и чьи-то чужие трагедии, которые стали тоже моими. Да и можно ли быть человеком, если внутри тебя не живут другие люди? Никогда не встречавшиеся друг с другом, во мне они встретились, заговорили, как родные. Они говорят на разных языках, но понимают друг друга, потому что единственное, реально существующее эсперанто — это эсперанто человеческих страданий. Человеческие радости иногда говорят на разных языках, а вот страдания — на одном.

На следующий день после карнавала над Рио-де-Жанейро взошло солнце, ослепительное, как золотое блюдо, отобранное у Остапа Бендера при переходе границы румынской сигуранцей. Да, это был тот самый великий и прекрасный город, в котором, по наивному предположению Остапа, «все поголовно — в белых штанах». Блики солнца играли на блестках, осыпавшихся с карнавальных одежд, на чьих-то растоптанных масках, и рыбаки вытягивали сети из моря с рыбами, сверкавшими, как чьи-то потерянные в вихре недавней самбы украшения. Лишь гигантская статуя Христа, раскинувшего руки над городом с пьедестала горной вершины, была окутана туманом, и он то появлялся, то исчезал, а над его головой пролетали «боинги» и «каравеллы», казалось, тоже несущие на своих крыльях прилипшие карнавальные блестки.

А я, как ни пугали меня, что там могут убить, ограбить, пошел вместе с двумя моими бразильскими друзьями в фавелы, откуда вчера в долину спустились белые облака платьев-фантазий, сегодня растаявшие, как почудившиеся видения. У входа в фавелы стояла полицейская машина, и сидящие там до зубов вооруженные хранители порядка посмотрели на нас как на сумасшедших. Но у меня с детства не было никакого страха перед бедностью, и с голытьбой я всегда чувствую себя в своей тарелке, всегда в гораздо большей безопасности, чем где-нибудь в литературном ресторане, где тебя каждую минуту могут ни за что, ни про что неожиданно пырнуть ножом оскорбления. Старейшина фавелы водил нас по холмам, облепленным домишками, сделанными то из фанеры, то из баркасных досок, а то даже побогаче — из разномастного кирпича и камня, и я поражался тому, как бедность тоже старалась украсить эти кривые улочки бумажными гирляндами и как убогость хибар скрашивалась цветами, посаженными вокруг них. Люди были приветливы, потому что не ощущали в нас ни туристского равнодушного любопытства и никакого зла, которое мы могли им причинить, а дети шли за нами стаей, колотя бамбуковыми палками в дырявые ведра и консервные банки, как в барабаны. Две девочки, только что бывшие в обносках, побежали домой и вскоре вернулись, одетые в карнавальные платьица. Девочки были похожи на две живые блестки вчерашнего праздника. Они поманили меня, присели у покосившегося, ветхого забора и показали мне волшебную траву, которую зовут здесь «дормидера» (сонная трава). Стоит лишь слегка прикоснуться к этой траве, как она сразу съеживается, словно защищается, охраняя свою недолгую зеленую жизнь. Девочки, дотрагиваясь до травы своими хрупкими пальчиками, пели в два голоса: «Дорми, дорми, дормидера...» (Спи, спи, сонная трава).

— Хотите, я вам покажу нашу принцессу?— спросила одна девочка.— Только я должна спросить ее разрешения... Сфотографируйте ее.

Мы подошли к крошечной, будто бы игрушечной хибарке из ящичных досок, полувросшей в землю. Девочка заглянула туда, пошепталась чуть-чуть, потом сказала:

— Принцесса разрешает.

Я заглянул и увидел молодую, с ярко выраженными кенийскими чертами женщину, сидевшую на груде тряпья в фанерном закутке метра в два шириной и в метр высотой. Женщина кормила грудью малюсенькое, сладко похлюпывающее губами живое существо и улыбнулась нам так застенчиво и одновременно гордо, что солнце, пробившееся сквозь малюсенькое окошечко, на мгновение словно затмилось по сравнению с ее величественно смущенной улыбкой вбитой в этот закуток богоматери.

— Она что, живет здесь?— спросил я у девочки, осторожно закрыв дверь.

— Нет, у нее есть дом там, наверху... Но она прячется здесь, когда ее муж напивается и бьет

ее...— просто, как взрослая женщина, ответила девочка.

— А почему ты называешь ее принцессой?

— А разве вы не заметили?— удивленно спросила девочка.— Она не такая, как все. Она действительно принцесса.

А потом мы встретили девушку лет семнадцати, которая, как оказалось, пишет стихи, и она пригласила нас в свою хибару и угостила нас кофе с таким достоинством и врожденной осанкой, и так она была хороша с розой, вколотой в тяжелую смоляную волну волос, с глубокими, бережно внимающими каждому слову гостей глазами, что я стал уговаривать моего холостого бразильского друга Карлоса Эмилио жениться на ней. Она была вся — жажда верности тому, кого когда-нибудь полюбит, и я с болью подумал о том, что этот кто-то тоже может начать пить, избивать ее, вымещая на ней злобу на проклятую жизнь, и вобьет ее тоже в какой-нибудь закуток, как ту черную принцессу. А потом я играл в футбол с бразильскими ребятишками, и когда мне удалось забить гол, да еще рикошетом от перекрестия штанг «в девятку», я сам радовался, как мальчишка,— еще бы, это был мой первый, хотя и единственный гол, забитый на родине Пеле. А потом меня привели к «матери фавел»— строгой высокой женщине с пронзительными глазами, видящими все твои грехи и прегрешения, содержащей в поразительной чистоте крохотную молельню, дающей в ней советы, ставящей диагнозы болезней.

Меня она даже осматривать не захотела.

— У тебя все в порядке...— сказала она беспрекословно. Естественно, я повеселел. А может быть, она сказала мне так, чтобы сделать гостю приятное? И за то спасибо. Как же так получилось, что у фавел репутация мрачных трущоб, где сам воздух пропах убийствами, откуда ни один иностранец живым не вышел? Старейшина фавелы гневно сжал кулаки, отвечая на мой вопрос:

— Видели полицейскую машину при въезде? Дежурят. Делают вид, что охраняют порядок. А если бы вы видели, как они иногда врываются сюда — только не на одной машине, а на нескольких, и под видом поисков краденых вещей сами обворовывают нас. У старухи Амалии ее единственное сокровище — телевизор — выкрали. По ночам из города сюда наезжают машины и выбрасывают трупы тех, кого убили и ограбили там, в большом городе. Хотят все преступления, которые творятся, свалить на фавелы. Обвиняют нас в том, что здесь живут сплошные бездельники и воры. Быть бездельником для нас — это не забава, а несчастье. Попробуй найти работу, а особенно постоянную. Поневоле некоторые начинают воровать, потому что дома — голодные рты. А настоящие большие воры судят потом маленьких воров — воров по несчастью... Правда, сейчас становится немного лучше. Новые городские власти впервые стали открывать школы, где детей кормят и завтраком, и обедом. Так что теперь родители отдают детей в начальную школу, да еще с большой охотой, а раньше вместо школ посылали детей на Копакабану — выпрашивать деньги у иностранцев. Сейчас, когда детей в школах кормят, нищенства стало меньше. Вы думаете, почему у нас в Бразилии семьдесят процентов неграмотных? Да потому, что с детства они сами себе на пропитание добывают — родителям их прокормить не под силу.

Но фавелы Рио-де-Жанейро показались мне почти раем, когда я увидел фавелы на воде в Салвадоре. Развалюхи, крытые ржавой жестью, еле державшись на сваях, как на тоненьких иссохших ножках, над зловонной жижей. Мы шли вдоль берега, провожаемые голодными детьми в лохмотьях, ничего у нас не просящими, но самое страшное нищенство — это когда даже не хватает сил просить. Воздух был наполнен такими ядовитыми испарениями, что через час я стал задыхаться. А ведь живущие здесь дышат этим воздухом с младенчества. Мы продолжали свой путь, но нас остановила доброжелательная старушка.

— Дальше не надо ходить,— сказала она.— Там — фавелы...

Боже мой, эти свайные домики над жидким концентрированным смрадом она, родившаяся здесь, даже не считала фавелами. Настоящие фавелы, по ее мнению, были там, где уже не было этого жалкого подобия домов, а просто стояли какие-то несуразные шалаши без пола, с крышами из обрезков той же самой жести. Самое страшное, когда людей доводят до такого состояния, что они сами не могут понять, как они несчастны, и настоящими несчастными им кажутся другие люди, а не они сами. Я проехал четыре тысячи километров на машине по Бразилии, а ведь это только ее крохотная часть. Это одна из самых красивых стран в мире, чем-то, особенно в горных местах, напоминающая Грузию. Мощь пространства ошеломляет, резкость величественных скал сочетается с нежнейшими, мягкими очертаниями долин, красные факелы фрамбоянов обнимаются своим трепещущим пламенем с лиловыми гигантскими спиртовками бугенвиллей. В Бразилии растут чуть ли не все фрукты мира — и ароматнейшие ананасы, и киви, и яблоки, и цитрусовые, и виноград, из которого делают превосходные вина, и чиримойя, и папайя, и словно подернутые инеем морщин дурманящие дыни, и сливы величиной с кулак, и великанские арбузы, и десятки и множество не ведомых мне ранее фруктов. Полчеловечества пьет бразильский кофе. Недра Бразилии буквально набиты минералами, золотом, полудрагоценными и драгоценными камнями. Характер народа — на редкость общительный, гостеприимный и жизнерадостный, несмотря ни на какие трудности жизни. Самая главная драгоценность Бразилии — в неисчерпаемой сокровищнице человеческих талантов. Эта талантливость проявляется не только в умении танцевать, как никто на свете, не только в умении артистически играть в футбол, как никто на свете, но и в архитектуре, в музыке, в литературе. Бразилия по ее гигантскому, еще не выявленному природному и человеческому потенциалу — это страна будущего. И если сбудется мечта Симона Боливара о Соединенных Штатах Латинской Америки, то многое будет зависеть от этой великой страны. Когда я разговаривал с одним из самых знаменитых бразильцев — Пеле, ныне ставшим крупным предпринимателем, он мне сказал о футболе так:

— В футболе самое главное — индивидуальность. Собственная личность, собственный почерк, какие, например, были у Яшина. Сейчас в мировом футболе есть, пожалуй, две крупные личности — Марадона и Платини. Раньше было трудно составить сборную мира — столько было в нее кандидатов, а сейчас, к сожалению, легко. Коллектив может быть сильным, только когда это коллектив сильных личностей.

Сказано это было только о футболе, но значение этой фразы можно и расширить. Народ только тогда развивается в полной мере, когда он становится гигантским коллективом сильных личностей.

После поездки в Бразилию я стал ее «болельщиком», поверил в нее. Но на пути превращения этого трудолюбивого народа в коллектив сильных личностей стоят много преград. Одна из них — неграмотность большинства населения. Политические карнавалы, которых было столько за всю многострадальную историю, отбирали у детей фавел возможность стать будущими вершителями судеб своей страны. Карнавалы танцевальные при всей их красоте были порой невольными прикрытиями карнавалов политических. Но все-таки мой левый бразильский друг был исторически не прав в его насмешливом определении карнавала как национального наркотика. В течение почти трехвекового рабства, наложившего отпечаток на психологию, бразильцы тем не менее не только танцевали, но и боролись против угнетателей. К восставшим африканским рабам присоединялись и индейцы-аборигены, и передовая интеллигенция, и прогрессивное офицерство, чем-то схожее с нашими декабристами. В 1888 году рабство было окончательно запрещено, а в 1889 году Бразилия была провозглашена республикой. С того времени утекло не только много воды, но и много крови. Были более или менее либеральные периоды и периоды жесткой диктатуры. Коммунисты не раз объявлялись вне закона и оказывались то в тюрьмах, то в эмиграции. Теперь, после того как военная хунта была сброшена, в Бразилии гражданское правительство во главе с президентом Сарнеем, 33 политические партии и относительная свобода прессы. Президент приветливо принял меня в своем рабочем кабинете. Еще недавно, в обстановке воинствующего официального антисоветизма, такой разговор был бы невозможен. Пока президент подписывал мне несколько своих книг стихов и прозы, я уловил под его мягкой вежливостью скрытую озабоченность. То и дело по его красновато-загорелому лицу с короткими седыми усами пробегала тень мыслей, совсем далеких от нашего разговора. Именно в эти дни он принял нелегкое решение о приостановке процентных платежей национального долга иностранным банкам. Именно в эти дни должны были начаться перевыборы губернаторов провинций. Именно в эти дни происходили забастовки шахтеров, а во время открытия прижизненного музея Жоржи Амаду в Салвадоре, где присутствовал и президент, состоялась демонстрация рабочих с антиправительственными лозунгами, что, конечно, не могло неприятно не задеть ни Жоржи Амаду, ни президента. Да, непросто быть президентом страны, у которой такое тяжелое наследство неграмотности, безработицы, коррупции и когда тебя обвиняют справа — в пособничестве либералам и коммунистам, слева — в пособничестве крупным землевладельцам — фасеньдерос и иностранному капиталу, а еще более слева — обвиняют сразу и в первом, и во втором.

— У нас не тридцать три партии, а сто семьдесят миллионов партий...— пошутил один бразильский политик, которому тоже сильно достается со всех сторон.— Сколько бразильцев, столько и партий...

Но несмотря на все противоречия, одно несомненно — Бразилия вступила на мучительный, но верный путь демократизации, хотя и медленной и тоже противоречивой.

Одним из символов этих происходящих изменений в стране было присвоение одной из начальных школ Рио-де-Жанейро имени Юрия Гагарина. Около трех тысяч детей, педагогов, родителей встретили этот день как праздник. Тогдашний губернатор Рио-де-Жанейро Бризола, ныне являющийся потенциальным кандидатом в президенты на следующих выборах, сказал:

— Гагарин — это сын России, но он сын всего человечества, и поэтому он и сын Бразилии...

Гласность — это великое лекарство от опасных фантазий. Не случайно это русское слово зазвучало таким мощным эхом по всей планете, в том числе и в Бразилии. Почему? Вроде бы для некоторых стран, где пресса так кичится свободой слова, в этом нет ничего нового. А оказывается, есть. Наша развивающаяся гласность привлекает всех тем, что в ней есть перспектива гласности всенародной, а не только гласности для каких-то определенных групп, которым принадлежат главные источники информации. Нашей гласности за границей боятся те, кому выгодны наши умолчания, ибо они нас подрывают — нравственно и экономически. Бразильские рабочие из профсоюза химической промышленности в городе Салвадоре пришли ко мне и сказали:

— Спасибо вам, советским товарищам, за гласность. Ваша гласность и наш рабочий голос в Бразилии делает сильнее...

Странно мне становится, когда некоторые люди у нас в стране про себя, а иногда даже вслух чуть ли не рифмуют слово «гласность» со словом «опасность», разумея под этим опасность для собственной безопасности. Кое-кто из читателей может упрекнуть меня за литературно-полемическое вкрапление в мою статью, которая, казалось бы, должна была быть посвященной только Бразилии. Но в мире под нависшей тенью угрозы всеобщего уничтожения нет только Бразилии, только СССР, только политики и только литературы. Хотим мы этого или не хотим, все сейчас переплелось, все взаимозависимо. Погибшие воины защитили от фашизма не только нашу Родину — Советский Союз, но и общую родину всего человечества — нашу планету, защитили и кампучийского мальчика, и женщину из фавел Рио-де-Жанейро. Им, незабвенным нашим погибшим, не удалось спасти самих себя, и еще стольких погибших на той войне, и еще многих других убитых на других войнах в мире, им не удалось спасти и миллионы землян, умерших от голода на этой прекрасной планете, но они спасли главное — надежду на то, что зло победимо. И если мы осуществим в нашей стране народную гласность, то это поможет и всемирной гласности будущего, когда голос женщины из фавел тоже будет решать судьбу человечества. Многие из них, наших незабвенных погибших, были, по выражению поэта Александра Межирова, «фантазерами и мечтателями». Но среди нелепых, сумасбродных и преступных фантазий есть великая фантазия о человеческом братстве, о мире без границ, без бюрократии, без эксплуатации, без войн. Эта фантазия стоила, может быть, так дорого, как никакая другая. Это, может быть, единственная фантазия, которая достойна такой дорогой цены. Но цена ее будет оправдана лишь в том случае, если эта великая фантазия осуществится.

Сергей МАРКОВ

РАССКАЗ

УРОК ИСТОРИИ

Как постарел. Совсем стал стариком, высох, сгорбился. Едва передвигает ноги в ортопедических ботинках. Он и тогда ходил с палочкой. Это он. Школьный учитель. Ни фамилии, ни имени его я не помню. Только кличку — Кальмар. Почему Кальмар? Может быть, потому, что все время словно нащупывающая что-то в воздухе левая рука его была похожа на щупальце?

Я поднялся за ним по эскалатору и медленно пошел вдоль трамвайных путей. Моросил дождь. В лужах, в блестящих окнах аспидных домов отражались тучи и голые ветви тополей. Рельсы кое-где были залеплены листьями.

Я шел и вспоминал, как он рассказывал нам о Пугачеве, о Екатерине, о войне двенадцатого года... Мы не слушали. Мы заняты были своими делами, гораздо более значимыми, чем какая-то там Бородинская битва, отгрохотавшая почти два века назад. Или гудели с закрытыми ртами. Мычали на разные голоса, уставившись в одну точку, например, на лысину учителя. Нередко проверяли его «на вшивость», как говорил Малыш Джо: подкравшись сзади, вытаскивали стул, как только учитель поднимался; подбрасывали в ящики стола крыс, пойманных на свалке, торжественно казненных и подпаленных для запаха; зимой, когда занимались во вторую смену, вырубали по команде свет и обстреливали его со всех сторон из трубочек и рогаток. «За что вы его?» — спросил однажды кто-то из родителей, когда мы украли у историка палку, стали играть на перемене в хоккей и сломали ее. «А так просто»,— ухмыльнулся Малыш Джо.

Учитель воевал, был танкистом. Можно было бы, конечно, вспоминая школу, вообразить сцену мальчишеского раскаяния после встречи с его боевым товарищем, которого он, Кальмар, вытащил из горящего танка, вынес на себе, сам тяжело раненный. Или что-либо подобное. Патриотическое воспитание у нас в школе было поставлено. Не было недостатка в плакатах с лозунгами и цитатами. На первом этаже против входа чуть ли не по всей стене тянулся кумач: «Никто не забыт, и ничто не забыто!» Уголок боевой славы был признан лучшим в районе. И следопыты работали отменно: вели раскопки на местах боев, приводили на уроки мужества фронтовиков, которых тогда еще было много. Кто-то, знавший историка, и в самом деле приходил, что-то рассказывал. В актовом зале наверху смеялись, хлопали. Но мы в то время курили за школой и играли в «расшиши», приговаривая почему-то: «Да ты в танке не горел, салага». Нам не нужны были уроки мужества. Мужество мы себе представляли иначе.

Не выдержал Кальмар самой, как тогда казалось, безобидной проверки. Перед уроком истории мы укрепили над дверью елочную хлопушку. Она рванула, когда историк, в черном костюме, при галстуке, при орденах, вошел в класс, чтобы поздравить нас с наступающим праздником. Он присел, схватился за голову, весь усыпанный конфетти, замер, будто не хлопушка, а бомба разорвалась. Мы чуть с парт не попадали от хохота. А его побелевшие губы только и вымолвили: «Ребята...» И он выбежал.

Отличницы бросились догонять, чтобы просить прощения, но я, сидевший у дверей, преградил дорогу стулом. И Малыш Джо, огромный прыщавый второгодник, сказал, сплюнув сквозь прокуренные гнилые зубы: «Хвалю». Это было высшей наградой.

Малыш Джо держал в страхе всю школу. Даже десятиклассники с ним не связывались. Он отличался наглостью, неряшливостью, уверенностью в себе и в силе, темной, сокрушающей все и вся, что стояла за его спиной. Он выбирал среди мальчишек жертву и ходил с ней в обнимку по коридорам, дружески тиская и представляя всем как лучшего своего корефана. И едва лишь мальчишка начинал верить в свою принадлежность к избранным, в чем-то проявлял это — вот тут Малыш Джо и начинал с бесовской изобретательностью наслаждаться, за какую-нибудь неделю доводя жертву изощренными унижениями, следовавшими одно за другим, до той степени отчаяния, за которой для мальчишки не существовало больше ничего. И подыскивал новую жертву.

Малыш Джо сказал, сплюнув и больно сдавив мне плечо: «Хвалю». Мы отправились курить «Беломор», а потом стали играть в «жучка». Не помню, что повлекло меня к лестнице, где делали ремонт. Но скорей всего, конечно, мечта о том, чтобы Малыш Джо называл меня по имени, как своих немногих настоящих корешей в школе, а не придумывал обидные клички.

Клички были глупыми, как теперь понимаю, бессмысленными и обидными главным образом потому, что обзывал он меня при всех. И слышала Люда Романова, голубоглазая тоненькая девочка с распущенными по плечам пышными каштановыми волосами. В нее были многие тайно влюблены. Она первая из девчонок стала слегка подводить глаза, подкрашивать губы на школьные вечера. На физкультуру она ходила в черных колготках. В конце девятого класса Люда Романова перешла в вечернюю школу, так ни разу и не обратив на меня внимания.

Между этажами рабочие меняли батареи. Я спустился ниже и услышал в подвале странные какие-то, хриплые, отрывистые всхлипы. Я сперва подумал, что это в батареях. Но понял. Хорошо помню, как громко, лихорадочно заколотилось сердце, словно желая зацепить где-то внутри ответ на вопрос: позвать или не позвать Малыша Джо и всю нашу капеллу?

Я не забил ни одной шайбы в хоккейных матчах, в футболе меня чаще всего ставили на ворота. Я боялся прыгать через козла, однажды сорвавшись и ударившись копчиком. Никто не смеялся, да и не слушали, когда я отваживался рассказать анекдот. У меня не было ни коллекции марок, ни немецкой овчарки, ни приводов в детскую комнату милиции. Родители не работали за рубежом. И даже свистеть в четыре пальца я не умел.

Вот он, случай,— стучало сердце под горлом. Возможность, которой больше не будет. Помню, что-то скребло внутри и как бы попискивало. Но все заглушало многозвучное сладостное предвкушение еще одной прилюдной похвалы Малыша Джо. Острое, как лезвие, желание, чтобы он подошел и сказал — и чтобы это слышала Люда Романова! — сказал, как равному: «Сань, приходи вечерком на голубятню».

Шанс свой я не упустил. Мы выбежали на лестницу и стали хохотать над плачущим внизу учителем, свистеть, орать и улюлюкать, и кто-то, набрав в пакет из-под молока воды из туалета, бросил его в темноту...

Вскоре хромой учитель истории ушел из нашей школы. Малыша Джо посадили. Он вышел ненадолго в то время, когда нас призывали в армию. Сморщенный, беззубый, пошатался пьяный по своему огромному, опустевшему двору (многие его друзья тоже сидели), потоптался с мужиками у винного магазина, порассказывал — и снова сел. Больше я о нем не слышал.

Меня призвали весной. Я помню, как ехали мы на поезде через всю Россию, не зная, что́ нас ждет. Орали под гитару частушки. На остановках выбегали, чтобы глотнуть весеннего воздуха, который потом нам снился. И снились перламутровые облака в голубом небе. И коричневая талая вода между кочками. И нежно-розовые стволы берез.

Окончив танковую учебку, я попал в Афганистан.

Через две недели нашу колонну на перевале обстреляли душманы.

Это был мой первый бой. Я не думал, что все будет так. Казалось поначалу, что играем, как в детстве: во дворе обувного магазина мы забирались в ящики и стреляли оттуда через щели из рогаток. Только жарко. Никому, я думаю, не приходилось измерять температуру в танке, когда снаружи на солнце семьдесят пять. И слава богу.

Мы почти прошли перевал, как вдруг танк впереди нас беззвучно встал на дыбы. Меня оглушило взрывом, я понял это позже, в госпитале. Стоило прикрыть веки, я снова обливался потом, липким, едва не кипящим, пот застил глаза, заливался в открытый рот, а дышать было нечем. На марше после двух суток без сна туман то и дело сгущался перед глазами, в которые будто песку насыпали, и усилий стоило туман разогнать. В госпитале же все стало видно даже слишком отчетливо. Ясно, совсем близко, словно через окуляры бинокля, я видел, как вскидывается пушка, за ней и «морда» танка. Такое впечатление, что он начал вдруг вползать на отвесную скалу. Но никакой скалы впереди нет. Разбитая гусеница, точно огромная гюрза, бросается в сторону от дороги, к дувалу. И танк вспыхивает сразу весь. Впереди него пылает бурым пламенем «наливник», лежащий на боку.

В госпитале я узнал от ребят, что шоферы сливают соляру мирным афганцам, не за бесплатно, конечно. А потом на этих бочках с солярой с подложенными вниз минами не то что ЗИЛы, но и бронетранспортеры, и танки взлетают — от детонации.

Наш танк подбили справа, с гор — так мне показалось. Игоря Андреева, ленинградца, механика-водителя, контузило. Схватив АКМ и вещмешок с «рожками», я кое-как вытащил Игоря через люк, и получилось, что подставил под очередь из крупнокалиберного пулемета, сам укрывшись.

Мне пуля раздробила ключицу. Несколько мелких осколков от гранаты засело в икре. Боли не было. Она пришла потом.

Вытащил меня грузин из пехоты. Помню его рыжие усы и колючую, мокрую от крови и пота щеку. И слова: «Держись, биджо, держись». Сознание я потерял уже в темноте, когда бой был закончен и лишь изредка мелькали красные трассеры.

...Я узнал старика сразу, как только он вошел в вагон и ему уступила место молодая женщина. Он стал отказываться, потом благодарил. Голова его тряслась, левая рука будто что-то старалась нащупать.

Он сворачивает во двор. Очень медленно, осторожно ступая, идет по тропинке, обходя лужи. Направляется к угловому подъезду, у которого мальчишки играют в войну:

— Та-та-та, ту-дуф, бдиж-ж!.. Падай, а то играть не буду!

До подъезда остается шагов двадцать. И возле машины, накрытой брезентом, я догоняю его.

— Извините, пожалуйста...— говорю я.

Он останавливается. Поворачивается. Смотрит на меня выцветшими, слезящимися глазами. Он не слышит, я понимаю это по выражению лица. Громче говорю:

— Простите. Вы не узнаете меня?

— Что?

— Вы не узнаете меня?! — кричу осиплым и негнущимся каким-то голосом.

Мальчишки замолкают, смотрят на нас. И все во дворе смотрят, и из окон. А он не слышит. Не слышит.

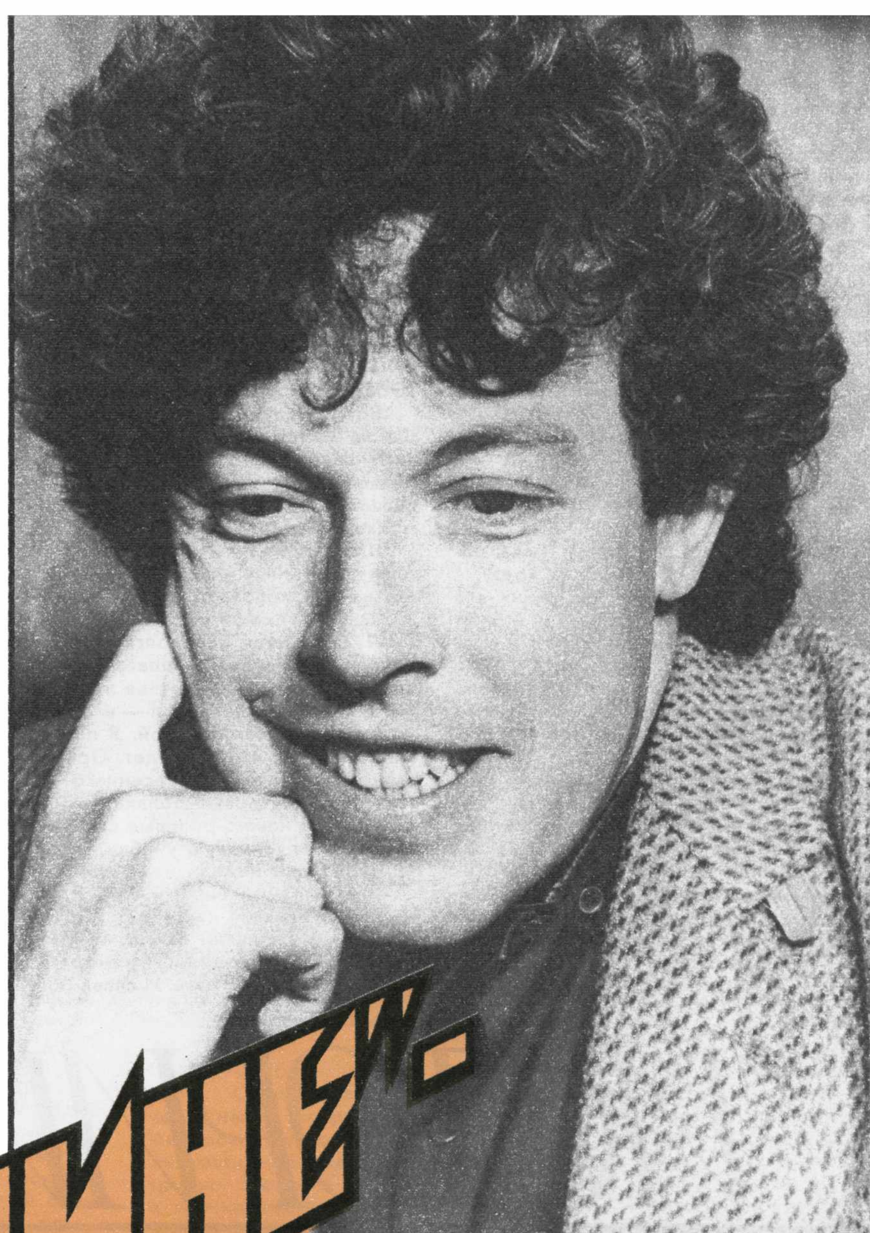
— Вы не узнаете? Тогда, в школе, это был я, который... Это был я!

— Простите, молодой человек,— говорит он, приподняв трясущуюся, покрытую старческими пятнами, высохшую руку.— Я очень плохо слышу. Отдал аппарат в починку, да все никак они не могут его починить. Простите.

Он идет, опираясь на палку, к подъезду. Я стою и смотрю, на что-то все еще надеясь.

Моросит в сумерках холодный дождь. Падают последние листья. А мальчишки носятся по лужам, строчат из автоматов и радостно, звонко кричат на весь двор «ура!».

По опросам молодежных редакций в течение десяти лет среди самых популярных первые места держат песни ансамбля «Машина времени».

«МАШИНЕ» — ВРЕМЯ

Александр ЩЕРБАКОВ

Что там в начале? «Битлз»? Или Шестая симфония? Шестой симфонией Чайковского я «сушил мозги» своей десятилетней дочери. Впрочем, простите, не симфонией, а устными рассказами о ней. Потому что — ныне уже за девятнадцать лет жизни в Москве — так ни разу и не удалось купить билет на нее: всегда она в каком-то абонементе. Не попадалась и пластинка. Впрочем, я и не хотел бы показывать дочери свое любимое произведение на пластинке. Такая музыка настоящая только живьем.

А дочь мне твердила свое: «битлы», «битлы»... Она их слушала где-то у подружек, а для меня это была тоже чистая теория, от которой я морщился. Ибо имел представление о «Битлз» единственно по нашим газетам шестидесятых годов и, следовательно, мог относиться к «жукам» только отрицательно.

...Ко всем этим, уже давно довольно давним обстоятельствам, мою память вернул голос певца с магнитофонной пленки, которую я, дабы «отрубиться» от шумной компании, слушаю через новомодные массивные наушники.

Три сестры, три создания нежных
В путь нелегкий собрались однажды —
Отыскать средь просторов безбрежных
Тот родник, что спасает от жажды.

У порога простившись, расстались
И отправились в дальние дали...
Имя первой — Любовь, а вторая — Мечта,
А Надеждой последнюю звали...

Дождливый приморский ноябрь. И потому—запруженный рассеянной, бесцельной толпой центральный сочинский универмаг. И лично я, вдруг замерший, зачарованный, озадаченный, посреди этой толпы...

И тут нужно вспомнить про другой свой отпуск — московский, взятый в декабре, дабы уж он не пропал вообще. Днем — писание каких-то давно обещанных своей редакции статей, а вечером — что предложит столица. Столица предложила: концерты для двух, трех и четырех фортепиано Баха в течение трех вечеров в консерватории. Исполняли профессор Татьяна Николаева с ее учениками. А между фортепианными сочинениями камерный оркестр из Литвы под управлением Сондецкиса играл части из Бранденбургских кон-

цертов и, помнится, какие-то еще баховские номера.

Вот среди них-то и было... Было нечто коротенькое — на минутку исполненное на одной лишь скрипке и называвшееся, кажется, «Пассакалья»... Позднее в памяти вдруг всплыло — только оттуда ли? — другое слово: «Чакона». В этих «кажется», «оттуда ли» горестный укор автора самому себе: и за музыкальную малограмотность, и за дырявую память, и вообще за собственное «очень среднее» самообразование... Я не могу описать музыку. Какие слова ни подбираю — или слабо, или пóшло, и всегда неточно. Но та минута звучания вошла в меня чистым, стопроцентным наслаждением и болью, которые отключили восприятие всей последовавшей далее в тот вечер музыки.

И с тех пор живут где-то эти старые раны: рана — воспоминание о наслаждении и рана — воспоминание о боли, и еще живет какая-то безнадежная надежда пережить это еще раз. Случаются же в жизни невероятные встречи.

И вот, бесцельно бродя в пронизанной влагой, рассеянной курортной толпе, посреди мокрых плащей и капающих зонтиков, я услышал... Нет, не «Пассакалью», не «Чакону». А что-то неизвестное, что точно попадало в эти старые раны, и они вдруг отозвались явственными, яркими отзвуками именно того наслаждения, именно той боли.

И оказалось, что это «что-то» продавалось, и я купил, и привез, и протянул своей дочери пластинку-миньон:

— На вот, послушай настоящую музыку. А то все «битлы» да «битлы»...

Она послушала. И сколько же смеху было в доме в тот день!

— Папа, да это же и есть «битлы»! — закатывалась совершенно счастливая и нетактично-жестокая дочь.

Откуда ж мне было это знать, если в те годы государство еще выпускало музыку знаменитого квартета как бы подпольно, обозначая на этикетке лишь: «Вокально-инстр. ансамбль. Англия». Впрочем, человек более сведущий мог бы и догадаться...

А покорившая меня мелодия называется «Because» — «Потому что», и сегодня ее знают все, как и ее авторов и исполнителей.

...Но трудно разобраться, где ясно,
где туман,
В потоке информации, с поправкой
на обман...

* * *

История с «Because» не прошла бесследно. Во-первых, я с тех пор не читаю ничего в прессе о современной музыке, полагаясь «в потоке информации, с поправкой на обман» в основном на собственные уши. Во-вторых, купил дочери какой-никакой магнитофон. А в третьих, благодаря всему этому в течение десяти с лишним лет был в курсе того, что социологи несколько свысока называют музыкальной молодежной субкультурой.

А она, между прочим, состоит всего из двух компонентов: 1. Шелуха, которую необыкновенно быстро сдувает в обиход алкашей всех возрастов; 2. Факты культуры, истинную цену которых определяет время.

...И вот с каких-то пор в доме, кроме «битлов», надолго и настойчиво в отличие от прочих зазвучали иные имена: «Машина времени», Макаревич, Кутиков (прошу прощения у других членов группы — сегодня уже запамятовал их фамилии). И их голоса. К тому времени, когда в «хит-парадах» молодежных газет первые места уверенно, из месяца в месяц, из года в год стала удерживать «Машина времени» (при полнейшем, абсолютном ее отсутствии в «официальном» звучащем мире — радио, ТВ, пластинки, эстрада), у меня уже было представление о ней.

Сейчас-то такое не редкость, а тогда, лет десять назад, едва ли не одна «Машина времени» умела у нас петь так: в необычно острых, непривычных, но точных звуковых сочетаниях голосов и инструментов, в изобретательных, каких-то чудных переходах тональностей и ритмов. Но главное все-таки было в другом — в словах. Песни «Машины» были в основном со смыслом. Вернее, с социальным смыслом. В них жили персонажи — типы своего времени. В них было авторское отношение — ирония, сарказм, восхищение, жалость — к этим типам, к явлениям, которые за ними имелись. Эти песни слушались невольно — из-за оригинальности музыки и исполнения — и сознательно — из-за боязни пропустить, не расслышать, не понять фразу, слово.

Стихи песен «Машины» принадлежали А. Макаревичу.

* * *

А потом Андрей Макаревич вошел и в мою жизнь. Пусть всего одной песней:

Бывают дни, когда опустишь руки
И нет ни слов, ни музыки, ни сил.
В такие дни я был с собой в разлуке,
И никого помочь я не просил.
И я хотел идти куда попало,
Закрыть свой дом и не найти ключа.
Но верил я: не все еще пропало,
Пока не гаснет свет, пока горит
свеча...

У кого в жизни не бывает дней, «когда опустишь руки». Кого не посещало ощущение, что «дней осталось мало». И кто не знает, как порой мучительно дожить до момента, когда снова поверится, что еще раз удастся расправить крылья птице своего бытия, а может, и удачи. И едва ли не всем нам ведомо, что найти спасение (именно спасение!) в такие дни можно в поэзии, в музыке. Не во всякой, конечно. Но трагическая Шестая симфония каким-то образом, как земной шар, способна принять на себя разряд уже непереносимой отрицательной энергии, накопившейся в наших душах, и, как родная земля, подпитать новой, положительной силой.

На то она и великая музыка.

Но незатейливая, крохотная, на две минуты, шестнадцатистрочная миниатюра... Она-то как помогает, чем? А ведь помогает. Утешает. Это очень важный для живого человека момент — утешение. И я понимаю, почему именно так — «Консуэло» (утешение) — назвала Ж. Санд свой роман о музыке и музыкантах и его героиню-певицу.

А. Макаревич — тоже певец. И если «Пока горит свеча» воздействует нам на душу, то, конечно же, не одними стихами, а стихами внутри музыки, а музыкой внутри голоса, а голосом — именно с той интонацией, которая враз преодолевает все, что есть между магнитофонной пленкой и моим, никому не слышимым, без звуковых волн пропеванием этой миниатюры в те «дни, когда опустишь руки и нет ни слов, ни музыки, ни сил»...

* * *

И вот когда я узнал эту песню и принял ее в свою жизнь, то с удивлением стал взирать на нечто мне непонятное. 13—16-летние энтузиасты, составители «хит-парадов» из месяца в месяц упорно выводили на первые места именно ее — «Пока горит свеча». Ну, у них-то, думал я, какие уж такие разочарования? И как это так: у таких малявок «нет сил»?..

Ах, этот возрастной эгоизм, которому вот уж поистине все возрасты покорны! Как не сразу, как долго до меня доходило: с каждой табличкой очередного «хит-парада» мне настойчиво, терпеливо посылают сигналы: это у них бывают дни, когда опускаются руки, это они почему-то вдруг теряют слова, силы, веру, это их, случается, влечет бежать куда попало... Это они не только одной крови, но и одной плазмы души со мной. И моя дочь — тоже...

Тогда я впервые задумался над названием группы «Машина времени». Если эти ребята в меру своих сил и способностей, получается, наводят мосты между поколениями, то ведь они и впрямь связывают времена, как сварочная машина — трубопровод.

...И только странно бывает вдруг,
Если вам подпевают дети
Ваших школьных былых подруг...

Это уже с сегодняшней пленки. И уже сегодняшние 13—16-летние меломаны выводят в возродившихся «хит-парадах» новые песни «Машины времени» на первые места. Такого рода долголетие — уже феномен. И будь я литературно-художественным критиком, честное слово, занялся бы им. Это же просто любопытно узнать! Или сравнил бы юмор, иронию Макаревича со знаменитой усмешкой Высоцкого.

Да только ли это? Почему песня «Поворот» была исключительно популярна во времена, когда никаким поворотом в нашей жизни и не пахло, а вот «Флюгер» вошла в моду сегодня? Почему?

Стоп. Кассета, которую я слушаю, подходит к концу. Сейчас я вернусь к шумному застолью. А все ли успел разъять, размотать?..

* * *

...И все же чуть-чуть назад. Да понятно же все с «Поворотом»! Пусть поворотом еще и не пахло, но о нем все (ну, пусть не все) думали, мечтали. Не будь этого — он бы и не случился.

...Когда решалось — кто в разведку
боем
И кто рискнет подставить пуле
грудь,
Рискнули два — и выпало обоим
Идти вперед, прокладывая путь.
И первый пер, как танк, не зная
брода,
Туда, где мрак и не видать ни зги,
Чуть не дошел — и камнем канул
в воду
И на воде оставил лишь круги.
А тот, второй, что шел за первым
следом,
Не утонул, и шеи не сломал,
И путь прошел, и возвестил об
этом,
И первым стал — и встал на
пьедестал...

Почему меня волнует эта песня? Да потому, что посещают такие мысли, а Макаревич их «подслушал». А если двое думают об одном и том же, значит, думающих об этом не счесть. Дело ведь не просто в «первом» и «втором», а в том, что всякое, без исключения, великое человеческое достижение — это достижение человечества. Или народа. И в нем много, много жизней. Но это множество не уложишь в великие мифы, без которых мы тоже не можем жить. Да здравствуют мифы! Но и да здравствует понимание: не бывать героям, если мы не будем выполнять свой человеческий долг. Без мыслей о пьедестале и жизни в веках.

Андрею Макаревичу часто удается рифмовать свои песни с духовными поисками современников. Потому и живуча «Машина времени», что главное в ней — Время.

Время — и в каждой, пожалуй, из авторских (без «Машины») песен А. Макаревича, которые сейчас в моих наушниках. Вот одна из времени ушедшего, но недавнего. О приятеле-художнике, непризнанном, неузнанном людьми, затюканном и прозаически ушедшем из жизни:

...И осталось всего ничего — разве
только холсты,
И на них неземные закаты —
и лошади скачут...
Только в них, как ни странно, живет
ожиданье весны,
И весна безусловно наступит,
а как же иначе...

Помните: «Пока не гаснет свет, пока горит свеча». И спустя многие годы: «И весна безусловно наступит, а как же иначе».

Здесь не только ощущение своего времени, здесь вера, выстраданная и осмысленная, в наше время. Так не потому ли все эти годы—16 лет!— на стороне «Машины» молодежь?..

* * *

А ее создателю и лидеру — 33. Он и в самом деле между нами — теми, кто идет к двадцати, и теми, кто к пятидесяти.

А недавно я узнал, что в одной московской редакции — встреча с Макаревичем, и пошел на нее, и опоздал, и поэтому оказался за спиной героя события. Чтобы увидеть его лицо, пришлось задать вопрос.

У него оказался умный и вбирающий в себя, редкостно внимательный к собеседнику, в данном случае ко мне, взгляд. Мне это понравилось. Этого не увидишь в телевизоре.

* * *

А пока докручивалась кассетная пленка, послушать которую мне предложила уже, можно сказать, взрослая дочь, вспомнилось и про нее совсем недавнее. Телефонный звонок:

— Так про какую симфонию Чайковского ты мне все время говорил?

— Про Шестую.

— Правильно. Ее я и купила.

Не правда ли, конец совсем как в святочном рассказе. И единственное оправдание автора: все — истина. К тому же редактор, если захочет, это запросто выбросит. Никто и не заметит.

Итак, последний сантиметр пленки:

...Только в самых далеких пределах
Одного я прошу, как и прежде:
Чтобы жить и дышать, и любить
и мечтать,
Пусть меня не оставит надежда!

Фото Сергея ШАХИДЖАНЯНА и Сергея ЖАБИНА

Патрик АНДЕРСОН

РОМАН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЛЮБОВНИЦА президента

Адвокат Бен Нортон параллельно с полицией ведет расследование убийства Донны Хендрикс, женщины, которую не может забыть. Чем дальше продвигается он в своем расследовании, тем больше странного и настораживающего замечает в этом деле. Неизвестный сообщил Нортону об убийстве Донны, очевидно, для того, чтобы втянуть его в поле зрения полиции. Нортон знает о связи Хендрикс с президентом Уитмором, а помощник президента Эд Мерфи отрицает очевидные факты. Все, кто говорил что-либо о Донне, Уитморе и его помощнике, вскоре взяли свои слова обратно. Нортон подозревает, что здесь не обошлось без вмешательства Эда Мерфи. К тому же погибает старик сенатор Нолан, рассказавший о приезде президента к Хендрикс в Калифорнию, а вслед за ним и актер Филдс, которого явно принуждали взять на себя ответственность за беременность Донны. Нортон чувствует, что вокруг него тоже сжимается смертельное кольцо.

26

Нортон вылез из такси и зашлепал по лужам на широкой бетонной площадке перед зданием федерального суда. Почувствовав, что ноги промокли, что дождь хлещет на голову и плечи, он пожалел, что не надел плащ, но в Вашингтоне он никогда не обращал внимания на погоду. Не то что раньше в Северной Каролине. Там дождь означал, что пикники и поездки за сеном отменяются, бейсбольные матчи откладываются, в футбол придется играть на грязном поле; и вечерами он смотрел в небо, чтобы узнать, какую угрозу готовят стихии его молодой жизни. Но Вашингтон — другое дело. Нортон считал его городом без погоды. Вместо нее в Вашингтоне были настроения, а политические комментаторы были его подлинными синоптиками. Сегодня настроение Вашингтона спокойное. Сегодня настроение Вашингтона напряженное. Сегодня настроение Вашингтона пессимистическое. Над городом, где теперь жил Нортон, вместо грозовых туч и волн жары плыли настроения. Климат здесь был политическим, и барометр все время падал.

Забежав в здание суда, Нортон спросил у охранника, где кабинет Фрэнка Кифнера. Ответить на этот вопрос было не так уж легко. Кифнер менял кабинеты, как змея кожу, и каждый новый оказывался больше, внушительнее предыдущего. Начинал Кифнер чиновником в Верховном суде, потом становился юридическим советником сенатора, следователем при разборе уотергейтского дела, помощником прокурора и вот стал прокурором округа Колумбия. Но предела отнюдь не достиг. Амбиции у Кифнера были под стать способностям. Впереди его ждала частная юридическая практика, а потом, возможно, политическое поприще. Занятное продвижение — в этом году создать себе имя, сажая людей в тюрьму, в будущем сделать себе состояние, спасая людей от тюрьмы, потом стать судьей, где можно делать и то, и другое, или заняться политикой, где можно устанавливать правила игры.

Нортон отыскал нужную дверь, представился расторопной секретарше-негритянке, и через несколько секунд она впустила его в большой, почти без роскоши кабинет Кифнера. Кифнер приветствовал Нортона холодным взглядом и вялым рукопожатием. Это был невысокий человек с редеющими волосами, в очках без оправы, производивший впечатление абсолютно точного механизма.

— Бен, я рад, что ты зашел,— сказал он.— Мы пытались связаться с тобой.

— Я ездил на пару дней в Калифорнию.

— Знаю. Нас известила полиция Палм-Спрингса.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— Сперва давай разберемся с твоим делом. Ты представляешь мисс Карр?

— Совершенно верно. И я в таком же недоумении, как Пенни. Является ли она подследственной? Если да, в чем ее обвиняют? Мне нужны протоколы твоих бесед с ней. И я хотел бы знать, почему ты не уведомил Пенни о ее правах. Вы поступили с ней безответственно, Фрэнк.

Кифнер был невозмутим. Он нетерпеливо постукивал пальцами по столу и неотрывно глядел на Нортона, казалось, даже не мигая.

— Мисс Карр была уведомлена о своих правах,— сказал он.— Насколько это касается ее, следствие закончено. Если тебе нужны протоколы, обратись к моей секретарше.

«Гад,— подумал Нортон,— ты щелкаешь, будто компьютер, делая перфокарты из человеческих жизней».

— Следствие закончено? — сказал он.— Потому что Джефф Филдс взорвался?

— Закончено.

— Насколько это касается меня, нет,— сказал Нортон.— Вы давили на мою клиентку, не имея для того никаких оснований, кроме своих политических игр.

Кифнер глядел на Нортона с отчужденностью, очень близкой к презрению. Выражение его лица почему-то напомнило Нортону Уитни Стоуна.

— Твоя клиентка призналась, что принимала наркотики...

— Фрэнк, брось! Таких миллионы...

— Она призналась, что посещала вечеринки, где было много кокаина. Наше расследование затрагивает нескольких крупнейших торговцев наркотиками с западного побережья.

— Значит, вы подбирались к Джеффу Филдсу, заработавшему на последнем фильме восемь миллионов? Это он-то торговал наркотиками?

— Он был звеном в цепи улик.

Нортон закусил губу и подумал, верит ли Кифнер в то, что говорит.

— Знаешь ли ты, что происходит, Фрэнк? — спросил он.

Кифнер нетерпеливо глянул на часы, словно отставал от своего распорядка на пять минут вместо того, чтобы опережать его на пять лет.

— Почему бы тебе не просветить меня? — сказал он.

— Начнем с того, что Донна Хендрикс, когда погибла, была на четвертом месяце беременности. Полагаю, тебе это известно. А старый сенатор Нолан рассказал мне, что Уитмор приезжал к ней в Кармел в январе, за три месяца до ее гибели. Я думаю, она забеременела от него и приехала в Вашингтон поговорить с ним. И думаю, что он или Эд Мерфи знают, кто ее убил. От Эда я добился только отговорок. Джефф Филдс несколько недель назад приезжал ко мне и сказал, будто Донна забеременела от н е г о. Это было бессмыслицей, потом я поговорил с Пенни, узнал о следствии по поводу наркотиков и понял, что затеяно оно для давления на Филдса, чтобы заставить его сказать мне, будто это он наградил Донну ребенком. Филдс признался мне накануне своей гибели. Поэтому я предлагаю тебе, Фрэнк, поменьше интересоваться стюардессами, нюхающими кокаин, а побольше тем, убиты ли Филдс и сенатор Нолан потому, что слишком много знали об убийстве Донны.

— По всем трем убийствам ведется расследование,— спокойно сказал Кифнер.

— Да? А кто руководит расследованием? Ты или Эд Мерфи?

Глаза Кифнера сузились, но выражение лица не изменилось.

— Такие замечания не помогут тебе, Бен.

— М н е? Фрэнк, ты хоть слушал, что я говорил? Неужели ты не видишь, что творится?

— Наше расследование движется вперед,— сказал Кифнер.— Сообщать тебе все подробности я не обязан.— И снова взглянул на часы.

Нортон стал выходить из себя.

— Фрэнк, ты знаешь, кто такой Байрон Риддл?

— Да, знаю.

— Ты допрашивал его?

— На этот вопрос я не отвечу.

— Так вот, допроси, потому что этот тип вечно появляется всюду. Он подвел Пенни под это расследование с наркотиками — не отрицай. Однажды вечером я видел, что он следил за мной. Некто, очень похожий на него, приезжал к сенатору Нолану незадолго до его гибели. И я готов прозакладывать все, до последнего доллара, что он был в Палм-Спрингсе, когда Джефф Филдс погиб.

— Доказательства у тебя есть?

— Нет, черт возьми. Добыть доказательства — дело твое. В этом деле много оборванных нитей, и твоя обязанность — связать их.

— У тебя еще есть советы, Бен?

— Да, есть. Возглавь это расследование сам, если не хочешь неприятностей. Может, Белый дом водил тебя за нос, но теперь ты предупрежден. Допроси Эда Мерфи, Риддла, может быть, Макнейра и Гальяно. Официально, под присягой. Может, кто-то и расколется. Может, все они ни при чем. Может, президент находится в неведении — это я вполне допускаю — и ты должен обо всем ему сообщить. Сейчас твой ход, Фрэнк. Все, что я сказал, я повторю под присягой, но мяч сейчас на твоем корте.

Наступила тишина, слышно было только, как Кифнер барабанит пальцами по столу.

— Мне кажется, я знаю, как исполнять свои обязанности, Бен,— сказал он наконец.— Хотя, несомненно, мне было бы значительно легче, будь у меня твоя сила убеждения. Похоже, что люди всегда говорят тебе правду. Сенатор Нолан рассказывает тебе о таинственном свидании, про которое никто больше не знает. Джефф Филдс рассказывает о таинственном нажиме Белого дома. Потом оба гибнут в подходящее время, и ты остаешься единственным, знающим правду. Похоже, Бен, что все, кроме тебя, лжецы.

Нортон поднялся.

— Ладно, Фрэнк, не стану больше отнимать у тебя время. Я думал, что ты намерен честно делать свою работу.

— Сядь, Бен.

— Не хочу. Но позволь на прощание высказать одну мысль. Я знаю о пленке. Филдс рассказал мне о ней накануне гибели.

Кифнер перестал постукивать пальцами и какое-то время сидел неподвижно, как игрок в покер, решающий, блефовать ему или нет.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—23.

— Филдс сказал тебе, где она? — спросил он наконец.

Однако Нортон не мог блефовать дальше. Нельзя взять на блеф человека, во власти которого потребовать улику.

— Нет,— сказал он.— Не знаю, где. Пока не знаю.

— Сядь, Бен.

— Я сказал все, что хотел. Мог бы сообщить несколько подробностей, но, видимо, они тебе не нужны.

— Сядь. Ты, может, и все сказал, но я нет.

Нортон сел снова.

— Хочешь верь, хочешь не верь, Бен, но расследование по делу смерти мисс Хендрикс продвигается. Сержант Кравиц, ведущий его, хочет видеть это дело завершенным не меньше, чем ты. Может быть, даже больше. В ходе следствия Кравиц добился успеха. И поскольку ты так щедро делился своими сведениями, я думаю, что должен поделиться нашими сведениями с тобой.

В голосе Кифнера звучала неприятная нотка, и это насторожило Нортона.

— У нас есть свидетель,— продолжал Кифнер,— утверждающий, что в тот вечер, когда мисс Хендрикс была убита, он видел человека, выходящего примерно в полночь из того дома на Вольта-плейс.

— Кто же твой свидетель?

— Называть свидетеля я не стану,— сказал Кифнер,— но скажу, кого он видел выходящим из дома в ту ночь.

— Хорошо, кого?

— Тебя, Бен.

Гейб лежал, вытянувшись во весь рост на диване Нортона, на животе у него стоял стакан с виски. Говоря, он то проводил рукой по усеянным перхотью волосам, то сковыривал струпья с рук.

— Мы близки к цели,— пылко сказал он.— У меня начинается сыпь.

— Близки? — угрюмо переспросил Нортон.— Гейб, на днях я был близок к тому, чтобы оказаться разорванным на куски. Только по счастливой случайности я не сел в ту машину. И не уверен, что мне безопасно выходить на улицу.

— В Вашингтоне тебя никто не убьет,— сказал Гейб, так скребя своими короткими пальцами, что частички омертвелой кожи сыпались на пол.— Такие трюки выполняются только в поле. Какой-то парень, делающий карьеру, хочет произвести впечатление на свое ведомство. Только представь, если бы ты взлетел на воздух, один напористый тип мог бы выбиться в люди. Но здесь, в Вашингтоне, эти ребята более изощрены. Они не подкладывают бомб, они подкладывают идеи — это прекрасный способ взять человека в оборот.

— Здесь ты прав,— сказал Нортон.— Мой старый приятель Фрэнк Кифнер недавно подбросил мне несколько таких идей, что я чуть не полез на стену.

— Например?

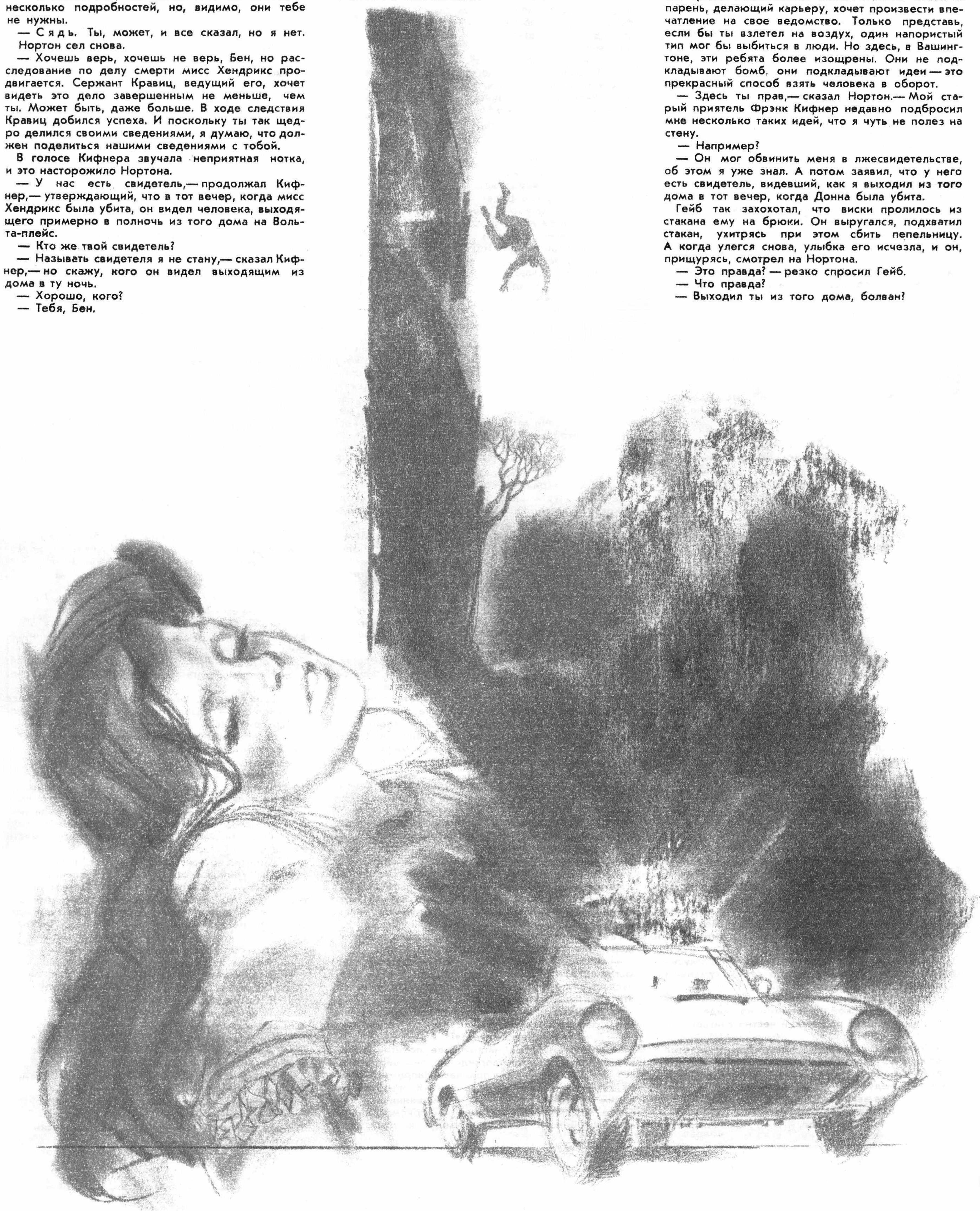
— Он мог обвинить меня в лжесвидетельстве, об этом я уже знал. А потом заявил, что у него есть свидетель, видевший, как я выходил из того дома в тот вечер, когда Донна была убита.

Гейб так захохотал, что виски пролилось из стакана ему на брюки. Он выругался, подхватил стакан, ухитрясь при этом сбить пепельницу. А когда улегся снова, улыбка его исчезла, и он, прищурясь, смотрел на Нортона.

— Это правда? — резко спросил Гейб.

— Что правда?

— Выходил ты из того дома, болван?

Нортон даже зарычал.
— Нет, я не выходил из того дома в тот вечер. Я не убивал ее, если ты на это намекаешь.
Репортер пожал плечами и потрогал мокрую штанину.
— Случались и более странные вещи,— пробормотал он.
— Главное,— продолжал Нортон,— Кифнер отказался сказать мне, кто этот свидетель. Может, никакого свидетеля нет и он просто блефует.
— Нет, не блефует,— сказал Гейб. Он зажег сигарету и бросил спичку в ту сторону, где валялась пепельница.
— Откуда ты знаешь?
— Потому что знаю, кто его свидетель.
— Кто же, черт возьми?
— Джой Смоллвуд.
— Этот ненормальный парень из винной лавки?
— Да. Он постоянно подглядывает в окна, постоянно бродит вечерами по Джорджтауну, и его заставили утверждать, что он был напротив того дома и видел, как ты выходил.
— Тоже мне свидетель,— злобно сказал Нортон.— Казалось бы, в прокуратуре могли работать почище.
— А им ничего больше и не нужно,— сказал Гейб.— Конечно, Джой ненормален, и на основании его показаний тебя не обвинят, но уничтожат скандалом. Или, может, выдвинут обвинение в лжесвидетельстве и даже добьются своего. Тебя исключат из коллегии адвокатов, год или два просидишь в тюрьме, а потом уже никто не станет слушать, что ты говоришь об убийстве Донны Хендрикс. Эти ребята начинают давить на тебя, приятель.
Нортон встал и подлил себе виски. Гейб снова растянулся на диване, пуская колечки дыма к потолку и почесывая руки. На левом запястье у него выступила кровь, и время от времени он ее слизывал.
— У меня сложилась теория об этом деле,— сказал, помолчав, Гейб.— Собрал я еще не все детали, но теория складывается.
— Я слушаю.
— Прежде всего нужно предположить, что Донну убил Уитмор, или Мерфи, или кто-то из их тесного круга. Иначе вся эта маскировка не имеет ни малейшего смысла. Поэтому им нужен козел отпущения, и, похоже, на эту роль избрали тебя.
— Почему меня?
— А почему бы нет? В этом есть логика — брошенный любовник и все такое. Потому-то тебе и сообщили по телефону, что Донна убита. Заставить тебя сделать именно то, что ты сделал,— помчаться на место преступления и привлечь к себе внимание полиции.
— Как по-твоему, кто звонил мне?
— Я думаю, Риддл. Он влез в это дело по уши. Но — и тут все осложняется — появляется Джой. Помешанный парень, который обслуживал Донну в винной лавке и, возможно, шел за ней до самого дома. Джой не юрист и даже не особенно смышлен, он оказался лучшим козлом отпущения, чем ты, и видимо, стратегию они изменили по ходу дела. Сфабриковали обвинение против Джоя.
— Тогда почему они заставили его утверждать, что это сделал я?
— Во-первых, его добродетельная мамаша клянется, что в тот вечер он был дома, во-вторых, ты такая помеха, что тебе решили заткнуть рот.
— Хорошо, Гейб, но если меня собираются обвинить в убийстве, то почему недавно пытались разнести на куски? Или твоя теория так далеко не заходит?
— Здесь что-то неясное,— согласился Гейб.— Возможно, кто-то решил, что мертвого обвинить будет легче. Так сказать, in absentia [1].
Репортер отпил глоток виски и принялся откусывать заусеницу.
— Или же,— сказал он наконец,— одна группа хочет обвинить тебя, а другая убить. Имея дело с правительством, нельзя упускать из виду фактор несогласованности.
С минуту они сидели в молчании, Гейб откусывал заусеницу, Нортон думал о своем туманном будущем.
— Мне тут пришло в голову,— нарушил он молчание,— может, Джой действительно видел кого-то, выходящего из дома, и честно считает, что это был я.
— Пошевели мозгами,— презрительно ответил репортер.— Этот парень видел только выход для себя. Или он выведет тебя на место преступления, или выведут его. Даже недоумок это поймет, если нажать на него посильнее.
Нортону было очень интересно, как Гейб узнал, кто этот свидетель, но знал, что об источниках его сведений спрашивать не стоит. Ему казалось, что от Кравица. Неделю назад Гейб опубликовал на первой странице большой материал о Кравице, где представил его образцовым, изобретательным следователем по делам об убийстве, а Нортон знал, что Гейб, как большинство политических репортеров, редко льстил кому-то в общественной жизни без какого-то quid pro quo [2].
— Знаешь, очень любопытно, с какой стати Кифнер сказал мне об этом свидетеле. По правилам до суда обвиняемому ничего не говорят о свидетелях против него. И похоже, Фрэнк оказал мне услугу.
— Я не верю этому гаду,— сказал Гейб.
— Я тоже, но доверяю его сознанию собственных интересов. Надеюсь, я рассказал ему о Донне и Уитморе достаточно, чтобы встряхнуть его. Он должен подумать о том, что будет с ним, если история кончится не так, как он задумал.
— Это другое дело,— сказал репортер.— Сейчас она может окончиться быстро. Со дня на день. Потому что после гибели Филдса некоторые репортеры стали догадываться, что к чему. Я думаю, этак через неделю кто-то может написать статью, где будет вопрос, не связаны ли между собой смерти Донны, Филдса и сенатора Нолана. А тебя могут представить как звено, связанное со всеми троими. Могут даже написать, что Джой якобы видел тебя у того дома. Если никто не сделает этого, напишу я. Постараюсь помешкать как можно дольше, но не уклонюсь.
Нортон устало вздохнул.
— Черт возьми, Гейб, я не понимаю, как работают журналисты. Мне казалось, что после убийства Филдса каждый репортер в стране свяжет его с убийством Донны и дело начнет распутываться. Вместо этого я читаю сегодня в утренней газете идиотскую статью о том, будто Филдс убит мафией. «Источники, близкие к делу... невыплаченный карточный долг... расправа в бандитском духе... та-та-та». Я не могу в это поверить.
— Что ж тут такого? — сказал Гейб.— Ведь мафия — это козел отпущения для ФБР и ЦРУ, когда им приходится туго.
— Что-что?
— Послушай, наивный мальчик, мафия — это всего лишь плод воображения Дж. Эдгара Гувера. Он и его рекламисты взяли пару сотен толстопузых, опустившихся итальянских громил, сводников и бутлегеров и раздули их в международный преступный синдикат, вторую после международного безбожного коммунизма угрозу Дому, Флагу и Материнству. Рекламистов в ФБР больше, чем агентов, и половину своего времени они проводят, изображая в книгах, фильмах и телепередачах, какую угрозу представляет собой мафия, с целью вырвать у конгресса побольше денег, чтобы руководители ФБР могли разъезжать в «линкольнах» и летать частными самолетами.
— Гейб,— запротестовал Нортон,— ты хочешь сказать, что мафии не существует?
— Я говорю, что мафия как институт представляет примерно такую же угрозу общественной безопасности, как бойскауты, и гораздо меньшую, чем те, кто производит сигареты или громадные, ненадежные детройтские автомобили, или чем Американская медицинская ассоциация. Черт возьми, эти проклятые врачи ежегодно убивают в сто раз больше людей, чем мафия, продают в двести раз больше наркотиков и дерут за них дороже. Мерзавцы!
Нортон с любопытством посмотрел на Гейба. Теперь в его голосе звучал уже не обычный цинизм.
— Ты недолюбливаешь врачей, Гейб?
Такого холодного взгляда, каким ответил репортер, Нортон еще не видел.
— Один врач угробил мою мать и содрал за это с моего старика тридцать тысяч долларов. А потом мой старик угробил себя, пытаясь расплатиться с этим гадом. Да, можно сказать, что я не люблю врачей. А также и других столпов нашего общества. Но это не твоя печаль.
Гейб допил виски, Нортон последовал его примеру.
— Хорошо, Гейб,— сказал он.— Министерство юстиции, или прокуратура, или кто-то еще распускает слух, будто Филдс убит мафией. Ну и что это доказывает?
— Во-первых, лишний раз подтверждает истинность закона Пинкуса.
— В чем же он заключается?
— Цитирую: «Чем настойчивее политик опровергает то или иное утверждение, тем вероятнее, что это утверждение — правда». Например: «Мы не хотим эскалации войны», или «Я никогда не подам в отставку», или «Я не мошенник» и так далее. В данном случае, если ты присмотришься к линии Белого дома, они ведут к тому, что Уитмор никогда не слыхивал о Джеффе Филдсе или, может быть, именно может быть, раздругой пожал ему руку во время избирательной кампании. А дальше идет грязная и очевидная ложь, они заставили прокуратуру выдвинуть версию о том, будто убийство совершено мафией, в надежде, что помешавшиеся на преступности средства массовой информации поверят в нее, и большинство идиотов поверило. Но главное, мой друг, они до смерти боятся, что кто-то обнаружит связь между Филдсом, Уитмором и Донной.
— Но кто «они»? — спросил Нортон, и в голосе его прозвучало что-то похожее на страдание.— Уитмор? Мерфи? Кифнер? Риддл? Кто, черт возьми, руководит этим представлением?
Гейб пожал плечами и сплюнул на пол отгрызенный кусочек ногтя.
— Именно это, если ты еще не заметил сам, мы и пытаемся выяснить. Пока что мы не знаем. Но, как я уже говорил, лучше всего предполагать самое худшее. Я не хочу, чтобы впоследствии ты был разочарован.
Нортон наклонился и посмотрел на свои туфли. Их следовало бы почистить. Потом он кое-что вспомнил.
— Гейб, послушай. В тот последний день, когда Филдс хотел поговорить со мной, но боялся, он упоминал о какой-то пленке.
— О чем?
— Он сказал что-то вроде: «Это не моя забота... Если бы не эта проклятая пленка». Объяснить, в чем дело, не захотел, но был очень взволнован.
— Черт возьми! — воскликнул Гейб.— Значит, это правда.
— Что правда?
— Один из моих информаторов слышал об этой пленке, но не знал, при чем тут она.
— Что «при чем»?
— Видишь ли, когда полиция обыскивала тот дом на Вольта-плейс, там оказалась хитрая звукозаписывающая установка, включающаяся от звука голоса. Все, что говорилось в доме, записывалось. Или могло записываться.
— Для чего?
— Кто знает? Может, Филдс таким образом составлял диалоги для своих фильмов. Может, он был просто извращенным и хотел знать, что говорят его друзья в постели. Может, хотел записать политиков с девочками и потом шантажировать их. Может, все вместе. Я не знаю. Филдс утверждал, что никогда не пользовался этой системой, никогда не заправлял пленки, но он мог лгать. Судя по твоим словам, лгал. Значит, возможно, вся сцена убийства записана на пленку, и находится эта пленка неизвестно где.
Гейб умолк и слизнул кровь с запястья. Нортон с изумлением смотрел на него.
— Гейб, если там была пленка и убийца обнаружил ее, то первым делом он бы ее уничтожил. Это ясно как день.
— Тогда почему Филдс беспокоился о ней?
— Не знаю,— признался Нортон.— В этом нет смысла.
— Если пленку обнаружил не убийца, смысл в этом есть,— сказал Гейб.— Если ее нашел кто-то другой и если тут каким-то образом замешан Уитмор, пленка будет стоить солидную сумму. Тут есть большой смысл.
— Что ты имеешь в виду?
— Деньги. Если в этом городе происходит что-то странное и ты не можешь понять причины, не ищи ее в любви, мести, славе или ревности. Ищи в деньгах, потому что люди стараются ради них. А эта пленка будет стоить больших денег, друг мой. Она занимает на этом рынке второе место после досье Гувера.
— Постой, постой, Гейб. Как мог кто-то другой — не убийца — обнаружить эту пленку?
— Послушай, с момента смерти Донны до того, как ее обнаружил разносчик газет, прошло восемь или десять часов. За это время туда могли пробраться многие. Кто — не знаю. Но главное, нам ясно, что искать. Пленку.
Нортон согнулся и подпер голову руками.
— Что же делать дальше? — спросил он.
— Я позвоню адвокату Филдса и в полицию Палм-Спрингса, может, удастся что-то узнать у них. А ты еще раз поговори с Макнейром. Попробуй узнать, где находится Риддл. Этот сукин сын скрылся.
— Он появится,— сказал Нортон.— Готов биться о любой заклад, что это он подложил бомбу в машину Филдса.
— Может быть,— сказал Пинкус.— Я кое-что разузнал о Риддле. Хочешь послушать?
— Конечно. Может, для начала выпьем?
— Не имею ничего против,— ответил Гейб и, пока Нортон разливал по стаканам виски, закурил сигарету.
— Главное,— начал он,— что человек, которого

[1] В отсутствие (лат.).

[2] Здесь: услуга за услугу (лат.).

И. И. МАШКОВ. 1881—1944.
НАТЮРМОРТ С САМОВАРОМ. 1919.

ОТКРЫТИЯ

Начало на вкладке 1

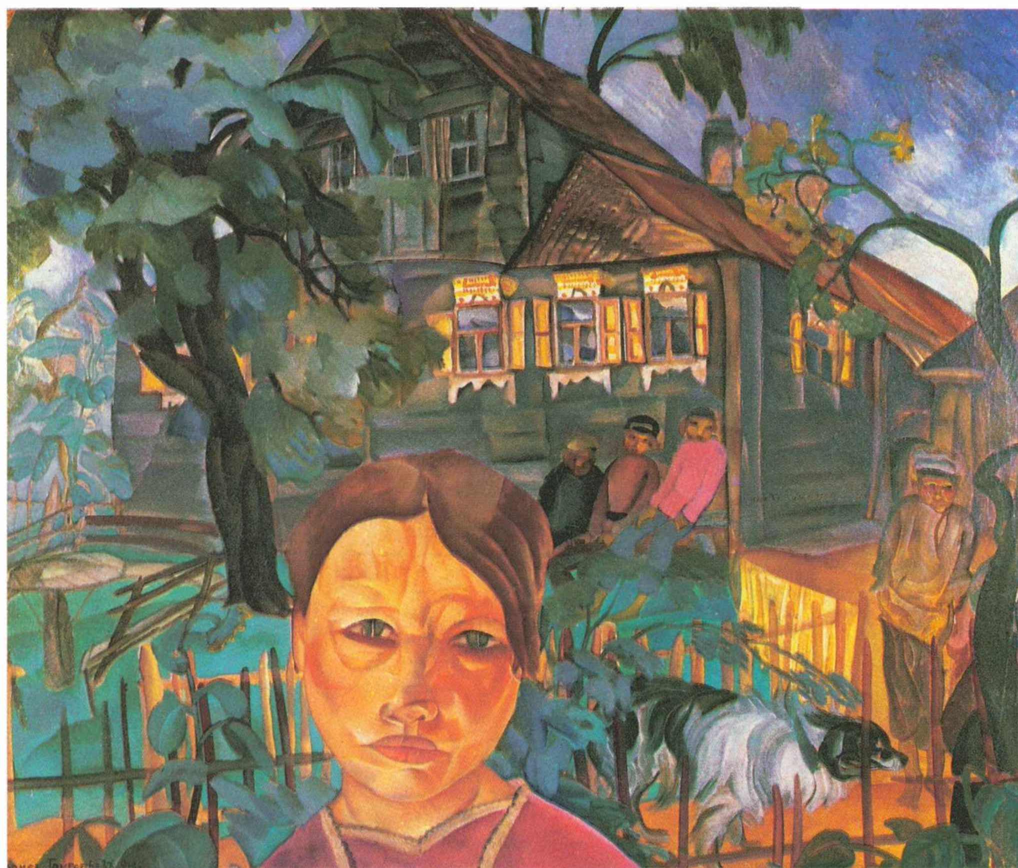
на выставках «Мира искусства» 1917 и 1918 годов. Затем он был издан отдельным альбомом сначала в Петрограде (1918), а затем в Берлине.

Работа Григорьева привлекла внимание многочисленных критиков, мнения которых сразу разделились. Одни увидели лишь «звериный лик», «подполье русского народа», другие восхищались идилличностью полотен. Цикл создавался в Олонецкой губернии, сохранившей и в эти трудные годы патриархальный уклад жизни. На чем бы ни останавливался глаз художника, все преображается, приобретает особую значимость. Замысел этот можно сравнить с эскизами П. Корина для «Руси уходящей». Оба художника, но Григорьев намного раньше, поняли: уходит, причем безвозвратно, древний российский уклад. Сменяются поколения, приходит совершенно новая жизнь, и если не запечатлеть «уходящих», то потом трудно будет осмыслить связь «отцов и детей».

Задуманное Кориным полотно так и осталось незаселенным. Сохранились лишь многочисленные эскизы. Григорьев же завершил огромную работу. Принципы кубизма, царившего в предреволюционные годы в Париже, творчески переосмыслены художником. Хотя они явственно ощутимы в его творчестве, на первом месте все же остается линия. Сам художник утверждал: «Линия, включая в свои грани плотность формы и пропуская в ней все несущественное — упрощая форму, имеет в себе еще ту особенность, которая приводит произведение к пределу законченности». Именно своей завершенностью, глубиной проникновения в мир крестьян русского Севера волнуют нас полотна Григорьева.

И в этом случае стоило бы показать портрет В. Э. Мейерхольда работы Б. Григорьева, который также хранится в фондах Русского музея. Хорошо было бы проследить, как развивалась творческая манера художника. Портрет Мейерхольда завершен в 1916 году, накануне революции. Если в нем критика увидела характерные для русского искусства начала века надломы и гримасы, то этих черт лишены полотна цикла «Расея». Но в портрете отражена атмосфера тревоги, надвигающейся грозы. Пламенеющая фигура стрелка, натягивающего лук, сливающаяся с огненной правой кулисой,— не предчувствие ли это пожаров революции?

Судьба Бориса Григорьева необычна. Обосновавшись с 1921 года в Париже, он в 1928-м уезжает по приглашению Академии изящных искусств в Чили, где занимается преподавательской работой. Ездит в Бразилию, Уругвай, Аргентину. Возвращается в Париж, а затем, в 1936 году, вновь отправляется в Южную Америку и привозит оттуда много новых работ, около трехсот гуашей, кото-

Б. Д. ГРИГОРЬЕВ. 1886—1939.
ДЕРЕВНЯ. 1918.

П. Н. ФИЛОНОВ. 1881—1941.
КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ. 1914.

рые были показаны на персональной выставке 1937 года в галерее Шарпантье. Он умер в 1939 году, в возрасте пятидесяти трех лет. Спустя десять лет проводится мемориальная выставка работ художника. Последняя выставка его работ прошла в 1979 году в Париже и Майами. Пора и нам показать его лучшие полотна.

Богато на выставке был представлен русский авангард — полотна Малевича, Шагала, Татлина. Внимание посетителей привлекли натюрморты заслуженного деятеля искусств РСФСР, одного из основателей «Бубнового валета» Ильи Машкова.

В «Автобиографии» художник вспоминал: «В годы 1909—1911 в моей живописи все отмечали буйную, неудержимую колористическую стихию. После же этих лет до Октябрьской революции мои работы были более сдержанными. Мне хотелось изображать видимый мир внешне более законченным». Если «Натюрморт с ананасом» (1908) близок к сезанновской манере, то «Натюрморт с самоваром» тщательно проработан. Каждая деталь любовно выписана, передана фактура стола, как в работах старых живописцев, каждый предмет привлекает внимание художника, здесь нет второстепенного. В самом любовании предметным миром ощутимо увлечение русским народным искусством, которое будет занимать в творчестве Машкова все большее место. Еще юношей, работая у купца в лавке, художник изготовлял вывески. Стихия лубка, балаганных представлений, русские народные промыслы — все это нашло отражение в позднем творчестве Ильи Машкова.

...Когда покидаешь Манеж и видишь огромную очередь желающих попасть на эту неординарную выставку, понимаешь, как важно показать людям все наши богатства.

Нам есть чему поучиться у наших предшественников. Настало время и переоценок, настало время пересмотреть, перетряхнуть запасники. Кто знает, быть может, те полотна художников, которые музейные ценители привычно называли «вторым рядом», выйдут все-таки в первые ряды; займут заслуженные места в наших музеях и Борис Григорьев, и Павел Филонов, и многие другие незаслуженно забытые таланты, которыми по праву может гордиться русский народ.

мы называем Байрон Риддл, дошел до той стадии, что уже никто толком не знает, кто он такой. Может, и о н с а м уже не знает.

Но я думаю, что человека, который теперь называет себя Байрон Риддл, раньше звали Боб Колдуэлл. Человек с этим именем, внешне похожий на Риддла, окончил Йельский университет в пятьдесят четвертом году. Тогда среди молодых йельцев было модно поступать в ЦРУ. Как в корпус мира при Кеннеди. Собственно, как я слышал, этот Колдуэлл поступил в ЦРУ не сразу. Два года он пытался написать великий американский роман, а когда ничего не вышло, сдался и поступил в управление. Дальше сведения отрывочные. Я думаю, он имел какое-то отношение к заливу Свиней. И, может быть, сидел на Кубе в тюрьме. Так или иначе, в середине шестидесятых он появляется в Вашингтоне. Его специальность — связь. Радиоперехват, подслушивание. У него была какая-то фиктивная работа в рекламном агентстве. А в свободное от подслушивания время он снова пишет. Только теперь уже шпионские детективы. Несколько из них я прочел. Не так уж плохо. Много секса. Но сюжет вечно один — смелый агент оказывается преданным трусливыми чиновниками из Вашингтона. Синдром залива Свиней.

Так или иначе, как я слышал, Риддл несколько лет назад пустился во все тяжкие. Почему, не знаю. Может, почувствовал себя неудачником. Может, он просто сумасшедший. Но в ЦРУ ходили слухи, что он готов не только подслушивать телефонные разговоры.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Нортон.

— Что он убил бы говорившего по телефону, если б решил, что это послужит делу свободы. Он состоял в какой-то команде ликвидаторов. Вот пожалуйста. Выпускник Йельского университета, ненавидящий коммунистов и чиновников, живет в мире фантазий и охотно убирает кого-то время от времени.

— Гейб, это фантастика.

— Нет,— ответил репортер,— не фантастика. Беда в том, что ты знаешь в этом городе лишь наружный слой общества. Он непригляден, слов нет, но как-нибудь подними камни и погляди на всех ползающих под ними консультантов, лоббистов, политических бандитов и частных сыщиков. По их меркам Риддл — птица высокого полета. Учился в университете, любит поговорить о Ф. Скотте Фицджеральде — и лишь время от времени убивает людей.

— Хорошо, Гейб, а как мог такой тип попасть в Белый дом?

— Я слышал, что Риддл связан с твоим достойным шефом, Уитом Стоуном. Не спрашивай меня, как, но Риддл начал выполнять поручения Стоуна, а Стоун, если ты этого не знал, имеет связи с сетью Старика, который руководит управлением. Во всяком случае, Уит использует Риддла для подслушивания, доставки денег и тому подобного. И в конце концов Риддл приобретает себе новое прикрытие. Открывает частное сыскное агентство. Становится респектабельным.

— Ладно, а как же с Белым домом?

— Я к этому и веду. Уитмор был выдвинут прошлым летом, так ведь? До этого Стоун и его друзья-нефтепромышленники ставили на другую лошадку, но они быстро влезли на колесницу Уитмора. Стоун поставляет деньги, юристов, предлагающих свои услуги, и так далее. В том числе он поставил и Байрона Риддла. Риддл был взят для содействия в подготовке мероприятий, предотвращении беспорядков, обеспечении безопасности и прочего. Естественно, он старался изо всех сил. Но это еще не означало, что после избрания Уитмора он чего-то добьется, даже если ему будет помогать Уит Стоун. Он мог застрять в министерстве финансов или в подобном же месте, но тут...

— Тут Риддл совершил подвиг в день инаугурации,— сказал Нортон.

— Да. Ты помнишь? Сумасшедший убийца пробрался во двор Белого дома с чемоданом взрывчатки, бесстрашный Байрон Риддл небрежно подходит к нему и обезоруживает. И тем самым добивается работы в Белом доме. Очень, очень четко.

— Все же у этого типа есть мужество,— сказал Нортон.

— Ни черта у него нет,— сказал Гейб.— Все было подстроено.

— Что?

— Совершенно точно. Я навел вчера справки об этом так называемом сумасшедшем убийце. Он провел месяц в больнице святой Елизаветы, пока все не утихло, потом скрылся. Поверь, что Риддл очень нужен Стоуну и ЦРУ в Белом доме. И они протолкнули его туда. Похоже, им это выгодно, во всяком случае, если Риддл раздобывает порочащие сведения о президенте.

— То есть ты считаешь...

— Я думаю, что Риддл либо раскопал что-то об Уитморе и Донне, либо изо всех сил старается раскопать. То есть мы играем в грязной луже, приятель. Риддл, возможно, считает, что сражается с большевизмом, но Уит Стоун и его компания знают, что и м нужно. Деньги. Они бы рады ограбить всю страну. Смотри, как повели себя они при Никсоне. Выложили на его избирательную кампанию пять или десять миллионов, а когда настало время, эти гады удвоили цены на нефть и почти на все остальное, что принесло им бог весть сколько миллиардов. Черт, можешь вообразить себе, что они устроят, окажись у них в руках серьезные улики против президента? Например, подтверждающие его в и н о в н о с т ь в у б и й с т в е? Да они начнут драть с нас по пять долларов за галлон бензина. И это еще не все. ЦРУ тоже потребует свой фунт мяса. Когда Большой Чак поприжал это бюро убийств, многие «привидения» остались без работы. А единственное, что они умеют,— это убирать радикалов. Думаешь, они не станут шантажировать Уитмора, чтобы снова вернуться к своему делу? Да и сам Риддл. Я слышал, он мечтает стать директором ЦРУ.

— Черт возьми! — прошептал Нортон.

— Отлично, не так ли? — сказал Гейб.— В точности как тебя учили на занятиях по гражданскому праву. Демократия в действии.

28

Наутро Фрэнк Кифнер позвонил Нортону и сказал, что вызывает его на будущей неделе для дачи показаний перед большим жюри. Говорил он кратко, по-деловому; сообщать подробности прокурор не обязан. После этого разговора Нортон, сидя у себя в кабинете, размышлял о многом, в частности как быть со своим боссом Уитом Стоуном. Положение стало невыносимым. Нортон уже хотел звонить ему, но Стоун, как всегда, опередил его. Позвонила секретарша и ледяным голосом сказала, что мистер Стоун желает видеть мистера Нортона.

На сей раз, когда Нортон вошел в кабинет босса, не было ни улыбок, ни рукопожатий, ни предложения виски. Уит Стоун свился за своим столом, его полуприкрытые глаза горели в полутемном кабинете, как угли.

— Насколько я понял, у тебя осложнения с большим жюри,— начал он.

— Никаких осложнений. Просто вызов.

— Я назвал бы это осложнением,— сказал Стоун.— Или, может, у тебя осложнения с Вашингтоном, Бен. Может, тебе есть смысл на время уехать. Поразмыслить.

— Может быть,— сказал Нортон.— Но сперва я завершу то, что начал.

— Вопрос в том, Бен, можешь ли ты продолжать свое... э... р а с с л е д о в а н и е, работая в этой фирме.

— Согласен.

В глазах Стоуна промелькнуло удивление.

— Может быть, отпуск...— начал он.

— Нет, не отпуск. Видимо, положение требует полного разрыва. Словом, я увольняюсь.

Стоун откинулся на спинку кресла. Нортон понял, что он рад так легко избавиться от него.

— Что ж, Бен, раз ты так решил. Самому, конечно, виднее. Думаю, что можно составить соглашение об уходе.

— Мне больше не нужно твоих денег, Стоун. Ни цента. Я только хочу напоследок сказать тебе, что ты мерзейший продажный сукин сын из всех, с кем я имел несчастье сталкиваться.

Стоун вскочил.

— Убирайся! — крикнул он.— Прочь, пока я не приказал тебя вышвырнуть!

Так окончилась работа Нортона в фирме «Коггинс, Копленд и Стоун». Пять минут спустя он забрал из стола все бумаги и позвонил Энни из телефонной кабины на М-стрит.

— Знаешь что? — начал он.

— Ты безнадежно влюблен в меня.

— Хуже того. Я безработный. Наши пути с Уитом Стоуном только что разошлись.

— Прекрасно.

— И еще меня желает видеть большое жюри.

— У тебя было очень напряженное утро.

— Пятница всегда тяжелый день,— сказал он.— Но вчерашняя ночь была хорошей. Или я уже говорил тебе это?

— Скажи еще раз.

— Прошлая ночь была прекрасной. Ты превзошла все мои ожидания.

— Ты и сам был неплох. Ответное приглашение на сегодняшний вечер тебя не заинтересует?

— Пожалуй, нет, Энни. Мне нужно кое-что довести до конца. А как насчет ленча завтра? Во второй половине дня у меня дело в Молле.

— Слушай, ведь завтра день запуска воздушных змеев.

— Может быть. Там идет какой-то фольклорный фестиваль. Может, заглянем в музей Хиршхорна.

— Отлично.

— Я потом позвоню.

— Хорошо. Пока.

Она всегда как-то беззвучно произносила это «пока», от которого кружилась голова. Собственно, многое в ней вызывало у Нортона головокружение. Накануне они во второй раз легли вместе, и теперь уже не было никаких проблем. Если под кроватью прятались шпики, Нортон этого не знал и знать не хотел. Он думал, не безумие ли с его стороны влюбляться в разгар этого безумия. Может, и нет. Может, это было одним из немногих разумных событий, происходивших теперь в Вашингтоне.

В шесть вечера Нортон остановил машину перед уютным кирпичным домом на тихой, зеленой улице в одном из мэрилендских пригородов. Взглянул еще раз на адрес, прошел по ухоженному газону и постучал.

Когда Джейн Макнейр открыла дверь и встретила его робкой вопросительной улыбкой, он сразу же понял ее, потому что знал таких женщин всю жизнь. Понял, что сперва она была послушной дочкой, потом любимицей учительницы, старостой класса, застенчивой первокурсницей, целомудренной невестой, верной женой, любящей матерью и образцом для юного поколения. Выглядела она славной, благовоспитанной, наивной и с первого же взгляда вызвала у Нортона симпатию и жалость.

— Миссис Макнейр, я Бен Нортон. Ваш муж дома?

На ее лице отразилось недоумение.

— Вы не звонили ему на службу?

— Там ответили, что он ушел,— сказал Нортон.— Да и все равно, у меня личное дело, обсуждать его в кабинете мне не хотелось бы.

— Простите,— сказала она,— как вас зовут?

— Бен Нортон.

— Да, Клэй, кажется, упоминал о вас.

— Мы с ним несколько раз беседовали. Я юрист.

— Вы друг той женщины, что была убита, так ведь?

— Да.

— И хотите поговорить с ним об этом деле?

Нортон сделал вид, что колеблется.

— Не совсем,— сказал он.— Видите ли, миссис Макнейр, я боюсь, что у вашего мужа могут возникнуть кое-какие неприятности. Но я не хочу докучать вам этими разговорами.

Он шагнул назад, словно собираясь уходить, и она распахнула дверь.

— Входите, пожалуйста, мистер Нортон. Я думаю, нам стоит поговорить. Клэй должен приехать с минуты на минуту. Сегодня он обещал быть дома пораньше.— Она улыбнулась.— У нас годовщина свадьбы, и мы собирались пойти в ресторан.

Нортон пошел за ней в гостиную, казавшуюся совершенно нежилой. Хозяйка указала ему на диван, а сама села напротив в кресло с прямой спинкой, лицо ее было серьезным, спина выпрямленной, колени сдвинуты, лодыжки скрещены — образец молодой матроны.

— Итак, мистер Нортон...— начала она.

— Бен.

— Бен. Пожалуйста, зовите меня Джейн. И, прошу вас, расскажите, какие, по вашему мнению, неприятности грозят моему мужу.

— Я не совсем уверен, что это тактично...

— Что тактично беспокоить беспомощную жену? Бен, позвольте мне сказать в а м кое-что. По-моему, у мужа начались неприятности, едва он ступил ногой в этот город. Мне кажется, Вашингтон губит его. Я имею в виду не язву. Сейчас ее лечат. Но пока невозможно лечить ум, сердце и душу от давления, цинизма и своекорыстия. Я знаю своего мужа. Он не великий и даже не блестящий человек, но он хороший человек. Или старается быть хорошим. Он много трудится, чтобы обеспечить семью. Беда в том, что успех он измеряет деньгами. Но я вижу, что работа... этот город... п о л и т и к а превращают его в машину. Очень четкую, производительную машину, я в этом уверена, но эта работа отнимает все его время и энергию, оставляет лишь оболочку человека, за которого я выходила замуж. Так что, Бен, не бойтесь сказать мне все что угодно. Ничто, сказанное вами, не расстроит меня больше, чем я уже расстроена.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

МОЛОДЕЖЬ: ДЕЛА. ПРОБЛЕМЫ.

КУДА ПОКАТИТСЯ СКЕЙТБОРД?

Михаил СОКОЛОВ

Скейт — роликовая доска — пришел к нам в начале восьмидесятых. Привлек своей доступностью, долей риска, высокими скоростями. Кажется, что в нем необычного? На эти же годы пришлись и другие спортивные моды: до сих пор в центре внимания большой теннис, горные лыжи, виндсерфинг — аристократичные, утонченные, красивые и потому привлекательные. Что пред «виндглайдером» или кнейселовской ракеткой нехитрый снаряд о четырех колесах? Что в нем загадочного?

В отличие от перечисленных «увлечений для всех» — от мала до велика — скейт оказался чисто молодежным: основная масса его владельцев «до шестнадцати и старше»...

«Доска», более того, стала таким же символом независимости юного человека, как короткая прическа, штаны-бананы, плейер...

Но есть и еще одна — главная — особенность, мимо которой как-то прошли те, кто раньше рассказывал о «ролике». Компании ребят, увлекавшихся роликовой доской, были не только спортивными «командами», но и своеобразными клубами общения, перебазировавшимися из подъездов и подворотен поближе к стадиону. Скейт стал своеобразным пропуском в такой клуб. Когда для москвичей местом сбора оказалась площадка в Лужниках у бассейна, туда потянулись ребята со всего города, привлеченные именно тем, что там никто не гонял любителей неформального общения. И эта тяга вполне объяснима, ведь точек, где можно познакомиться с новыми людьми не своего круга, не из своей школы, двора, института, в большом городе очень мало.

Скейт оказался первым массовым увлечением десятилетия, который давал городским ребятам, предпочитавшим толчею на улице кружку бальных танцев и библиотеке, возможную точку единения. Да и старшие могли быть спокойны: как-никак новое увлечение предполагает столь любимый нашему сердцу здоровый образ жизни... Точка это особенная, потому что существуют сотни видов спорта, признанных в нашей стране, попавших в орбиту Госкомспорта и ДОСААФ, а этот не признан до сих пор и потому неформален, в нем нет ни разрядов, ни мэтров, ни тренеров, ни любителей, ни профессионалов. Ребята, обзаведшиеся скейтом, стоят в начале пути, и потому у них есть гордость первооткрывателей, и они могут чувствовать себя самостоятельными фигурами.

В столице пик увлечения скейтом прошел года два назад. Сейчас бум улегся. Приезжал в Лужники к бассейну в выходные и видел, что прежних толп там уже нет. Но энтузиасты остались.

Разговорились с Николаем Волиным. По профессии он конструктор. Один из тех тридцатилетних, которые появились на «горке» в разгар моды да так и остались с младшими, увлекшись не только катанием, но и организационно-педагогическими делами, пытаясь «пробить» какое-то решение, при котором скейт жил бы, никому не мешая, и тем, чтобы к неформальным его началам добавилось еще и официальное признание.

— Прошлые годы, конечно, были не самыми лучшими,— сказал Николай.— Многих ребят отпугнуло то, что за все это время мы так ничего, по существу, и не добились. Но зато сегодня у нас остался крепкий костяк «ветеранов». Проводим соревнования, выезжаем и в другие города. Словом, сколько ни говорили о том, что это увлечение ушло, оно живо. Замечаем оживление и в других городах... Думаю, если б нам помогли два года назад, сегодня и другим было бы легче...

Видимо, родился по инициативе ребят спорт — да, да, именно спорт, который борется за свое право на существование. На «горку» в Лужниках идут сегодня ребята со скейтами со всей Москвы. И новых людей здесь ждут с нетерпением: у «гостей» можно чему-то и научиться. Скейтборд только рождается.

Жаль только, что явление его на официальный свет божий явно затянулось. И не по вине самих скейтистов. Кто-то может пожалеть энтузиастов: Сережу Раскина, Валеру Новикова, действительно уже состоявшихся спортсменов. Вот, мол, столько ходят по инстанциям и как об стенку лбом бьются. А я им немного завидую: ведь борьба за право на существование постепенно сделала их не только спортсменами, но еще и неплохими организаторами.

Недавно ребятам наконец удалось найти поддержку у руководства спорткомплекса «Олимпийский». Состоялось первое организационное собрание первой в Москве официальной секции скейтборда. Согласован проект трассы, выделено постоянное помещение. В одном из домов на проспекте Мира сделан ремонт подвала, здесь будет зал для зимних тренировок. Все, чего не могли добиться в Лужниках почти четыре года, нашлось в «Олимпийском» за зиму. Дело сдвинулось с мертвой точки. Единомышленники собрались на новом месте. Начался новый этап. И не только в Москве. Своего «права на спорт» добиваются или уже добились ребята в Ленинграде и Риге, Лиепае и Красноярске, Курске и Цесисе, Таллине и Пярну. Недалеко, я верю, то время, когда они объединятся.

МНЕНИЯ

Валерий Новиков, рабочий:

— Ребята вокруг скейта пока держатся. Многих интересует даже не сам скейт, а возможность встретить старых друзей. И все же постоянно подъезжают новички. Что мы им можем предложить? Самодеятельность...

Нам нужна помощь. Но у стадиона свои заботы. Прежде всего платные абонементные группы. Все лучшее отдано им. А что с нас взять? Пока не гонят. Но могут: мы катаемся на территории автостоянки. Обещаний было много: и зал дать, и раздевалки. Одни слова. А ведь возможно совсем иное отношение. Мы ездили на соревнования в Ригу — там и с размещением помогли, и реклама в газете была. Мы об этом только мечтаем. Руководство Лужников нас все успокаивает.

А. В. Димитров, заведующий отделом спортмассовой работы Центрального стадиона имени В. И. Ленина в Лужниках:

— Скейтборд как вид спорта нужно создать. Вон дельтапланеристы лет десять организовывались. Теперь летают. Так и роликовая доска в будущем утвердится. Нужны методические рекомендации, как проводить соревнования, тренировки. Сами мы их издать не можем. На это есть институты физкультуры, Спорткомитет. Нашим ребятам мы помогаем. Грамоты даем, призы, место им определили, где кататься.

Андрей Ерин, разметчик Московского деревообрабатывающего завода, депутат Моссовета:

— Пользуясь своими депутатскими правами, я решил разобраться, что мешает организовать клуб. Взял справочник, позвонил председателю горспорткомитета. Он меня выслушал, отослал к своему заму. Тот удивился: «Этот вопрос решен!» И отправил к следующему товарищу, рангом пониже. Тот сообщил, что Лужникам давно дано разрешение создать на тех же основах, что и группы здоровья, клуб скейтборда. Мол, такая бумага к ним направлена. Пошли к руководству Лужников, а они нам сообщают, что послали запрос в спорткомитет Москвы, разрешение так и не получили. Заколдованный круг! Правда, мне один из ответственных работников «по секрету» сказал, что после каратэ со всякими новинками не хотят связываться. Боятся, не желают рисковать...

Виктор Крысяков, секретарь Ворошиловского РК ВЛКСМ Москвы:

— В прошлом году пригласили на районный спортивный праздник. Получилось. На базе одной из школ в Строгине создана секция. Но в полную силу пока не работает. Есть проблемы, так что, если узнаете, что где-то существует клуб скейта, подскажите, нам нужен такой опыт. А то начинаем на пустом месте.

В. В. Васильев, директор спорткомплекса «Крылатское»:

— Скейтборд мы не культивируем. У нас проходили как-то неофициальные соревнования. Мы это прекратили. Опасно. Травмы. Скейт на нашей территории строго запрещен. Выдворяем с милицией. Как человек я не против, но как руководитель... Брать ответственность на себя не могу. Дадут мне «добро», будут кататься.

Сергей Кузьмин, модельщик АЗЛК:

— Все уперлось в создание методики тренировок. Нам говорят: нет ее, значит, нет и спорта. Мы уже обращались в институт физкультуры, просили проректора А. А. Кислова. Обещал, но так ничего и не сделано. По-моему, это отговорка: нужно сначала создать клуб, а уж потом заниматься бумагами. Волокита отбивает у людей охоту к тому, чтобы что-то делать самим.

А еще мешает предвзятое отношение: сложилось такое мнение, что если человеку по карману «доска» за 50—70 рублей, значит, он фарцовщик. Согласен, были такие. Но у них другие «интересы», большинство таких от нас давно ушло. А отношение осталось. Потому к нашим ребятам у милиции масса претензий: то за прическу, то за то, что не туда заехал... Приходится мне как старшему их выручать.

О. М. Хармаджева, заведующая отделом спортмассовой работы спорткомплекса «Олимпийский»:

— Мы организовали на своей базе скейтклуб. Он уже зарегистрирован в райисполкоме как самодеятельное спортивное объединение. Выделили помещение для раздевалки. Райисполком нашел подвал, который ребята оборудуют для зимних тренировок.

Что мешало раньше обратить на них внимание? Мы просто не представляли, что роликовая доска из игрушки превратится в спортивный снаряд. Словом, сегодня, я уверена, нужно ребятам помочь.

ПЕРЕКЛИЧКА

— Алло, Ленинград? Слушаем вас!

— У телефона Анатолий Мацукевич, техник Ленинградского политехнического института.

— Анатолий, нам рекомендовали вас как председателя секции скейтборда.

— Секцию мы организовали при спортклубе «Политехник». Я ее председатель и тренер-общественник. Помещения у нас нет. Зимой тренируемся в подземном переходе у станции метро «Выборгская». Сейчас пытаемся договориться с дирекцией спортивно-концертного комплекса имени Ленина, чтобы нам предоставили зал для тренировок хотя бы два раза в месяц. Пока успеха не добились. Что касается наших спортивных результатов, то вы можете приехать на наши соревнования на стадион имени Кирова.

На соревнованиях побывала наш внештатный корреспондент Марина Совпель.

— Меня несколько удивило, что скейт, который считали чисто молодежным увлечением, расширяет свою базу. В сентябрьские выходные прошлого года на стадионе имени Кирова в открытом личном первенстве по скейтбордингу на приз спортклуба «Политехник» принимали участие не только ленинградцы, но и ребята из Вильнюса, Цесиса, Риги. Проводились соревнования по нескольким дисциплинам: слалому, слалому-гиганту и скоростному спуску по прямой.

Кто участники? Школьники, студенты и даже преподаватели. И все они задают вопрос: станет ли наконец скейтборд спортом?

— Красноярск? Вызываем горком комсомола.

У телефона второй секретарь горкома ВЛКСМ Валерий Андрияшкин.

— Валерий, вопрос один: как дела в городе с увлечением молодежи скейтом?

— Скейтклуб мы создали недавно. Существует он при горспорткомитете. Провели первые соревнования. Ребята шли с инициативой оборудовать в парке скейтодром. Если успеем, с их помощью построим его до конца года, в крайнем случае к будущей весне. Словом, работа началась.

— Алло, Лиепая? Как дела у вас?

У телефона Александр Герасимчук, тренер секции скейтборда ДСО «Даугава».

— Для нас скейтборд родился три года назад. Я подумал, почему бы не объединить ребят, которые увлекаются роликовой доской. Городской совет «Даугавы» помог создать секцию. Тренируемся три раза в неделю, плата три рубля в месяц. К сожалению... Почему к сожалению? Знаю, как четырнадцатилетним даются эти «трешки». Но по-другому, как мне объяснили, нельзя.

В моей секции 20 ребят. Таких объединений в городе три. При ДСО «Даугава», Дворце пионеров и в парке культуры. Легко ли? Конечно, нет. Пришлось разработать полную методику тренировок, стараясь соединить то, что есть у виндсерфингистов, горнолыжников, с нашей спецификой.

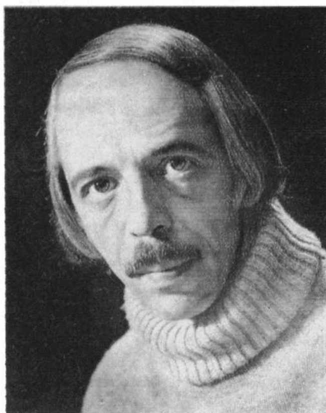
Сейчас уже есть все, чтобы скейтборд был официально признан, пришло время собрать энтузиастов из разных городов, проведя всесоюзные соревнования. Пока же мы можем показать свои таланты только в масштабе республики.

ОТ РЕДАКЦИИ: За последние несколько лет скейтборд легко перешагнул границы Москвы и из модной, чисто столичной штучки стал увлечением молодежи всей страны. Мы связались наугад с разными городами и везде находили группы поклонников роликовой доски...

Видимо, настало время сделать первые шаги навстречу энтузиастам. В качестве одного из них «Огонек» предлагает Госкомспорту СССР сообщить местным спорткомитетам, что организация молодежных клубов, секций, федераций катания на роликовой доске официально разрешена. Только так можно развязать руки инициативе. Нужно дать возможность развивать новое, а потом требовать методики тренировок и правила соревнований.

Редакция также предлагает поддержать предложение московского клуба скейтборда при спорткомплексе «Олимпийский» о проведении осенью 1987 года всесоюзных соревнований по роликовой доске и роликовым конькам, конференции представителей скейтклубов страны. Мы надеемся на заинтересованное отношение к этому предложению МГК и ЦК ВЛКСМ, Госкомспорта СССР.

Петр ВЕГИН

МАСТЕРСКАЯ

●

Мастерская —
на уровне птичьего щебета,
выше гнезд и скворечен — апрельский этаж.
Что там в пламени опыта
плавит из лепета
мастер, в черновиках обломав карандаш?
Это живопись,
пропитавшая Слово,
и музыка —
сло́ва русского целительный самоцвет.
Сила духа и напряжение мускула
порождает в аскете надежду — успеть.
Он умрет в новом веке,
легко, не постанывая,
вспыхнет — и превратится в корунд.
И великих друзей его
бронзовые статуи
его тело в бессмертье внесут!
Он успеет —
его не согнули, не сглазили —
сделать Словом такое, чего не суметь
ни всемирным врачам,
ни всесильному лазеру —
чтоб душа человека могла не ржаветь!
В мастерской пахнет
тушью, тревогой и вечностью.
Иностранные гости.
Мастер полуседой
им диктует свой адрес:
«Моя мастерская — отечество.
Я всегда в мастерской...»
Мастер опытом выбелен,
мастер поиском вычернен.
Этот эксперимент стоит жизни.
Когда ж
он умрет —
его мыслями намагниченный
целый век
над бумагою
будет стоять карандаш...

В СТИЛЕ РЕТРО

Если ретро, так уж ретро
пусть всерьез поразмышляет —
где берет начало Лета
и куда она впадает?

У Харона-гондольера
перебор работы срочной.
И купил он в спортотделе
быстрый лодочный моторчик.

У Харона счет в сберкассе,
но хранится в тайне вклад.
Перевез когда Пикассо —
заработал миллиард.

Лета, Лета, Лета, Лета —
инфернальная вода.
Ретро, ретро, ретро, ретро —
невозвратные года...

Перевозчик, перевозчик,
вновь работы перебор?..
И все громче, громче, громче
тарахтит его мотор.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕМА ДЛЯ ЗАВТРАШНЕЙ ПОЭМЫ

Какая музыка
нравится
сосне строевой —
может быть, ей нравится марш строевой?
А какую музыку
любит василек —
полонез Огинского
иль скоморошный рок?
Караси-окуни,
русалки в неглиже,
под какую музыку светлеет на душе?
Вивальди, Бах, Прокофьев,
курский соловей...
Под музыку —
научно! —
растить грудных детей.
«Вначале было Слово» —
библейский трюк.
Вначале была Музыка,
поскольку Слово —
звук!
Как яма оркестровая,
Галактика была...
От Музыки,
из Музыки
Земля произошла!
Из космического хаоса,
броуновской суеты,
музыкальная по замыслу,
отрицаньем немоты,
ослепительна до зависти,
свет в пространстве затепля,
инопланетянам к радости
родилась Земля!

Гениальными руки были
у той Музыки — наверняка,
раз сумели планету вылепить
наподобье снежка,

раз дала нам зренье и крылья,
речь и хлеб,
и душу дала...
Гениальны те руки были.
Что ж за Музыка та была?

Неужели подобной ноты
никогда никому не взять?
И созвучны у всех народов
слово Музыка
и слово Мать!

●

Юрию Кононенко

Скорей, художник ненасытный,
свои шедевры волоки
в леса,
где августом насыпан
травы и листьев малахит!

Не алгеброй
и не прогрессом,
не пустозвонной лабудой —
картины проверяют лесом,
березами, а не статьей.

Что, критики, ни говорите,
но ваши доводы пусты,
раз в изумрудном колорите
естественно живут холсты! —
как будто их не создавали,
а здесь росли они легко
и любопытство вызывали
у белок и у мотыльков.

Реалистичен иль абстрактен,
холст обретает право жить,
когда березам он понятен
и ничего не заменить.

Такая каторга нелепа!
Но этому художник рад.
Страшнее стряпать на потребу
бесспорно-ходовой стандарт!

А если не случилось чуда
слиянья леса и холста,
взовьется костерок минутный.
Все. И душа его чиста...

●

«Все мы немножко лошади...»
Вл. Маяковский

На земле или на звездах,
не стара и не юна,
в наше тело, как в повозку,
лошадь жизни впряжена.

Эта в яблоках лошадка
то — рысцою, то — в намет.
То споткнется там, где гладко,
то скользит, хотя не лед.

Ей ни пряника не надо,
ни тем более кнута.
Не робеет на парадах,
не чурается труда.

Лошадь жизни...
Медный всадник
и отечества алтарь...
Не подкрадывайся сзади,
царь ты или пономарь.

Мы не вечны. Лошадь вечна.
Ею движет только новь.
И звенит ее уздечка
по названию «любовь».

ШОФЕРСКИЙ БОГ

У одних в дубленках,
у других в бикини
к стеклам приникли шоферские
богини,
шоферские Венеры —
чтоб не сдавали нервы
на самых страшных виражах.
При женщинах всегда скрываешь
страх.

Славно ехать автостопом,
на шоссе голосовать
и с шофером разговором
вместе время коротать.

Но все чаще и заметней
на лихих грузовиках
бог шоферский —
вождь отпетый
в отзвеневших позументах,
в государственных усах.

Кто тебе неверный азимут,
мой товарищ, указал?
Что тебе о нем рассказывали?
Как он цены понижал?..

Спору нет. Но чем щедрее
понижал он бумазею,
тем страшней, страшней, страшней
обесценивал людей.

Потому и возникает,
что твоя машина катит
с полной скоростью назад.
И глаза былого бога
на широкую дорогу
подозрительно глядят.

Я к тебе, дружок, не сяду —
завезешь вдруг по кривой
хорошо, коль в сорок пятый,
ну а вдруг в тридцать седьмой?..

Илья ЭРЕНБУРГ

ЛЮДИ, ГОДЫ, ЖИЗНЬ

После «Оттепели» я не написал ни одного романа, ни одного рассказа. В 1957—1958 годах я отдавал все свое время очеркам о литературе, об искусстве. Сейчас я задумался: почему? Может быть, мне надоело «выдумывать»? Александр Дюма, когда ему стукнуло шестьдесят, перестал писать, он иронически поглядывал на своего сына, который незаметно клал на письменный стол отца чистые листы бумаги, и однажды не выдержал: «Не старайся зря. Больше писать не буду. Хватит!» А я продолжал изводить бумагу. Право же, я мог бы «выдумать» еще один или два романа. Это, пожалуй, легче, чем писать о чужом творчестве. Автор романа или рассказа вправе изменить если не характер, то поведение своих героев. Чехов переделал развязку рассказа «Невеста», а когда я писал о Чехове, я не мог ничего изменить ни в его природе, ни в его творчестве.

Я много работал, написал предисловия к книгам И. Бабеля и Марины Цветаевой, перевел баллады Франсуа Вийона, сонеты дю Белле, старые французские песни, напечатал очерки о некоторых чертах французской культуры (о Стендале, о художниках-импрессионистах, о Пикассо, о Поле Элюаре). В 1957 году я побывал в Японии и Греции, эссе об этих странах вместе с написанными раньше «Индийскими впечатлениями» составили книгу. Потом я занялся чешским художником середины прошлого века Карелом Пуркинье и, наконец, сел за книжку о моем любимом писателе А. П. Чехове.

Мы увидели, что Запад не знает ни нашей литературы, ни нашего искусства. В памяти некоторых людей старшего поколения на Западе остались гастроли театров Мейерхольда, Таирова, Вахтангова, «Броненосец «Потемкин», «Двенадцать» Блока. Люди помоложе ничего не помнили, они восхищались Шостаковичем, чтили Маяковского, которого знали скорее по биографии и по фотографиям, нежели по стихам, и с уверенностью говорили, что русские лишены пластического гения — они хорошо поют, особенно хором, а за границу посылают огромные холсты, похожие на раскрашенные фотографии. Никто не знал стихов Пастернака, и «Доктора Живаго» приняли как произведение никому не ведомого гения. Когда показались молоденькие задорные поэты Евтушенко и Вознесенский, их ждал на Западе подлинный триумф. На вечера поэзии Евтушенко пришло больше французов, чем приходили когда-либо на встречи с французскими поэтами (исключаю похороны Гюго). В Италии вышла специальная монография о «выдающемся художнике новой России» Илье Глазунове.

Наша молодежь ничего не знала о Мейерхольде, никогда не читала стихов Мандельштама или Марины Цветаевой, не видела холстов прекрасных наших художников — раннего Кончаловского, Лентулова, Ларионова, Шагала, Малевича, Фалька. Холсты живописцев Запада — Манэ, Дега, Монэ, Сезанна, Матисса, Пикассо были спрятаны в таинственные «фонды». Кафку критики поносили, это было общеобязательным, но никто — даже критики — не знал, что Кафка писал.

Когда в 1957 году в книжный магазин Истры привезли несколько экземпляров рассказов И. Бабеля, они долго лежали на полке: никто не слыхал о Бабеле, и его путали с немецким социал-демократом Бебелем. Для молодых людей, вошедших в жизнь после XX съезда, слишком многое было неизвестным. Я перешел к новому для меня жанру не от душевной лени, а от сознания своей ответственности перед читателями.

В начале мая 1957 года я вернулся в Москву из Японии. Ко мне пришел взволнованный В. А. Каверин и сказал, что завтра состоится встреча писателей с руководящими товарищами — намечается крутой поворот к лучшему. Хотя я сомневался в оптимистическом прогнозе Вениамина Александровича, на встречу я пошел. В дверях я столкнулся с Д. Т. Шепиловым, который почему-то сказал мне: «Вам необходимо выступить». Н. Грибачев резко нападал на московских писателей. Выступали многие писатели, отстаивавшие право писателя говорить правдиво или, наоборот, вспоминавшие «клуб Петефи» и нападавшие на тех, кто показывает «теневые стороны жизни». Я выступил и попытался поспорить с теми, кого потом произвели в «автоматчиков»[1]. В итоге Н. С. Хрущев сказал, что он согласен с суждениями «автоматчика» Н. Грибачева.

Неделю спустя нас снова пригласили на встречу, которая должна была состояться на правительственной даче, расположенной довольно далеко от Москвы. Сначала все бродили по аллеям вокруг пруда. Навстречу шел тот или иной ответственный товарищ, окруженный братьями-писателями. Потом настал час обеда. Народу было много. Все расселись за длинными столами. Разразилась гроза с проливным дождем. Столы стояли под навесом, но приходилось то и дело приподымать брезент — на нем образовывался второй пруд. Промокшие музыканты и певицы жались поближе к сухому месту. Обстановка была шекспировская: гром то и дело громыхал да и реплики хозяина стола были грозными, их не могли скрасить ни коньяк, ни жареная рыба, изловленная, по заверению меню, в местном пруду. Н. С. Хрущев нападал на К. Симонова, М. С. Шагинян и почему-то особенно на Маргариту Алигер. К. А. Федин покаялся в том, что чего-то не додумал. Л. Соболев горячо поддержал хозяина стола. Я не выдержал и ушел до конца обеда.

В августе в газетах было напечатано «сокращенное изложение» выступлений Н. С. Хрущева под заглавием «За тесную связь литературы и искусства с жизнью». В нем мало говорилось о литературе и искусстве, зато автор неизменно возвращался к своей новой оценке Сталина: «Строительство социализма в СССР осуществлялось в обстановке жестокой борьбы с классовыми врагами и их агентурой в партии — с троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и буржуазными националистами... В этой борьбе Сталин сделал полезное дело. Этого нельзя вычеркивать из истории борьбы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции нашей страны за социализм, из истории Советского государства. За это мы ценим и уважаем Сталина. Мы были искренними в своем уважении к И. В. Сталину, когда плакали, стоя у его гроба. Мы искренни и сейчас в оценке его положительной роли в истории нашей партии и Советского государства».

Нападки на писателей были связаны не с критикой литературных произведений, а с изменением политической ситуации.

Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII. Молодежь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали, говорили между собой. Страх, заставлявший людей молчать при Сталине, исчез. Он заменился обычными опасениями, существующими в любом обществе: если много кричать, пошлют на работу подальше от Москвы. Вместо объяснений предшествующего периода молодое поколение получило шотландский душ: Сталина то низвергали в бездну, то прославляли; тем самым мораль подменяли карьеризмом.

К сорокалетию Октября была созвана юбилейная сессия Верховного Совета. Собралась она во Дворце спорта; впереди сидели депутаты, а за ними свыше десяти тысяч приглашенных. Хрущев читал длинное выступление, делал это он редко, обычно, прочитав страничку, засовывал текст в карман и переходил к живой речи. На этот раз он читал, часто ошибаясь, и лицо у него было сердитое. За ним сидел громоздкий Мао Цзэдун с непроницаемым лицом. Хрущев сказал: «Как преданный ленинист-марксист и стойкий революционер, Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное». Раздались аплодисменты.

Поворот был резким, и я это почувствовал на оценке моих скромных литературных работ. Еще в 1956 году я написал предисловие к избранным стихам Марины Цветаевой. Книга задерживалась, и мое предисловие напечатал альманах «Литературная Москва». Хотя на совещаниях никто о предисловии не упоминал, много говорили об альманахе — он приводился как доказательство «ревизионистских настроений» московских писателей.

Статья о моем предисловии была озаглавлена «Про смертяшкиных», и в ней говорилось: «По древней заповеди надлежит о мертвых ничего не говорить или говорить только хорошее. Цветаева умерла в 1941 году. Пятнадцать лет — это слишком большой срок для поминок. И. Г. Эренбург, задержавшись на поминках, продолжает возжигать светильники, кадить ладан, плакать и рвать на себе волосы... Цветаева повторяет зады Смертяшкина... Нам жаль усилий Эренбурга. Положительно зря возводил он в перл поэтического творения «дорожные грехи праздношатающейся музы» (выражение П. Вяземского)». Другая статья заключала такое суждение: «Эренбург дал в альманах предисловие к книге стихов Марины Цветаевой, книге, еще не вышедшей в свет, пытаясь утвердить за декадентствующей поэтессой, чье имя и поэзия не нашли отклика в сердце народа и давно канули в реку забвения, право на сочувственное внимание массы читателей».

Стихи Цветаевой были изданы пять лет спустя, и «канули в реку забвения» не ее имя и поэзия, а имена и статьи ее хулителей.

Осуждали решительно все, что я писал. О Бабеле, например, я говорил чересчур хвалебно: «Запутанность мировоззрения делала И. Бабеля художником крайне ограниченным». Разругали две странички, написанные для сборника памяти Л. Н. Сейфуллиной. Не обошлось дело и без художников — президент Академии художеств воскликнул: «Писатель Эренбург восхваляет творчество таких формалистов, как Леже и Брак!»

Однако наибольший шум вызвал мой очерк «Уроки Стендаля», не понимаю, почему так рассердил блюстителей «основоположных принципов» именно этот очерк. Видимо, он появился в неподходящее время — ведь два года спустя на меня не накинулись за книжку «Перечитывая Чехова», хотя уроки Антона Павловича совпадали с уроками Стендаля да и были куда понятнее молодому русскому читателю. Критики меня упрекали за «маскировку», но на самих критиках были маски: они много рассуждали о романтизме и реализме, об отношениях между Стендалем и Бальзаком, о замалчивании мною трудов российских стендалеведов, о раскрытии, на их взгляд, неуместном, сердечных дел Анри Бейля (хотя Стендаль это делал во многих своих книгах). Вероятно, критиков разозлил Стендаль, написавший на полях рукописи «Люсьена Левена»: «Нужно сделать так, чтобы приверженность к определенной позиции не заслонила в человеке страстности. Через пятьдесят лет человек определенных позиций не сможет больше никого растрогать.

Продолжение. Начало см. № 22.

[1] Имеется в виду речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР 22 мая 1959 года, в которой роль советских писателей приравнивалась к роли «автоматчиков».

Только то пригодно для описания, что останется интересным и после того, как история вынесет свой приговор».

Прошу читателей простить мне столь длинный рассказ о давних литературных неприятностях. Право же, я сделал это не для того, чтобы пококетничать былыми царапинами. Я хотел показать все бессилие атаковавших и стихи Марины Цветаевой, и прозу Бабеля, и живопись импрессионистов, и художественное мышление Стендаля. Конечно, люди, читавшие тогда «Знамя» или «Октябрь», не могли познакомиться с поэзией Цветаевой или с холстами Сезанна, но критикам не удалось оттолкнуть читателей от меня. Критики «согласовывали» свои оценки с тем или иным товарищем, но согласовать со временем ни своей хулы, ни своих острот они не могли. Время подтвердило одно, перечеркнуло другое.

Может быть, думали нападками сломить меня? Когда-то молодой Тихонов написал стихи о людях, из которых можно было делать гвозди. Из моих сверстников многие погибли, многие, не выдержав испытаний, умерли, но некоторых уцелевших время переплавило; мы действительно стали гвоздями. Мы стали неисправимыми и печальными оптимистами. «Гвозди» оказались склонными к тому, что в литературе называют романтической иронией: они посмеивались и друг над другом, и над различными молотками. Это воистину особое племя. Для меня те годы были хорошим испытанием, я понял: можно писать и нужно писать. Когда я отходил от машинки и спускался по крутой тропинке моего сада к речке, я думал о том, что стало последним заданием моей жизни,— о книге воспоминаний.

* * *

В августе 1957 года газета «Ле монд» поместила заметку своего специалиста по русским делам, подписанную А. П.— Андрэ Пьер, который, ссылаясь на израильского журналиста Бернара Турнера, обвинял меня в гибели группы еврейских писателей. Бернар Турнер утверждал, что он был арестован в Москве в 1943 году и отправлен в концлагерь возле Братска. Там в 1949 году он встретил нескольких еврейских писателей, среди них Бергельсона и Фефера, которые ему завещали, если он встретит меня, сказать, чтобы я возложил цветы на могилу загубленного мною Неизвестного мученика.

Друзья прислали мне номер французской газеты. Я отправил короткое письмо в редакцию, написал, что среди погибших еврейских писателей были мои друзья и что вкладывать измышления в уста людей, которых больше нет, прием далеко не новый. Редакция поместила мое письмо под заголовком «Антисемитизм г. Эренбурга».

Статью Турнера перепечатали разные газеты Запада, а в 1959 году в Париже вышла книга Леона Ленеманна, который рекомендует себя корреспондентом израильских, американских и южноафриканских газет. Одна глава посвящена мне. Автор не довольствуется измышлениями Турнера, он приводит также рассказ американского журналиста доктора Шошкеса: «Был еще один свидетель обвинения. Вдовы и сироты убитых писателей знают его имя: это Илья Эренбург. Он приезжал на заседание трибунала в своем автомобиле. После того как он отягчал судьбу подсудимых своими показаниями, он спокойно возвращался к себе, в свою квартиру на одной из самых центральных улиц Москвы — улице Горького».

Я не знаком ни с Турнером, ни с Ленеманном, ни с доктором Шошкесом. Не только семьи погибших еврейских писателей, но и все советские люди, имевшие близких среди жертв Ежова и Берии, знают, что тех, кого намеревались расстрелять, не отправляли ни в какие лагеря. Военный трибунал в Москве в 1952 году приговорил к расстрелу еврейских писателей, в том числе Д. Бергельсона и И. Фефера. О процессе и судьбе писателей я узнал только после их посмертной реабилитации. Никогда меня не привлекали к следствию и, разумеется, не вызывали ни на какой суд. Единственное правильное в сообщении доктора Шошкеса, что я жил и живу на улице Горького.

Есть старая русская пословица: «Господь любит праведника, а господин ябедника». Я встречал в жизни праведников. Не знаю, как к ним относился господь бог, но честные люди их почитали. Зато я хорошо знаю, как различные господа жаловали ябедников и расплачивались с ними не на далеком небе, а здесь, на земле. В Нью-Йорке, Тель-Авиве, в Париже, как во всех городах мира, живут люди честные и бесчестные. Каждый теперь сможет судить о порядочности моих обвинителей.

В шестой части этой книги я рассказал о нападках на «космополитов», которые почти всегда обладали еврейскими фамилиями, а «Крокодилом» изображались с положенными им носами. После 1953 года антисемитизм перешел из высокой политики в закоулки быта, но, однако, не исчез. Я расскажу далеко не все, что знаю, приведу только несколько примеров, чтобы не показаться голословным.

Осенью 1959 года два хулигана подожгли синагогу в московском пригороде Малаховка. Об этом вскоре стало известно за границей. Поджигатели оставили на месте преступления и расклеили на Казанском вокзале листовку, подписанную инициалами БЖСР — боевым кличем, казалось мне, забытым, белогвардейцев «Бей жидов, спасай Россию!». При поджоге от дыма задохнулась сторожиха. Нашли виновников по одной рассеченной букве в канцелярской машинке. Преступники оказались двумя парнями. Ко мне пришел следователь, спрашивал, какое впечатление произведет на Западе открытый процесс. Я ответил: «Прекрасное». Однако решили иначе: суд был закрытым, поджигателям дали по шесть лет исправительных лагерей. Комитет по делам религии сообщил о приговоре некоторым иностранцам, но советские люди, даже обитатели Малаховки, ничего о суде не узнали.

В 1961 году в «Литературной газете» было напечатано стихотворение Е. Евтушенко «Бабий яр». «Литература и жизнь» напечатала сразу длинную статью Д. Старикова. Желая доказать читателям, что нельзя говорить о национальности жертв фашизма, Стариков приводил мои стихи о Бабьем яре, написанные во время войны, и обрывал цитату до слов: «Моя несметная родня». Я знаю, что во время оккупации фашисты в Бабьем яру убивали участников сопротивления — русских, украинцев,— но в народной памяти запечатлелись сентябрьские дни 1941 года, когда гитлеровцы убили в Бабьем яру всех евреев, не сумевших выбраться из Киева,— стариков, больных, женщин, детей. По данным, оглашенным на Нюрнбергском процессе, в течение двух дней гитлеровцы убили там около сорока тысяч советских граждан еврейской национальности.

Я напечатал тогда в «Литературной газете» письмо: протестовал против использования моего имени Стариковым для утверждения мыслей, противоположных моим.

В декабре 1962 года на встрече правительства с писателями и художниками Н. С. Хрущев обвинил Евтушенко в выделении национальности убитых гитлеровцами жителей Киева и добавил, что в том же повинен также Эренбург. Евтушенко — молодой русский, я — старый еврей. Н. С. Хрущев заподозрил меня в национализме. Каждый читатель может сам рассудить, правда ли это.

Я зашел далеко вперед. После выступления Хрущева некоторые антисемиты почувствовали себя окрыленными. Украинская Академия наук выпустила книгу «Иудаизм без прикрас». Книга относилась к антирелигиозным и на украинском языке рассказывала читателям о противоречиях и корыстности иудаизма. Эта книга была воспроизведена за границей. Я находился в Стокгольме, когда миролюбивый швед, незадолго до этого побывавший в Москве и приезжавший ко мне на дачу, принес книгу и попросил объяснить, что все это значит. Давно не было на свете ни Сталина, ни Берии, нельзя было отнести книжонку к ошибкам прошлого. Я долго разглядывал рисунки. Они напоминали журнал гитлеровца Штрейхера, положившего свою жизнь на изобличение евреев. Господь бог, согласно писанию, сорок лет водил евреев по пустыне. Автор иллюстраций показывал, что он водил их на поводке, водил за нос, и носы евреев, естественно, удлинились. Поведение носатых евреев показано в книге своеобразно: они поклонялись сапогу гитлеровцев, и носатый Бен-Гурион договаривался в Освенциме с эсэсовцами в то время, как там страдал человек с явно не еврейским носом. Мне пришлось отменить пресс-конференцию в Стокгольме. Месяца два спустя книжка была дезавуирована, и поехавший во Францию А. И. Аджубей сообщил, что она изъята из продажи.

После октября 1964 года я не встречал в печати никаких антисемитских вылазок. Предшествующая эпоха оставила в наследство немало тяжелого. В моей жизни этот вопрос продолжает играть не только скверную, но, я сказал бы, малопристойную роль. Для одних я чуждый элемент, существо если и не обладающее длинным носом, но все же занятое темными «гешефтами». Для других я человек, потопивший Маркиша, Бергельсона, Зускина. Как это слишком часто бывает, торжествуют не праведники, а ябедники.

* * *

В июне 1957 года по приглашению посла в Афинах М. Г. Сергеева я направился в Грецию вместе с С. В. Образцовым, Б. Н. Полевым, эллинистом А. А. Белецким и архитектором М. В. Посохиным. Групповые поездки не всегда бывают легкими, но мои попутчики оказались хорошими товарищами, все мы понимали нашу задачу: постараться наладить добрые отношения с греческой интеллигенцией. Образцов беседовал с режиссерами и актерами, Полевой с журналистами, Белецкий с учеными, Посохин с архитекторами, я с писателями. Разумеется, мы встречались и с людьми других профессий, в частности, я познакомился с политическими деятелями различных партий, побывал на собраниях двух организаций, выступавших за мир, но враждовавших между собой: для одних ЭДА, для других либералы были пугалом, куда более страшным, чем все водородные бомбы мира.

Многое из древнего искусства показалось мне новым, хотя я увидел Грецию в третий раз, я, например, прежде не бывал ни в Микенах, ни на Крите. Очерк об уроках эллинской культуры я дал в один из толстых журналов, но редактор, напуганный шумом вокруг моих «Уроков Стендаля», усмотрел в страницах, посвященных искусству Византии, некий скрытый подтекст. Я включил эссе о Греции в книгу очерков и не стану сейчас повторяться. Да и время не очень способствует размышлениям о причинах гибели минойской цивилизации — я пишу эту главу в дни, когда мир взволнован военным переворотом в Афинах, который чем-то напоминает мне переворот, осуществленный испанской военщиной в 1936 году. Судя по французским газетам, многие греческие писатели, с которыми я познакомился, а с некоторыми и подружился десять лет назад, арестованы. Мысли невольно возвращаются к трагической судьбе современной Греции.

Помню, как два замечательных человека — Ив Фарж и Поль Элюар — рассказывали мне о мужестве греческих партизан. Когда они были в Греции, исход гражданской войны был уже предрешен, и защитники горы Граммос сражались, зная, что их ждет верная смерть. Осенью 1949 года злато и булат взяли верх. Одних партизан расстреляли, других отправили на острова смерти — Макронисос, Агиос, Евстратиос. В 1957 году я увидел первых вернувшихся с островов, их не реабилитировали, даже не амнистировали, они числились в отпуску, не имели права менять резиденцию и должны были регулярно представляться в полицейские участки. Среди них были поэты, художники. Я долго смотрел рисунки, сделанные на клочках оберточной бумаги: люди в концлагере; слушал стихи на непонятном языке, мне казалось, что они посвящены безнадежной любви, но мне переводили — это были стихи о хлебе, верности, о глотке воды, о потерянной свободе.

С писателем, книги которого я знал и любил, с Никосом Казандзакисом мне не суждено было встретиться. Его жена мне написала, что он хотел познакомиться со мной, но когда он был в Москве, я был в Греции. Он умер год спустя. Его книги известны далеко за рубежами Греции, особенно роман «Христа распинают вновь». Это судьба бедных крестьян в деревне Анатолии, и это судьба Греции: Христа распинают века, тысячелетия.

Казандзакис умер в возрасте семидесяти четырех лет. Поэту Костасу Варналису теперь восемьдесят три года. Мы с ним подружились свыше тридцати лет назад, когда плыли на советском теплоходе из Одессы в Пирей; Варналис приезжал на Первый съезд советских писателей. О многих греческих друзьях я промолчу; не хочу способствовать работе ищеек военной хунты, которые хвастают своим весьма сомнительным гуманизмом — на первый завтрак они арестовали всего-навсего шесть с половиной тысяч «коммунистов», которых намерены содержать на безлюдных островах. Но о Варналисе все всем известно: он — поэт, получил Ленинскую премию мира. Мы с ним пили вино в таверне Пирея. Он почти оглох, но, как пушкинский пророк, услышит, как растет трава и как бьется далекое сердце.

Незадолго до отъезда мы поехали с греческими писателями в Дельфы. В Древней Греции Дельфы были храмом бога солнца и искусств Аполлона. Во время празднеств в Дельфах приостанавливались все военные действия. Здесь у подножия горы Парнас, рядом с прославленным родником вдохновения, мы дали друг другу клятвы блюсти мир и дружбу. Среди писателей, старых и молодых, был высокий плотный Стратис Миривилис. Он побывал в Москве, он — академик, это не ветреный юноша — ему семьдесят пять лет. Он много провоевал, знает, что даже первая мировая война, которая после Хиросимы нам кажется «войной в кружевах», была страшной, он много прожил, знает человеческую беду, он говорил мне: «Не нужно повышать голос ни в искусстве, ни в жизни. Мы не знаем, о чем пророчествовали пифии, но эти барельефы требуют сдержанности, самоограничения. Наши правите-

ли (он чуть усмехнулся), да и не только наши, скромностью не отличаются, но многое зависит от людей, которые не вправе управлять даже своим домиком...»

Я подружился с прекрасным поэтом Яннисом Рицосом. Он принадлежит к более молодому поколению — ему теперь пятьдесят восемь лет; пять из них у него украли — с 1948-го по 1953-й он промучился на острове смерти. Год назад он прислал мне книгу — сделанный им греческий перевод моего сборника стихотворений «Дерево». Когда я был в Афинах, начиналась кипрская трагедия, и он читал мне отрывки из поэмы о кипрском шофере, который двое суток, сидя в пещере, отбивался от батальона английских солдат; там были строки:

С кем мне поговорить? Может быть,
с этой улиткой?
Она ползет по камню. На ее спине часовня.
Ей рассказать? Но она не услышит,
У нее своя часовня, она молчит.
Мне двадцать девять лет, и мне хочется жить...

Я вспоминаю мою встречу с одним из руководителей Сопротивления киприотов, с архиепископом Макариосом, который незадолго до того был освобожден англичанами — они его сослали на далекий остров (острова, видимо, есть у всех). Я думал, что попаду в монастырь, но архиепископ принял меня в небольшом доме, курил, говорил вполне по-светски. Его позвали к телефону, и, вернувшись, Макариос сообщил мне о новом смертном приговоре, вынесенном на Кипре англичанами, он тихо добавил: «Этих насильников ничто больше не может устыдить...»

Все знают, что Байрон хотел сражаться вместе с восставшими греками и умер в Месолонгиосе. Он был английским поэтом, а правителей Англии не тревожила кровь греков. Свыше ста лет Греция была негласной колонией Великобритании. Англичане выдали грекам короля — баварского принца, а когда баварская династия окончательно скомпрометировала себя, ее заменили датской, к которой подмешали германскую: мать молодого короля Фредерика — внучка императора Вильгельма II. В Дании короли ведут себя тихо, но оказавшись в Греции, датчане видоизменились, начали активно вмешиваться в политическую жизнь, заключили союз с армией и явно путают, какой век стоит на дворе. На улице Ирода Иттакского, пышной и уродливой, помещаются король Греции и посол Соединенных Штатов. Вряд ли переворот застал их врасплох.

Смена попечителей произошла в 1947 году; решение американского президента могло быть названо «манифестом» или «энцикликой», но у американцев склонность к университетскому языку, и Трумэн окрестил свои притязания «доктриной». Англичане скромно отошли на второй план, конечно, не потому, что вспомнили стихи Байрона, а потому, что страна вековых колонизаторов превращалась в полуколониальную базу Америки.

Упомяну о моем знакомстве с лидером либеральной партии Георгисом Папандреу, который семь лет спустя стал премьером, был смещен королем, а теперь находится в госпитале под арестом. Его сына, депутата Андреаса Папандреу, военная хунта грозит отдать под суд «за измену родине». Папандреу-отец принял меня у себя дома, угостил на террасе чашечкой кофе, а потом предложил погулять по садику. Цвели южные, небрежные и сладкие розы. Папандреу говорил мне, что он не любит ни коммунистов, ни левую партию ЭДА, но он рад встретиться со мной: Греция хочет жить в мире и торговать с Советским Союзом. Говорили мы мирно о том о сем, о том, что в Греции превосходные маслины, что правый премьер Караманлис бессмысленно обозляет студентов, что либералы должны получить на выборах абсолютное большинство, чтобы составить правительство без помощи левых и правых. В конце беседы Папандреу пояснил мне, что не хотел разговаривать со мной в доме, так как не убежден, что ретивые полицейские не понаставили у него магнитофонов. Я поблагодарил хозяина за любезный прием.

Вполне возможно, что военная хунта причислит не только сына, но и отца Папандреу к «прокоммунистам». Испанские генералы называли либерала Асанью, каталонских автономистов, баскских католиков «красными» — таковы традиции военных переворотов.

Коммунистическая партия Греции была запрещена. До 1956 года она грешила сектантством. Художник-«отпускник», пробывший много лет на каторжном острове, рассказывал мне, что один догматик грозил ослушнику, читавшему греческий перевод «Оттепели», лишением пайка воды. Это похоже на скверный анекдот. Когда я был в Греции, молодые коммунисты радостно говорили о происшедших переменах. (Много позднее я прочитал о VIII съезде Коммунистической партии Греции, осудившем политику генерального секретаря, мешавшего объединению левых сил страны.)

ЭДА была подлинным объединением различных левых групп и партий. Я увидел многих ее депутатов: один был крупным буржуа и пользовался влиянием в деловых кругах, другой — социалистом, третий — радикалом во французском значении этого слова, четвертый — коммунистом, пятый — аристократом из бывших монархистов. Казалось, они не могут ужиться друг с другом, но в Греции все возможно: уживались.

Я не случайно упомянул Испанию, говоря о последнем перевороте в Афинах, много раз передо мной вставала Старая Кастилия или Арагон. Дело не только в пейзаже: зеленую античную Грецию давно уничтожили завоеватели от древних римлян до гитлеровцев: леса не способствуют поддержанию порядка. Рыжие скалы, каменные домишки, прилепившиеся к склону горы, неистовое солнце — все это роднит Грецию с Испанией. Но есть и сходство народных характеров. В обеих странах буржуазия поражала меня своим невежеством, любовью к уродливой мишуре, политической дикостью, но нищие греческие крестьяне, как арагонские или кастильские, дорожат совестью куда больше, чем деньгами.

Однажды вечером мы решили пойти без греческих друзей (А. А. Белецкий знал прекрасно не только древнегреческий, но и современный языки) в один из бедных кварталов Афин, посидеть на улице при таверне, поглядеть на будничный вечер города. Нищета там ужасающая — это один из верхних пригородов, построенных после проигранной войны с Турцией, когда по мирному договору Греции пришлось принять полтора миллиона греков, выселенных из Малой Азии. Здесь не увидишь ни роскошных псевдоклассических дворцов улицы Ирода Аттического или улицы королевы Софии, ни небоскребов, ни домов центра города, лишенных стиля и лица, но блистающих витринами магазинов, нет, здесь то ли лачуги, то ли бараки, множество детишек на улицах, запах оливкового масла смешивается с вонью нечистот. Мы сели за столик, расположенный на пустой мостовой, и попросили хозяина таверны дать нам бутылку рицины (так называется вино с примесью смолы, чтобы оно не скисло, это напиток всей Греции, кроме Крита, где вино свободно от смоляного привкуса). Хозяин долго рассматривал меня, потом принес бутылку и позвал соседа, который тоже на меня уставился; пошептавшись с соседом, хозяин наконец-то спросил Андрея Александровича Белецкого, правда ли, что с ним приехал советский писатель Илья Эренбург. Четверть часа спустя наш столик был заставлен помидорами, огурцами, колбасами, бутылками вина — все это принесли жители улицы. Матери представляли нам малышей. В доме, где, казалось, и мебели нет, нашлись книги и меня просили подписаться на зачитанных экземплярах «Оттепели». Все это было невыразимо трогательно, с той лаской, с тем благородством, которых не увидишь в центре Афин. Настала полночь, мы хотели заплатить хозяину за вино, он сердито замахал руками. Как нам добраться в гостиницу? Мы ведь ехали сюда чуть ли не час — далеко. Откуда-то вызвали такси, и когда, приехав в гостиницу, мы хотели заплатить шоферу, тот ответил: «Все уплачено наверху вашими друзьями». Этот вечер описал Борис Полевой, но я не мог не вспомнить о нем, рассказывая про Грецию.

Недавно ко мне пришла студентка, которая хочет посвятить себя изучению Стендаля. Мы оба говорили о том, что автора «Красного и черного» увлекали политические бури века. Несколько неожиданно студентка мне сказала: «А я, знаете, охладела к политике...» Потом она начала рассказывать, что неважно, где капитализм, важно, какие люди — хорошие или дурные, а политика ей просто опостылела.

Разве могут разделить чувства этой студентки жители Вьетнама, будь то любитель Стендаля или даже наимудрейший буддист? Разве скажет испанский художник или греческий поэт, что ему теперь не до политики? Люди, которые говорят о красоте, о гармонии, которые пристойно вздыхают на панихидах, отнюдь не забывают о политике, конечно, о своей: они швыряют бомбы на вьетнамские города, расстреливают студентов в Сан-Себастьяне и сажают в тюрьму поэта Янниса Рицоса. Таковы уроки Греции: сколько бы у меня ни было сомнений и раздвоенности, я твердо знаю, что совесть не терпит, когда снова и снова попирают справедливость, человеческое достоинство, свободу.

* * *

15 января 1958 года скончался Е. Л. Шварц. В Ленинграде издан сборник «Мы знали Евгения Шварца» — это воспоминания писателей, главным образом ленинградцев, которые в течение долгих лет встречались с Евгением Львовичем и действительно знали его. Мне обидно, что познакомился я с ним поздно, виделся редко, помню, как я пытался спасти в 1944 году «Дракона», помню его у меня в Москве (ему нравилось жаркое из баранины на французский лад, нашпигованное чесноком), встречались мы и в Ленинграде — у О. Ф. Берггольц, у Г. М. Козинцева, приходил он ко мне в гостиницу, но всего этого было мало, чтобы его узнать, и если я пишу о нем, то не потому, что я подметил какие-то не открывшиеся другим черты, а только потому, что полюбил его. (Я хорошо знал некоторых писателей, часто встречался с ними, порой они вмешивались в мою жизнь, но порога этой книги не перешли.)

Почти всегда люди, которым удавалось смешить миллионы людей, сами были мрачными. Можно припомнить описания Н. В. Гоголя современниками, можно — и это куда ближе — задуматься над природой М. М. Зощенко. Оба в определенное время пренебрежительно отзывались о своих прекрасных произведениях и безуспешно старались написать книги высокой морали. Е. Л. Шварц не походил на них, хотя и умел рождать улыбку, он был человеком жизнерадостным, общительным, любил выступать, дурачиться, ходить в гости, много ел, много пил и запомнился всем как веселый собеседник. Однако не это притягивало меня к нему, а доброта и глубокая постоянная печаль, она скорее скрывалась, никогда не была навязчивой, но я ее неизменно чувствовал.

Не всегда и шутки Евгения Львовича были веселыми. Помню вечер вскоре после конца войны у О. Ф. Берггольц. Мы долго рассуждали, что означают некоторые перемены в составе правительства. Шварц молчал. Потом, мягко улыбаясь, сказал: «А вы, друзья, как ни садитесь, только нас не сажайте». Это было неожиданно, и, конечно же, мы рассмеялись, но смех был невеселым.

В другой раз я рассказывал Шварцу московские новости, сказал, что над Камерным театром снова нависли тучи. Шварц огорчился: он хорошо относился к А. Я. Таирову, да и наступление сил, враждебных искусству, не могло не опечалить его. Однако пять минут спустя он не выдержал и начал декламировать шутливые стихи А. К. Толстого:

Таирова поймали.
Отечество, ликуй!..

Потом он начал рассуждать: «Конечно, Александр Яковлевич не знал этих стихов, когда выбрал актерский псевдоним. В общем, псевдонимы — опасное дело. Лидин — хороший псевдоним, у Пушкина «смеялся Лидин, их сосед, помещик двадцати трех лет». А вот Андрей Белый стал почти что красным, Демьян Бедный, по нашим понятиям, жил богато, Артема Веселого посадили — это совсем невесело...»

Мы шли по ленинградской улице в книжный магазин. Шварц был, как всегда, весел. Потом он спросил меня, кого из русских писателей я больше всех люблю. Я ответил, что Чехова. Евгений Львович остановился и отвесил мне церемонный поклон, как придворный в одной из его сказок: «Приветствую! Чехова любят, наверно, миллионы, но миллионы одиночек. А Льва Николаевича любят дивизии, мощные коллективы, дружные семьи...»

Когда в 1948 году шла борьба с «низкопоклонством», Шварц рассказывал о том, что мы открыли, и добавил: «У Чехова патриот говорит: «Русские макароны лучше итальянских». Антон Павлович многое предвидел. Небо в алмазах мы тоже видели — в сорок первом, на крыше...»

Я долго рассказывал Шварцу о домике Андерсена в Оденсе, о чемоданах, о большущих зонтиках; он расспрашивал детально, как будто речь шла о доме его прадеда. А потом сказал: «Андерсена датчане сильно прорабатывали. Это очень старая привычка... В общем, короли не любят, чтоб их показывали нагишом, их можно понять — это прежде всего неуютно».

Шварц был прирожденным сказочником, и, на его счастье, много лет его называли «детским писателем», хотя его сказки зачастую были понятны только взрослым. Детям у нас везло, я говорю это без иронии, скорее с гордостью, даже в самые черные годы советские дети знали лагеря пионеров, а о других лагерях не догадывались. «Детским» писателям было легче, чем тем, которые писали явно для взрослых. Любой тупой педагог все же менее страшен, чем следователь. Шварц как-то сострил по этому поводу: «Лучше получить кол, чем попасть на кол...» Помню, на Втором съезде писателей одну из сказок Шварца назвали «вредной пошлостью». Евгений Львович был болен и тяжело пережил обиду. Но это был

глупый укол булавкой, копьем его не прокалывали. Да на том же съезде О. Ф. Берггольц взяла под защиту Шварца.

Были, однако, у Евгения Львовича долгие и унылые неприятности. Я думаю сейчас о пьесе, которая мне кажется самой сильной из всего, что он написал, о «Драконе». Он начал эту пьесу еще до войны, а написал ее в Душанбе в 1943 году. Год спустя Н. П. Акимов поставил «Дракона» в Москве. Пьеса была разрешена Главреперткомом, одобрена всеми, кому полагается одобрять или не одобрять, а после первого спектакля ее неожиданно запретили.

Я никогда не вмешивался в решения Комитета по делам искусств: не верил, что у искусства есть «дела», которыми могут ведать люди, весьма далекие от искусства. Но на этот раз я не выдержал и пошел на совещание, посвященное «Дракону», в Комитет по делам искусств. Я не говорил ни об искусстве, ни о той вечной правде, которой посвящена пьеса Шварца. Шла война, совещание происходило 10 ноября 1944 года — за две недели до того наши войска прорвались в Восточную Пруссию. Я говорил о том, что «Дракон» — удар по моральной стороне всех закамуфлированных покровителей фашизма. Защищал пьесу Н. Ф. Погодин, страстно говорил С. В. Образцов. Никто из присутствовавших ни в чем не упрекал Шварца. Председатель комитета, казалось, внимательно слушал, но случайно наши глаза встретились, и я понял тщету всех наших речей. Действительно, в заключение он сказал, что из всех мнений вытекает: над пьесой нужно еще подумать. Он хорошо знал, что совещание — пустая формальность. «Дракон» был поставлен восемнадцать лет спустя, четыре года спустя после смерти автора.

Евгений Львович всегда мучился над последними актами своих пьес, они ему давались с трудом. Он хотел, чтоб его пьесы были поставлены, а это далеко не всегда удавалось. В «Дракона» он внес много изменений, он, например, выбросил трогательные воспоминания об убитом драконе. (Не помню точно текста, но был в первом варианте горожанин, который грустно вспоминал, что, когда дракон дышал на город, можно было приготовить глазунью, не зажигая печи.) Однако и в исправленном виде сказка не потускнела. Я еще раз убедился, что художественное произведение, написанное на злободневную тему, если оно создано подлинным художником, не умирает.

Недавно опубликовали фантастический роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», написанный тридцать пять лет назад. Вершалаим — живой город, и главы, посвященные Понтию Пилату, я читал, как замечательное повествование о нашем современнике, а главы, сатирически изображающие московский быт двадцатых годов, на мой взгляд, устарели. «Дракон» Шварца не зависит от того, какой канцлер теперь в Западной Германии, и пьеса, кажется, будет волновать даже наших внуков. Перед нами город, который находится под властью дракона четыреста лет. Каждый год дракон убивает девушку, и вот отец очередной жертвы говорит: «У нас очень тихий город. Здесь никогда и ничего не случается... На прошлой неделе, правда, был очень сильный ветер. У одного дома едва не снесло крышу. Но это уже не такое большое событие». Странствующий рыцарь Ланцелот удивляется: «А дракон?» — «Ах, это. Но ведь мы так привыкли к нему... Он так добр... Когда нашему городу грозила холера, он по просьбе городского врача дохнул своим огнем на озеро и вскипятил его. Весь город пил кипяченую воду и был спасен от эпидемии... Уверяю вас, единственный способ избавиться от драконов — это иметь своего собственного». Кот понимает, почему его хозяин и дочка накануне гибели веселы: «Самое печальное в этой истории и есть то, что они улыбаются». Обреченная девушка рассказывает, что после ее смерти горожане три дня не будут есть мяса, «к чаю будут подаваться особые булочки под названием «бедная девушка» — в память обо мне». Сын бургомистра называет дракона «дракошка... драдра». Бургомистр, как испытанный подхалим, говорит своему сыну: «Он, голубчик, победил! Он победит чудушко-юдушко! Душечка-цыпочка! Летун-хлопотун! Ох, как люблю его!.. Ну, вот так и доложи!» Отец знает, что сын подослан драконом, и в умилении говорит ему: «Ах, ты мой единственный, ах, ты мой шпиончик!.. Карьеру делает, крошка...» Дракон презрительно поучает Ланцелота: «Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушней и только... Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души. Знаешь, почему бургомистр притворяется душевнобольным? Чтобы скрыть, что у него и вовсе нет души. Дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души».

Конечно, в итоге пьеса кончается хорошо: в сказке, где имеются дракон, шапка-невидимка и ковер-самолет, плохой конец был бы такой же нелепостью, как счастливая развязка в «Анне Карениной» или в «Госпоже Бовари». Шварца ругали не за концы, а за начала. Евгений Львович шутя говорил: «Знаете, почему запретили «Дракона»? Освобождает город некий Ланцелот, который заверяет, что он дальний родственник знаменитого рыцаря, возлюбленного королевы Геньевры. Вот, если бы вместо него я показал бы Тита Зяблика, дальнего родственника Алеши Поповича, все было бы легче...» Однако у запретивших пьесу были куда более веские резоны: Шварц бичевал деспотизм, жестокость, приспособленчество, подхалимаж. «Цепные» души рассердились: это было в 1944 году не по сезону.

Е. Л. Шварц был не только большим художником, но и воистину добрым человеком. Доброта вопреки мнению многих не столь распространенное свойство, это скорей дефицитный товар.

Незадолго перед смертью Шварц написал сценарий по «Дон Кихоту» для режиссера Г. М. Козинцева. Все эпизоды фильма созданы Сервантесом, но в картине нет ни одной фразы, переписанной из романа: диалог написан Шварцем. «Дон Кихот» Шварца и Козинцева резко отличается от того образа Рыцаря печального образа, который был распространен в нашей стране, он соответствует пониманию испанцев Мигеля Унамуно и Антонио Мачадо: Дон Кихот и Санчо — два выражения одного лица и нельзя отделить Дульцинею от Альдонсы; жестокий реализм сплавлен с вечной романтикой.

Я смотрел «Дон Кихота» в Стокгольме и чувствовал, как оттаивали сдержанные, молчаливые шведы. А когда, умирая, Дон Кихот прощается с «дамой его сердца», когда он садится на Росинанта, а Санчо на своего осла, чтобы продолжать странствия, я настолько был растроган, что не сразу очнулся.

Что к этому добавить? Когда Евгению Львовичу исполнилось шестьдесят лет, я его поздравил и в ответ получил от него ласковое письмо. Я и раньше замечал, что руки Шварца часто дрожали; в последний год его жизни это, видимо, усилилось. Я гляжу на лист с большими буквами, которые содрогаются, как фигуры людей на рисунках Джакометти. Так мог бы подписаться Дон Кихот, избитый «реалистами», или смертельно раненный Ланцелот.

Публикация Ирины ЭРЕНБУРГ.

Окончание следует.

«ФИЛЬМ НЕ ВИДЕЛ, НО УТВЕРЖДАЮ...»

Был крайне удивлен и огорчен появлением в «Огоньке» (№ 14) статьи В. Шахиджаняна «Разбитые стекла Юриса Подниекса». Хочется спросить: зачем, кому нужна такая статья? Чему она учит, к чему зовет? Почему автор выступает от имени многомиллионной массы читателей «Огонька», восклицая в конце статьи: «...это нужно всем нам». Почему журналист расписывается за нас?

Я не видел фильма, но, прочитав статью, осмелюсь утверждать — не нужно «ЭТО» нам, не нужны нашей молодежи такие фильмы!

Мы не смотрели этот фильм, и слава богу, что не смотрели. Не нужен он ни нам, родителям, ни нашим детям.

И это еще ничего не значит, что в кинотеатре «Новороссийск» длинная очередь за билетами и даже, что «на завтра». Покажи зрителям более скандальный фильм или какую-нибудь откровенную «порнушку», наверное, значительно длиннее будут очереди, и не только «на завтра». Но надо же иметь совесть и какие-то моральные устои, ограничения...

На протяжении всей статьи звучит призыв о помощи молодым, автор прямо-таки драматизирует положение нашей молодежи, создается впечатление, что не помоги сейчас же, немедленно молодым — и они завтра-послезавтра погибнут. Да вот беда, в статье я так и не усмотрел, в чем же надо помочь нашей молодежи. Какое у них горе-беда? Может, они голодные? Или их заставляют работать по 10—12 часов? Или мало им построили кинотеатров, кафе и пр.?.. «Им сложно в жизни, ибо они молоды»,— пишет Шахиджанян. Так в чем же все-таки заключаются сложности нынешней молодежи? В статье это — «тайна, покрытая мраком». Наверное, автору и самому не ясно, в чем заключаются сложности жизни молодых.

А не кажется ли вам, т. Шахиджанян, что вы и вам подобные сами виноваты в этих сложностях? Вы — пишущие, сочиняющие музыку, ставящие кинофильмы, руководящие средствами массовой информации. Это благодаря вашей низкопробной макулатуре пришли к нам эти роки, эти металлисты, эти брейкеры, эти панки, это стремление хоть чем-то, хоть дикостью своей, хоть экстравагантным нарядом, хоть немыслимой прической выделиться среди окружающих? Это ведь все не наше, не русское, не национальное, и занесено оно к нам благодаря тому, что лучшего-то нет, не создали вы лучшее. А теперь пишете статьи и крутите кинофильмы «Легко ли быть молодым?». Конечно, вам ничего другого не остается...

«Сегодняшней молодежи сложно. Сложнее, чем было нам». Как же, конечно, сложнее решить: то ли балдеть от рок-музыки и сначала побить, например, вагон электрички, а затем приняться и за пассажиров, то ли заниматься брейком, то ли ходить по улицам и орать во всю глотку, а может, люберам сначала побить панков, а затем наоборот. Конечно, очень сложно это все, куда, например, сложнее, чем было мне в 12—16 лет вкалывать в колхозе за «здорово живешь» с рассвета до темна и решать каждодневный вопрос, где бы пожрать.

Конечно, тогда было другое время и нас по-другому воспитывали, не подносили таких вот статей. И таких фильмов, как у Подниекса, не показывали. Нам некогда было заниматься роками, брейками, да и сил не было. Но мы не громили электрички и от нас не переходили на другую сторону улицы.

Плохо, очень плохо мы с вами воспитываем свою молодежь, и ваша статья, я считаю, этому не помогает. Вот вы пишете: «Мы зачастую оказываемся в плену НЕКОГДА ПРИДУМАННЫХ формул: так надо, так положено, так принято». Ну а как же иначе, товарищ Шахиджанян?! Ведь мы с вами живем в обществе, тем более в советском обществе! Или вы хотите научить нашу молодежь делать «как не надо, как не положено, как не принято»? Так, я думаю, вам не позволят этого сделать, ведь не дошли мы еще до ручки. Гласность гласностью и демократия демократией, это все хорошо и прекрасно, но возвращаться к лозунгу «Анархия — мать порядка» мы не хотим.

В заключение хочется сказать: лучше бы вам, т. Шахиджанян, заняться другим делом, в крайнем случае другой темой, пока не наломали дров. Извините.

В. А. ПОДОЛЯКО

г. Кременчуг.

ОТ РЕДАКЦИИ

Прежде чем публиковать письмо, мы позвонили в Кременчуг.

— Мне 58 лет, в прошлом военнослужащий,— сказал нам Виталий Александрович.— Сейчас работаю инженером на КрАЗе.

— А фильм вы не посмотрели!

— Нет, он же у нас не идет.

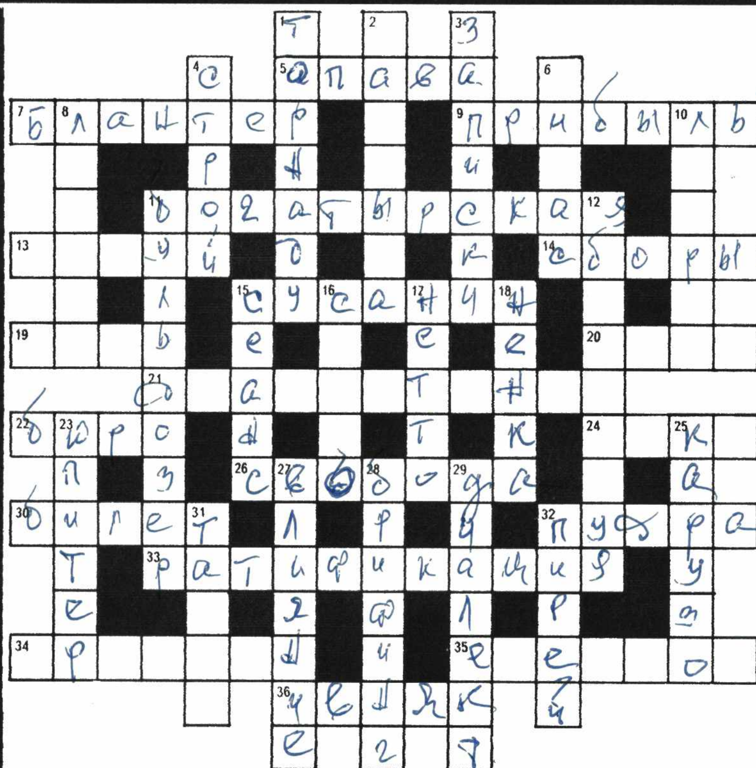
— А если пойдет!

— Да надо бы посмотреть. А письмо публикуйте, буду рад.

Мы решили напечатать письмо. Вот только на что хотелось бы обратить внимание: упрекая автора статьи за то, что тот «выступает от имени массы читателей», Виталий Александрович сам тоже почему-то свою точку зрения высказывает как бы не от себя лично...

Что еще! Пожалуй, только информация: на Всесоюзном кинофестивале в Тбилиси в конкурсе документального кино фильм «Легко ли быть молодым!» получил первую премию.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Город в Чехословакии. 7. Композитор, автор песни «Катюша». 9. Чистый доход предприятия. 11. Симфония А. П. Бородина. 13. Советский татарский писатель. 14. Кратковременное совместное пребывание спортсменов для тренировок. 15. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 19. Химический элемент, металл. 20. Роман А. А. Караваевой. 21. Вид осетинской арфы. 22. Руководящий коллегиальный орган общественной организации. 24. Щелочное кристаллическое вещество. 26. Независимость, самостоятельность. 30. Документ, удостоверяющий принадлежность к определенной организации, партии. 32. Одно из средств грима. 33. Утверждение верховной властью международного договора. 34. Завершение фасада здания, колоннады. 35. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». 36. Заросли кустарника.

По вертикали: 1. Спортивная яхта-катамаран. 2. Картина М. Шагала. 3. Мемуары, воспоминания. 4. Шеренга. 6. Огнеупорный материал для кладки промышленных печей. 8. Опера Б. Сметаны. 10. Французский поэт XVIII—XIX веков. 11. Землеройная машина, используемая для строительства. 12. Народный художник СССР. 15. Демонстрация кинофильма в определенный промежуток времени. 16. Добро. 17. Советский футболист, чемпион Олимпийских игр 1956 года. 18. Представительница коренного населения северной части РСФСР. 23. Планета. 25. Популярный итальянский тенор. 27. Воздействие, авторитет. 28. Краткое совещание представителей прессы, на котором излагается позиция правительства по определенному вопросу. 29. Местное или социальное наречие, говор. 31. Вулканический остров в Тихом океане. 32. Порт в Греции на Эгейском море.

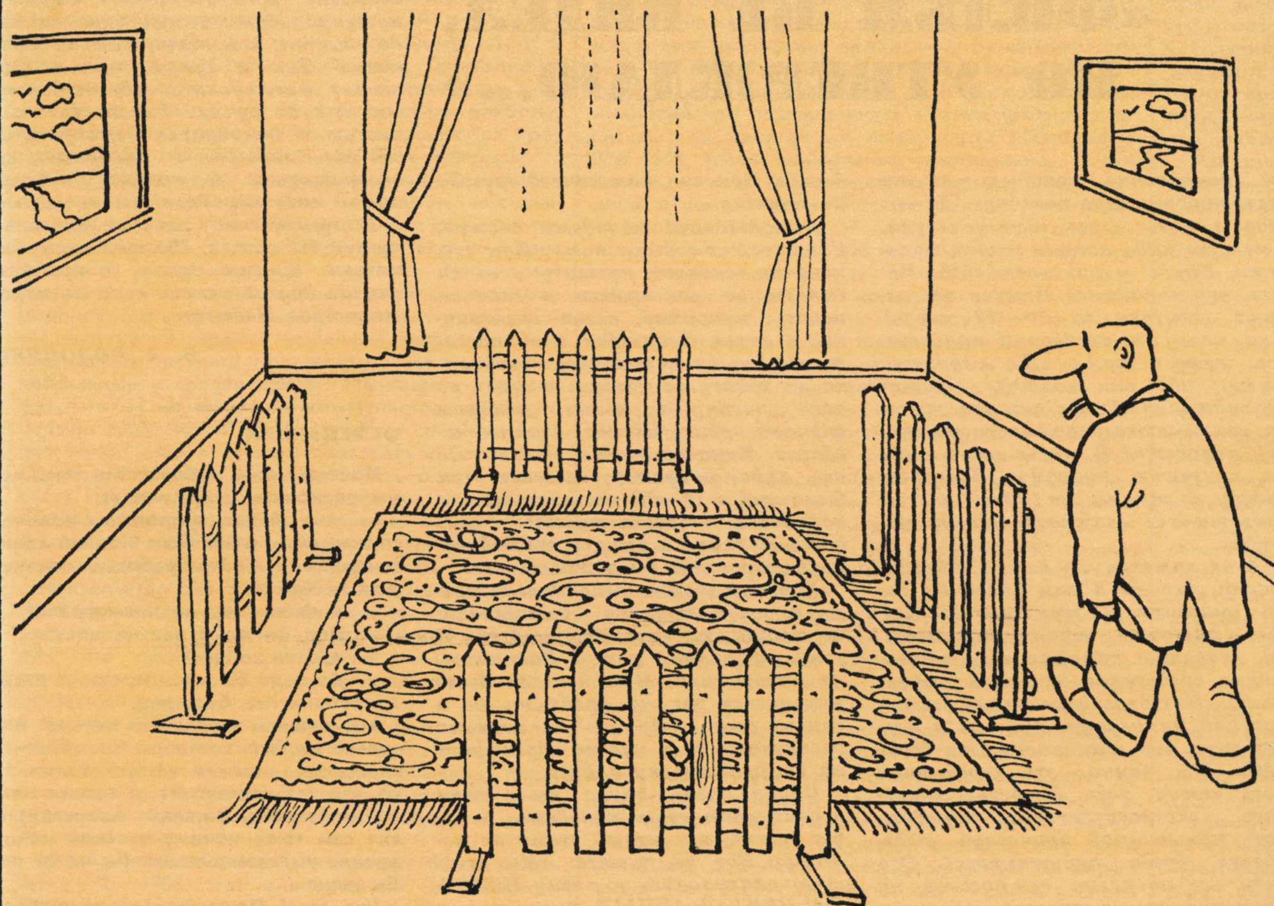
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

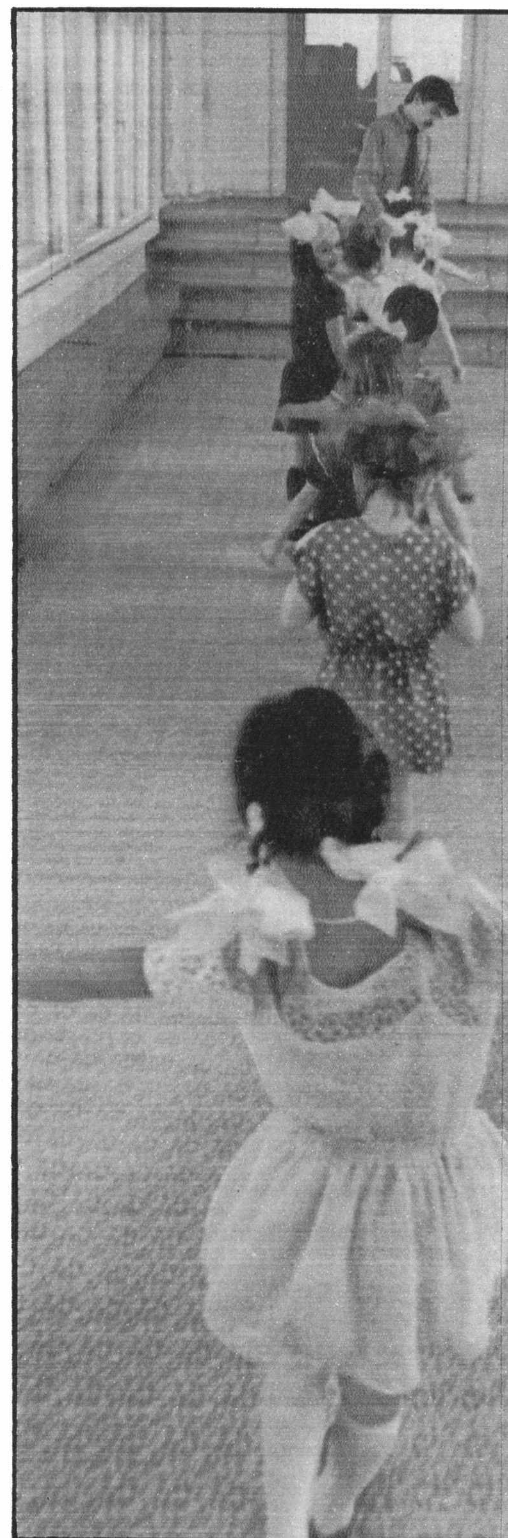
По горизонтали: 3. «Дубровский». 6. Кислород. 8. Клоунада. 10. Отсек. 12. Коло. 13. Олово. 15. Слива. 16. Арзни. 17. Берсенев. 19. Михайловское. 21. Арабеска. 25. Серна. 26. Анчар. 29. Макет. 30. Тире. 31. «Степь». 32. Эстафета. 33. Апостроф. 34. Мелиорация.

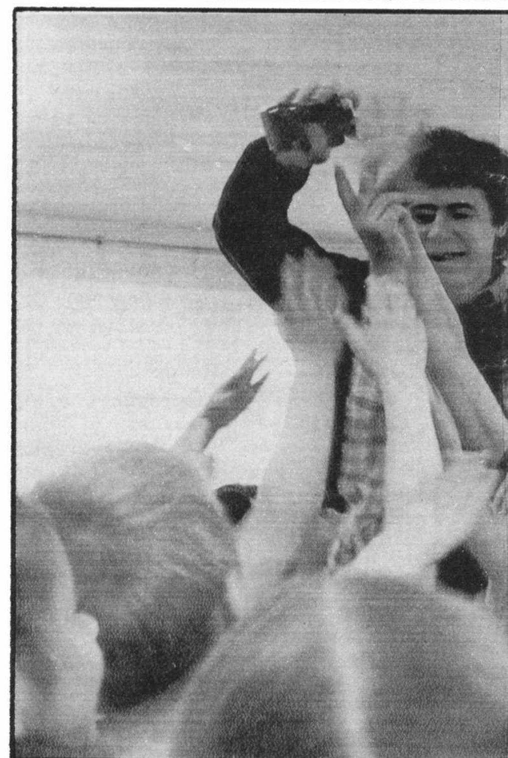
По вертикали: 1. Рубрика. 2. Миронов. 4. Редактор. 5. Саксофон. 7. Иловля. 9. Дровни. 11. «Современник». 14. Определение. 17. Бахта. 18. Векша. 20. Гермес. 22. Асатиани. 23. Серенада. 24. Сальто. 27. Стрелец. 28. Эстония.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

ДЯДИ НЯНИ

Их имена — Юра Коломиец и Андрей Бобков. Оба самовыражаются довольно своеобразно. Впрочем, лет двадцать — и даже побольше — назад мужик с подойником тоже казался диковиной...

А что же Юра и Андрей, они чем удивили?

Они няни. Юра и Андрей нянчат дошколят. Зарплата скудная, не разгуляешься, джинсов не купишь. Значит, тут что-то иное... Но что? Кураж юношеский? Эпатируют родных и знакомых? Или желание доказать, что им и ТАКОЕ по плечу? Да только нелегким делом оказалось быть воспитателем в детском саду. Достаточно сказать, что поначалу добровольцев трое было... Один бежал быстрее лани, бежал, как заяц от орла. Задора не хватило? Не прошло самонадеянное «сами с усами»? Кто не знает, что дома-то и с одним чадом трудно совладать. А тут три десятка. И все чужие. Но — и свои все!

Все свои! Курносые, с конопушками,

глазастые, любопытные, резвые, задиры, плаксы — всякие. Это нам сверху кажется, что маленькие ничего не понимают. Маленькие, но человеки. Мир, конечно, можно поделить на две половины — взрослую и детскую. Но это такая неправда... Не бывает отдельно детское солнце или детская трава. Иной раз детская мечта ведет к цели всю жизнь.

И вот поди подай им этот мир. С умом и любовью. Стало быть, все-таки любовь? Незаурядное чувство для парней.

А может быть, это просто эксперимент на себе? Летальным исходом он не угрожает, но все же... Тут все на виду. И сам ты, няня, на виду — у родителей, друзей, однокашников. А репутация? А честь смолоду? Не шутка...

Во всяком случае, юношей в педагогических училищах на пальцах пересчитаешь. И тех, кто отозвался на нужду детсада, всего-то трое. На весь Барнаул. Остались двое... Скорее всего у Юрия и Андрея есть стремление действительно стать педагогами. Так в старину адмиралы с матросов начинали.

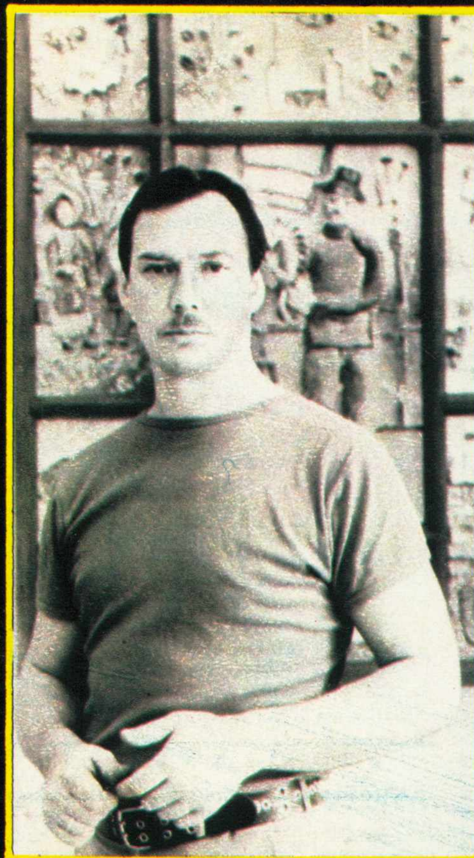
Ну, а как у нянь идут дела? Заведующая детским садом-яслями № 165 города Барнаула Валентина Семеновна Ермакова рассказала несколько загадочно о мужском влиянии на женский коллектив. Дескать, моральный климат отныне на высоте. Про малышей и говорить нечего: не оттащишь от дядей!

Игорь ФЛИС,
фото автора

ОГОНЁК

СОЛНЕЧНАЯ КЕРАМИКА

Он находится в расцвете творческих сил. Живет в Одессе, хотя родился под Новгородом. Работает одинаково вдохновенно и над изящными ювелирными миниатюрами, и над монументальными декоративными панно. Композиции Юрия Горбачева украшают сегодня интерьеры культурных центров и общественных зданий многих городов, их охотно приобретают для своих коллекций музеи. Керамические серии Юрия Горбачева демонстрировались в Италии, США, во Франции.

Первая персональная выставка мастера художественной керамики состоялась в Москве в 1982 году. «Очень интересная, очень тонкая, с необыкновенной фантазией выставка»,— такую запись оставил в книге отзывов народный художник СССР Савва Бродский. Да, они нравились и запоминались сразу, все эти обаятельные, острохарактерные образы и персонажи, которыми изобилуют керамические пласты и блюда, декоративные панно, рельефы и скульптурные композиции.

Одесситов вообще трудно чем-то поразить или удивить, тем более если речь идет о произведениях искусства. Любовно и ревностно относятся жители Одессы ко всему, что составляет славу и гордость родного города. Здесь, утверждают одесситы, живут люди с чувством прекрасного. И, конечно же, с чувством юмора. Мне кажется, как раз эти два качества и отличают очень эмоциональную керамику Юрия Горбачева.

Людмила ПТИЦЫНА

Индекс 70663
ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.